

СЕРГЕЙ ЮРОВ

*Белый шайен
Длинный Нож из форта Кинли
Их мечтой была Канада
Золото гор Уичита
Токеча*

Сергей Юров

**Белый шайен. Длинный Нож из
форта Кинли. Их мечтой была
Канада. Золото гор Уичита. Токеча**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Юров С. Д.

Белый шайен. Длинный Нож из форта Кинли. Их мечтой была Канада. Золото гор Уичита. Токеча / С. Д. Юров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Сборник вестернов погружает читателя в атмосферу Дикого Запада, где индейские племена прерий отчаянно сражаются с колонизаторами, где за жизнь не дают и цента, где стреляют чаще, чем дышат.

БЕЛЫЙ ШАЙЕН

Часть I

Глава 1

Пыльный причал Канзас-Сити кипел жизнью, когда я ступил на него в полдень 15 апреля 1865 года. Пароход «Дальний Запад» доставил на эту окраину цивилизации и меня, молодого двадцатипятилетнего парня, вознамерившегося увидеть жизнь границы собственными глазами.

Родной Сент-Луис остался далеко позади. После того как скончался долго болевший отец, ничто больше не удерживало меня в нем. Моя мать умерла в родах с первым моим криком. Дальние родственники жили на восточном побережье, и у меня не возникало никакого желания топтать тротуары шумного Бостона. Работа же клерка мне опротивела настолько, что я смотрел на свои обязанности как на нескончаемую пытку.

В отрочестве все свободное время я проводил в окрестных лесах и долинах с ружьем в руках, или на ранчо богатого Гарри Триппла, занимаясь объездкой молодых скакунов. В последние годы из-за болезни отца мне пришлось ограничить эти приятные занятия, но тогда же я открыл для себя целый мир увлекательных книг о Дальнем Западе, населенном отважными горцами, дикими индейцами, капитанами караванов и речными пиратами.

Любовь к охотничьим странствиям и лошадям досталась мне в наследство от деда по отцовской линии. Я немного помнил этого высокого, плечистого здоровяка и балагура, любившего рассказывать внуку русские сказки. Да, мой дед был чистокровным русским. Григорием Петровичем Козленковым, крепостным крестьянином князей Голицыных. Служил он псарем у молодого князя Дмитрия Голицына, чей отец, Дмитрий Алексеевич, был известнейшим российским дипломатом. Отвергнув богатое наследство и сложив с себя княжеский титул, младший Голицын покинул Россию в сопровождении нескольких слуг, чтобы переплыть океан и стать в глухих лесах штата Пенсильвания простым миссионером. В числе этих слуг был и мой дед. Позже Голицын отпустил его на волю, и неугомонный русский крестьянин отправился искать счастья в девственных землях Америки. Он прошел Огайо и Кентукки, Индиану и Иллинойс, пока судьба не занесла его в Сент-Луис. Тут скиталец, наконец, врос корнями в землю, женившись на симпатичной шотландке, Мэри Макферсон. По мере того как дед продвигался вглубь континента, менялась и укорачивалась на американский лад его русская фамилия. Сначала он был Котленкофф, потом стал Котлином, и уже в Сент-Луисе его все знали как Грегори Кэтлина.

Вылитый дед! – часто говорил мне отец, когда я вместо того, чтобы впитывать в себя школьные знания, уставшим возвращался с охоты и валился на кровать.

Однако здесь надо заметить, что неотесанным увальнем и отшельником меня никак нельзя было назвать. Даже пропуская занятия, я неизменно числился в списке преуспевающих учеников сначала в школе, а потом в престижном Уэбстеровском колледже Сент-Луиса. И именно поэтому отец смотрел на мои лесные отлучки сквозь пальцы, надеясь, что в будущем я образумлюсь и стану главой какой-нибудь коммерческой фирмы, а не вечным, как дед, скитальцем.

Мой интерес к Западу подогревался еще и тем, что по соседству с нами жил старый Том Уокер, бывший служащий Американской Пушной Компании. Его интереснейшие рассказы сбегались слушать мальчишки со всей округи, ну а самым благодарным слушателем был конечно я. Я приходил к нему запросто, и он считал меня своим юным другом. Он нередко

пророчествовал: «Нет, мальчик, не здесь твое место. Наступит время, и тебя унесет из Сент-Луиса неудержимый ветер прерий».

Том был траппером, исходившим вдоль и поперек все Скалистые горы. По правде сказать, я ему завидовал. Мне казалось тогда, что я опоздал родиться, что мне уже не суждено увидеть Запад таким, каким он остался в памяти Уокера.

И еще одно обстоятельство, может быть, самое главное. Моим однокашником по Уэбстеровскому колледжу был Джордж Бент, метис из племени южных шайенов. Вот уж с кем довелось всласть наговориться об интересующей меня теме! Джордж умел неплохо рисовать, и подкреплял свои рассказы добротными рисунками, которые, конечно, не могли соперничать с замечательными работами Джорджа Кэтлина, моего американского однофамильца, но чувствовалось, что в них вложена его индейская душа. В его коллекции можно было увидеть пейзажи рек Рипабליкен и Смокки-Хилл, бытовые зарисовки, сценки из охотничьей жизни и портреты знаменитых вождей, нарисованные по памяти. Облаченные в красивые одежды из замши и украшенные воинскими регалиями с рисунков на меня смотрели Черный Котел и Белая Антилопа, Тощий Медведь и Белая Лошадь. Римский Нос и Высокий Бизон. Все это было просто восхитительно.

Уезжая из Сент-Луиса на родину, Джордж Бент тепло распрощался со мной и, зная о моих желаниях, приглашал к себе. Но сыновний долг обязывал находиться дома. Я искренне любил отца и был подле него до конца. Жестокий туберкулез в те дни собирал богатую жатву.

Я похоронил отца на кладбище Святого Петра рядом с могилами русского деда и матери.

Итак, передо мной открылась дорога на Запад. Однако к 1865 году отношения между индейцами прерий и белыми жителями границы резко обострились. Об этом ходили слухи, об этом наперебой шумели газеты. Я понимал, что отправляюсь навстречу совершенно неизведанному будущему. Но понимать – не значит соглашаться, и я, отбросив все сомнения, собрался в путь. Я решил доплыть на пароходе до Канзас-Сити, а уж там поискать возможность присоединиться к охотникам на бизонов, или к походному каравану, чтобы не в одиночку добираться до фермы Бентов на притоке Арканзаса.

Мне удалось выгодно продать свой дом, и на часть вырученных денег купил себе карабин системы «спенсер» и шестизарядный «кольт».

Покидая родной город, я счел нужным нанести прощальный визит старине Тому. Часто навещая Уокера, я заставлял его за чисткой ружья. Это был длиннющий дальнобойный «шарпс», с которым он скитался по Скалистым горам. И сейчас он занимался своим любимым делом.

– Неужели уезжаешь, мальчик? – светло голубые глаза старика скользнули по моей фигуре и остановились на походной сумке. – Ну, что я говорил, а? – Он широко улыбнулся. – Запад набросил-таки на тебя лассо!

Тронув его ружье, я сказал с юмором:

– Да и ты, дядюшка Том, не прочь пострелять из этой музейной редкости где-нибудь на Западе, да тетя Джейн не пускает.

Старая супруга Уокера вечно ворчала, когда тот брал в руки оружие или вспоминал былые дни. Как будто и впрямь боялась, что страдающий ревматизмом муж сбежит из дома.

– Тс-с! – Том прижал палец к губам. – Она в соседней комнате. Не дай Бог услышит о Западе, так будет ворчать весь день и следующий прихватит в придачу. – Он вдруг вскинул брови и гаркнул: – О чем я говорю? Что ж нам, шептаться, если ты, дружище Джо, как раз туда и собрался!

На его зов из соседней комнаты вышла тетя Джейн, как всегда в своем неизменном голубом чепчике. Услышав, что я отправляюсь в путь, она всплеснула руками, пустила слезу, обняла меня и с тяжким вздохом уселась рядом с мужем.

– И куда же ты отправишься, мальчик? – спросил Уокер, откладывая шарпс в сторону.

– До Канзас-Сити. а там видно будет.

– Да-да, Канзас-Сити, – вздохнул старик. – Бывал я там. Тогда в этом Сити не насчитывалось и дюжины домов. А теперь, я слышал, это настоящий улей.

– Столица Запада, говорят.

– А чем будешь заниматься?

– Не знаю. Может быть, примкну к какой-нибудь партии охотников на бизонов. Ты помнишь, дядя Том, я всегда мечтал увидеть прерии.

Старик качнул головой и поскреб заросший седой щетиной подбородок.

– Жаль, Джо, что я ничем не могу тебе помочь. В смысле того, чтобы определить тебя к моим давнишним друзьям... Но где они теперь? Бог весть. Был моложе, не терял с ними связи. Все думал еще малость побаловаться с этим ружьем. – Он развел руками. – А сейчас мне уже не сдюжить... Вот ребятки мои, те еще в седле. Они ж, поди, все помоложе... Ну да, конечно. И Джимми Бриджер, и Билли Уильяме, и Кит Карсон, все они.

Старик помолчал немного и закончил:

– Но ты молод, сынок, и это главное. Будут у тебя и друзья и недруги. Такова уж жизнь. Только всегда оставайся человеком!

С этим напутствием и оставил я уютный домик старого ловца бобров.

...Канзас-Сити шестидесятых был самым оживленным местом на Западе. Этот пестрый приграничный город стоял на пересечении всех малых и больших путей как с Востока на Запад, так и обратно. Из него вверх по Миссури уходили пароходы в страну индейцев тетонов-сиу, и еще дальше в места кочевий ассинибойнов и черноногих. Отсюда начинали свой путь караваны, которым предстояла долгая дорога по знаменитой Тропе Санта-Фе, оканчивающейся в далеком мексиканском штате Чиуауа. Из Канзас-Сити отправлялись в прерии и охотники на бизонов.

После завершившихся сезонов сюда стекались все пограничные люди. Здесь бывали трапперы и торговцы, охотники и ковбои, разведчики и проводники, лесорубы и погонщики мулов. Они превращали этот город в место бесконечного веселья, а также жестоких драк и перестрелок. Здесь ковбои, зарабатывающие большие деньги за доставку скота из Техаса, спускали их в салунах за считанные дни. Трудно добытое золото старателей быстро перекочевывало в карманы картежников и барменов.

Одним словом Канзас-Сити был воротами на Запад, распахнутый для бесконечного потока путешественников, среди которых оказался и я.

Сойдя на берег, я немного задержался на нем, чтобы осмотреться, и в спокойной обстановке вступить на главную улицу Столицы Запада. Я отошел к большому стеллажу сосновых бревен, на одном из которых сидел какой-то пожилой человек. Мельком взглянув на него, я присел рядом.

Толчея и суматоха на берегу понемногу стихали. Встречающие нашли своих знакомых или родственников и отправились в город. Остальные пассажиры «Дальнего Запада», не задерживаясь подобно мне, у причала, длинной вереницей шли по направлению к Мэйн-стрит. Вскоре лишь грузчики остались на берегу.

– Черт возьми! – раздался зычный голос моего соседа по бревну, – Пропади все пропадом! Сколько мне еще торчать в этом битком, набитом людьми городе? – Он встал и с силой хлопнул ладонями по бедрам. – Проклятье!

Я внимательно всмотрелся в старика и с удивлением обнаружил, что где-то встречал это крупное лицо с характерным твердым подбородком, синими глазами и внушительным кадыком.

– Ба!.. – непроизвольно вырвалось у меня. – Джимми Бриджер!

Я вспомнил, где видел это интересное лицо. Оно красовалось на обложках многих дешевых книжечек, повествующих о легендарном времени первых трапперов.

Старик окинул меня взглядом и произнес:

– Мне кажется, мы с тобой не знакомы, парень.

– Верно, – сказал я. – Но я десятки раз видел твое изображение на обложках. Я много читал о трапперах.

– Хм, – самодовольно хмыкнул Бриджер. – Вон оно что. Эти писаки, к слову сказать, большие плуты. Марают бумагу, врут, приписывая Бриджеру подвиги, которые ему и не снились.

– Ну не всегда же они врут. Кстати, я знаю о подлинной жизни Бриджера больше, чем все писатели вместе взятые.

– Вот как! – Старик с интересом посмотрел на меня.

– Сам я из Сент-Луиса. Моим соседом по улице был Том Уокер...

Услышав это имя, Бриджер заулыбался, его глаза лучились теплом.

– Что ты говоришь?! Старина Томас – твой сосед?!

Он снова уселся на бревно и, взяв меня за локоть, принялся расспрашивать об Уокере. Я с охотой отвечал на все его вопросы. Видно было, что Бриджеру доставляет немалое удовольствие видеть и слушать человека, который лично знал его давнишнего приятеля. Потом он сам разошелся и долго рассказывал мне о том, как они вместе с Уокером осваивали охотничьи пространства Скалистых гор. Много из того, что мне довелось услышать от Бриджера, я уже знал, но из уважения к прославленному горцу не перебивал его, про себя радуясь, что этот великий траппер встретился на моем пути.

Когда он уgomонился, я счел нужным рассказать о себе и своих намерениях.

– Во-первых, – предложил он мне, – тебе нужна гостиница. И та, в которой я поселился, подойдет для тебя. Она называется «Париж», расположена в тихом месте и отличается скромной платой за жилье. Во-вторых, вечером я познакомлю тебя кое с кем из своих приятелей. И последнее, коли Джим Бриджер, помогает тому, кто дружил с Томом Уокером, то делает это от чистого сердца... А теперь, пойдем.

Прежде чем тронуться с места, я поинтересовался у траппера:

– Ты, кажется, ждал сегодня кого-то?

Бриджер нахмурился и буркнул:

– Одного типа, который думает, что мое терпение беспредельно. Мне надоело каждый день ходить к причалу. – Он сплюнул на песчаный берег. – Не люблю, когда не держат своих обещаний... Но для тебя это не интересно. Идем!

Вскоре мы уже шагали по главной улице Канзас-Сити. В это полуденное время она была почти пуста. Довольно жаркое солнце апреля загнало обитателей города под крыши домов и салунов. Последних было, как мне показалось, чересчур много даже для Столицы Запада. Хотя, надо признаться, ни один из них не пустовал. Видно, трезвенниками в этом городе и не пахло.

Мы собрались было свернуть в переулок, ведущий к гостинице «Париж», когда с дальнего конца Мэйн-стрит послышался грохот несущегося на всех парах конного экипажа. Невольно мы остановились. В тучах пыли к нам приближалась шестерка бешено скачущих лошадей, запряженных цугом. Перепуганный вид старого возницы ясно говорил о том, что лошади понесли. Редкие прохожие шарахались в стороны, в изумлении провожая взглядами дикую запряжку.

Я стоял в нерешительности до тех пор, пока до моего слуха не донеслись громкие крики женщин, находившихся в экипаже. Затем меня сорвало с места. В следующие мгновение я уже висел в упряжи передовой, ближней ко мне лошади. Меня трясло и швыряло, как камень в трещотке индейского шамана, но моя хватка не

Сначала экипаж катился с прежней скоростью. Потом моя лошадь стала притормаживать, задерживая остальных животных.

Я стал надеяться на благоприятный исход этого инцидента, как вдруг вся шестерка лошадей резко сдала влево, в мою сторону. Чтобы не оказаться под копытами и колесами экипажа, я всем телом рванулся назад. Моя голова ударилась обо что-то твердое, и я потерял сознание...

Чувства медленно возвращались ко мне. В голове гудело. Сквозь полу прикрытые веки я различил фигуры двух девушек склонившихся надо мной. Они о чем-то говорили. Я прислушался к их разговору, все ещё не в силах разогнать окутавший мою голову туман.

– Он, кажется, приходит в себя.

После этих слов я почувствовал на своем лице прикосновение.

– Этот молодой человек спас нам жизнь, Элизабет.

– Ох, Лаура, если бы не он, наш экипаж разнесло бы в щепки... Негодный кучер, негодные лошади! Я сегодня же скажу отцу, чтобы он выгнал старого бездельника и сменил лошадей.

– Извините меня, мисс Карстерс. – Голос принадлежал, по-видимому, вознице. – Я делал все возможное...

– Замолчите, Питер! Я не желаю слушать ваших оправданий... Лаура, посмотри, нет ли у него раны на голове.

Мягкие женские пальцы пробежали по моим вискам, лбу, темени.

– Есть, кажется, ссадина и на темени растет великолепная шишка.

– Ну, это полбеды, – рассмеялась Элизабет.

Я шире открыл глаза и увидел над собою лицо Лауры. Оно меня поразило сразу. Красота его была ошеломляющей. Представьте себе большие карие глаза в обрамлении длинных густых ресниц, высокий чистый лоб, тонкий нос с едва заметной горбинкой, полные яркие губы, твердый округлый подбородок, высокие скулы, и все это в сочетании с матово-смуглой экзотической кожей, и вы были бы очарованны не меньше моего.

– С вами все в порядке, мисс? – Я едва узнал свой голос – так он дрожал от перенесенного шока.

– Девушки-то отделались легким испугом, – послышался густой бас Джима Бриджера. – А вот как ты себя чувствуешь?

Я кивнул Бриджеру и огляделся. Я лежал у веранды какого-то салуна. Толпа посетителей высыпала на улицу, обсуждая случившееся. Мне стало не ловко.

– Думаю, что ничего серьезного, Джимми, – сказал я и попытался встать.

На удивление сильные руки девушки прижали мои плечи к земле.

– Лежите смирно, – категорично заявила Лаура. – Вы еще слабы. Сейчас перевяжем вам голову, тогда и поднимитесь.

– О, не стоит волноваться, – возразил я, мягко отстраняя руки девушки. – Мне вполне по силам самому дойти до стенки.

Я встал на ноги, отряхнул с грязной и изодранной одежды пыль, и, взглянув на Лауру, едва сумел сдержать возглас удивления. Передо мной стояла ну просто индейка, с бирюзовыми бусами на шее, в расшитом многочисленными лосиными зубами платье из тонко выделанной оленьей замши, отороченном густой бахромой, в высоких, до колен мокалинах, сплошь украшенных стежками бисера. Так вот откуда и матово-смуглая экзотическая кожа и чуть выступающие скулы! Но этот чистейший английский язык, и это вполне американское имя – Лаура?.. Хм-м... Я терялся в догадках, пытаюсь уяснить для себя, что скрывалось за загадочной внешностью прекрасной незнакомки.

Размышляя над этим, я и не заметил, что она пристально смотрит на меня. В прямом взгляде ее карих глаз были не только сострадание и благодарность, но и еще кое-что, от чего мое сердце сладко екнуло. Это был интерес. Неподдельный интерес женщины к мужчине. К своим двадцати пяти годам я уже мог знать наверняка, что означает этот взгляд. Ловеласом я, конечно, не был. Но за мной числилась не одна легкая победа над девицами. Кажется, я им нравился. Чтобы не прослыть самонадеянным хлыщом, мне придется описать свою внешность

с подслушанного разговора двух Сент-луисских девушек. Вот как он звучал: «Ты должна знать Кэтлина. Такой высокий, плечистый, с темными длинными волосами. Глаза?.. Глаза карие... Нос?.. Нос тонкий, прямой... Лицо?.. Лицо узкое, подбородок твердый. В общем, недурен».

Несколько секунд мы глядели глаза в глаза, затем Лаура первой отвела взгляд, а я мысленно выругал себя то, что не опередил ее в этом. В конце концов, надо соблюдать приличия.

– Отважный незнакомец, – взяла инициативу в свои руки Элизабет. – Вы, несомненно, рисковали жизнью, бросившись к нам на помощь. Огромное спасибо! Чем мы сможем отблагодарить вас?

– Ну что вы, мисс. Каждый мужчина сделал бы это.

– Бросьте! – воскликнула она, метнув презрительный взгляд на толпу. – Все мужчины, кроме вас, жались, как побитые псы, к тротуарам! Ваше имя, если можно?

– Джозеф Кэтлин, – с удовольствием представился я.

– Элизабет Карстерс. – она протянула мне руку. – А это, – она указала на Лауру, – моя подруга – Лаура Осборн.

Когда маленькая рука Лауры оказалась в моей руке, я нашел в себе смелость произнести:

– Мисс Осборн, может, это и прозвучит бестактно, но я скажу: вы прекрасны!

– Спасибо за комплимент, мистер Кэтлин.

– Это не комплимент, а непререкаемая истина!

– Вы преувеличиваете.

– Нисколько! Ваша внешность... Она так необычайна...

Наш диалог прервала ее подруга. Элизабет Карстерс, как и Лауре, было не более двадцати лет. Это была миловидная блондинка с ясными голубыми глазами и вздернутым носиком

– Лаура, нам пора, т заявила она полусерьезным тоном. – Неприлично посреди улицы разговаривать даже с тем мужчиной, который избавил нас от опасности. – Она лукаво посмотрела на нас обоих и предложила: – Не лучше ли, моя подружка, для продолжения знакомства пригласить мистера Кэтлина на завтрашний бал к нам, в «Тройное К»? И отец, и приглашенные, я думаю, будут рады такому гостю.

Я заметил, что это предложение пришлось по душе Лауре, хотя её ответ прозвучал, подчеркнуто корректно:

– Как будет угодно мистеру Кэтлину.

Мне же ничего не оставалось, как ухватиться за предоставленную возможность увидеть Лауру ещё раз, и я произнес:

– Мне очень приятно получить от Вас приглашение. Только есть одна трудность: я впервые в Канзас-Сити и не знаю, где расположено «Тройное К».

– Ах, какая ерунда, – махнула рукой Элизабет. – Наше ранчо в пяти милях от города по западной дороге. Вам не составит никакого труда найти его. Значит, ждем Вас завтра в семь часов вечера?

– Хорошо, постараюсь не опоздать.

Я обменялся с девушками поклоном, и они, поместившись в злополучный экипаж, тронулись в путь.

Мы с Бриджем сначала зашли в аптеку, а потом зашагали к гостинице.

– Ты не знаешь этих девушек, Джим? – спросил я его.

– Впервые вижу, – пожал он плечами. – Я, вообще, мало с кем здесь знаком.

Признаться, я надеялся, что старику что-нибудь известно о Лауре Осборн. Не прошло и пяти минут после расставания с ней, а мне хотелось увидеть её снова, как не терпелось получить хоть какую-нибудь информацию. Девушка понравилась мне сразу, более того, она меня заинтриговала.

За весь путь до гостиницы Бриджер лишь однажды упомянул о моем поступке, но простые слова великого человека границы были больше, чем награда.

– Ты поступил как настоящий мужчина, мальчик, – сказал он и крепко пожал мне руку.

У входа в гостиницу Бриджер задержался и, показывая большим пальцем на дверь, с улыбкой произнес:

– Могу держать пари, что портье дрыхнет за столом. Клянусь, у него сонная болезнь. Спит, как сурок.

Мы вошли в отель, носивший звучное название «Париж». Однако обшарпанные стены и полы убедительно говорили входящему гостю, что это далеко не Париж и даже не Бордо. Кстати сказать, почти все отели Канзас-Сити претендовали своими вывесками на некое грандиозное великолепие, ибо по пути в «Париж» мы миновали три европейских столицы и какой-то древний город России.

Как и предсказывал траппер, портье безмятежно спал. Ни наши громкие шаги, ни покашливание не потревожили его сна. Только когда я сильно потрянул его плечо, лысоватый старичок подпрыгнул на стуле и уставился своими по-детски голубыми глазами на меня.

– Что прикажете, мистер?..

– Кэтлин... Джозеф Кэтлин, – представился я.

– Очень приятно, молодой человек, – вежливо произнес старик и, переведя взгляд на траппера, улыбнулся: – Ах, Вы, оказывается, с мистером Бриджером!.. Ну-ну, слушаю вас.

– Мне бы хотелось остановиться здесь на неопределенное время. Что вы мне предложите?

– Мистер Ньюком, – обратился к портье Бриджер. – Кажется, соседний номер пустует. Поселите в нем парня.

– О да, конечно, – быстро пролепетал старичок. – Номер «пять» совершенно свободен.

Мы поднялись на второй этаж по скрипучей лестнице и прошли к пустующей комнате.

– Пожалуйста, вот Ваш номер. – сказал портье, подавая мне ключ. – Располагайтесь, будьте как дома.

Он спустился вниз, а мы с Бриджером зашли в номер и осмотрели его. Это была чистая комната с небольшим окном. Кровать, тумбочка, стол – вот и вся обстановка. Я прошелся по номеру и бросил в угол походную сумку.

– Тебе следует отдохнуть, Джо, – посоветовал мне Бриджер. – Выспись, а вечером мы сходим в одно местечко... Идет?

Траппер говорил дело. Путешествие на пароходе утомило меня, и сон был бы большим благом.

– Твоя правда, Джим, – признался я. – Здорово хочется выспаться.

Траппер пожелал мне спокойного крепкого сна и ушел к себе. Я отстегнул ремень с «кольтом» 45 – калибра, разделся и первым делом кое-как заштопал свою пострадавшую одежду. Затем прилег на кровать. Не успела моя голова коснуться подушки, как я отправился в мир сновидений.

Глава 2

Я проснулся около восьми часов вечера. Одевшись и нацепив ремень с оружием, я закрыл номер, и постучался к Бриджеру. Никакого ответа. Я назвал. За дверью было, по-прежнему, тихо. Оставалось только спуститься вниз и справиться о траппере у портье.

Я не ошибусь, если скажу, что любимым занятием старичка-портье, был сон. Даже оглушительный скрип лестницы не сумел вывести мистера Ньюкома из его блаженного состояния. Но мне нужны были сведения, и я разбудил его.

– А-а, – вздрогнул он, с трудом сфокусировав взгляд на мне. – Ох, извините, мистер Кэтлин. Я немного вздремнул тут...

– Ничего, мистер Ньюком, – перебил я – Я хотел спросить Вас о Бриджере.

– О, мистер Кэтлин, не волнуйтесь. Для вас здесь оставлена записочка... Вот она.

Я взял из рук портье записку и прочитал её.

«Джо, я не смог достучаться. Видно, ты крепко спал. Не беда. Приходи в салун Майкла Брэкетта. Он расположен в центре Мейн-стрит, рядом с банком. Я жду тебя.

Джим Бриджер.»

Я поблагодарил старичка и вышел на вечернюю улицу Канзас-Сити. После продолжительного сна хотелось промочить горло стаканом холодного лимонада, и я решил зайти в первый же попавшийся на пути салун. Он назывался «Желтый Орёл». Внутри слышалась яростная ругань, но жажда слишком сильно давала о себе знать, чтобы пройти мимо.

Я решительно переступил порог «Желтого Орла» и замер при виде открывшейся мне картины. Прижавшись спиной к стойке, рослый человек в ковбойской одежде с помощью длинного ножа сдерживал напор троих молодцов весьма сомнительного вида. Четвертый же прокрался за стойкой мимо обезумевшего от страха бармена и занес вооруженную ножом руку над головой ковбоя. Для оценки ситуации мне потребовалось меньше двух секунд. Мой «кольт» переключался из кобуры в руку за полсекунды и изрыгнул пламя. Пуля нашла цель. Дико взыв от боли, прокравшийся за стойку бандит, выронил нож, схватившись за раненую руку. Трое других резко подались в стороны, испуганно глаза на меня.

– Даю пять секунд на то, чтобы вы убрались отсюда ко всем чертям! – Мой голос был твёрд, лицо пылало гневом. – Раз... Два... Три...

Угроза подействовала. Я ещё никогда не встречал такой прыти в людях, которым предложили очистить помещение. Бандиты вылетели из салуна пулей, и потом ещё долго раздавался топот бегущих ног.

– Вот что, значит, зайти даже в такую дыру, как этот «Орел», без оружия, – нарушил молчание ковбой.

– Что здесь произошло, приятель? – поинтересовался я, окинув его внимательным взглядом.

Выдающийся рост, черные, как уголь, глаза, черные длинные волосы, черные усы и борода сразу бросались в глаза и западали в душу. Такого встретишь раз – и уже никогда не забудешь.

– Да вот зашел сюда пропустить стаканчик лимонада, – пояснил он, – а те четверо ублюдков решили, что содержимое моего кошелька мне ни к чему. – Он с теплотой посмотрел на меня и протянул руку. – Будем знакомы, избавитель... Тони Сайкз.

– Джо Кэтлин. Я не знаю, как это назвать, но отныне, Сайкз, ты будешь пить лимонад с особым удовольствием.

– Что это значит?

– Это значит, что я посетил салун в опасный для тебя момент в надежде выпить холодного лимонада.

Черный здоровяк затрясся всем телом, издавая что-то наподобие кудахтанья. Это так он оригинально смеялся.

– Черт побери! – выдавил он чуть погодя. – Клянусь, с этого момента рядом с бутылкой виски на моем столе всегда будет стоять бутылка лимонада! – Он посерьезнел. – Знаешь, Кэтлин, я тебя вижу впервые, но что-то мне подсказывает, что ты новичок в Канзас-Сити.

– Действительно, это так... А ты, я полагаю, здесь известный человек. Чем занимаешься, если не секрет?

Я заметил, что Сайкзу пришелся не по душе мой вопрос. Он как-то странно поглядел на меня, в его темном взоре появился холодок.

– На Западе не принято задавать таких вопросов, – в его голосе звучало неодобрение.

– Я думал, что... э-э... что после того, как помог тебе, – смутился я, – то можно задавать вопросы.

Секунду-другую он по-прежнему хмурился, а затем улыбнулся. Но это была вымученная улыбка, в его глазах оставался так не понравившейся мне холод.

– Ну, ладно, Кэтлин. Считай, что я занимаюсь торговлей скота... Давай-ка, лучше выпьем. – Он рассмеялся своим оригинальным смехом, теперь уже вполне радушным. – И запьем холодным лимонадом.

Испуганный бармен засуетился за прилавком и быстро выполнил заказ Сайкза.

Опрокинув стакан виски и запив его лимонадом, Сайкз сказал:

– Вот что, Кэтлин. Поскольку ты впервые на Западе, я дам тебе кое-какие советы... Никогда не выходи на улицу без оружия, не суйся не в свои дела, постарайся вести себя смирно и ты дотянешь до преклонного возраста... И ещё. – Он снова пожал мне руку. – Тони Сайкз не забывает людей, спасших его от смерти, даже если это обыкновенные прохожие. Он мстит не хуже индейца пауни, но и умеет платить долги.

С этими словами он отпустил мою руку и пошел к выходу. В дверях он обернулся.

– Если наши пути пересекутся, я вспомню случай в дыре «Желтый Орёл».

Я остался стоять в салуне, облокотившись на стойку. Было, над чем поразмыслить. Ещё не угас свет моего первого дня на Западе, а я уже дважды попал в переделки. И все это указывало на то, что это только начало.

– Знаете, кому Вы спасли жизнь? – Голос бармена вывел меня из задумчивости.

– Ну? – Я повернулся к стойке.

– Черному Тони.

– Исчерпывающая информация, – улыбнулся я, когда понял, что это всё.

Бармен нетерпеливо прокашлялся.

– Он правая рука Стива Блэкберна.

– И это имя мне ни о чем не говорит.

Лицо бармена вытянулось.

– Вы что, первый день в этом городе?

– Истинная правда.

Бармен понимающе кивнул и почти что зашептал мне на ухо:

– Я скажу Вам одно: это страшные люди и хоть в Канзас-Сити они бывают не часто, но каждый раз учиняют резню по самому незначительному поводу... Просто удивительно, как это Черный Тони забрел ко мне в одиночестве и без оружия. Вероятно, где-то на этой улице у него любовница.

– Ну, мне не чего бояться этих людей. Ведь одному из них я спас жизнь.

– Может быть, может быть, – неуверенно пробормотал он.

– Но от чего эти люди Вам кажутся страшными?

Бармен медлил с ответом, собираясь с мыслями, затем высказался так:

– Не могу сказать ничего определенного. Просто за ними закрепилась дурная слава, хотя этот босс Блэкберн из почетной семьи и доводится близким родственником одному из самых уважаемых владельцев ранчо в окрестностях Канзас-Сити.

– Кому же? – Мой вопрос прозвучал без всякого интереса.

– Кевину Карстерсу, хозяину «Тройного К».

– Вот так-так! – вырвалось у меня. – Оказывается, я имею прекрасную возможность познакомиться с близким родственником Элизабет, человеком, нагоняющим страх на Канзас-Сити!

– А говорите, Вы новичок в городе, – упрекнул меня бармен,

Я предположил, что хозяин «Желтого Орла» может поделиться со мной сведениями о Лауре и рассказал ему о дневном инциденте на Мэйн-Стрит.

– Вы говорите, её зовут Лаура? – После моего рассказа спросил он.

– Лаура Осборн.

– Носит индейскую одежду?

– Да она вылитая индейская принцесса!

– Ну, если не ошибаюсь, именно в эту, не то индеанку, не то мексиканку по уши влюблен Стив Блэкберн.

Помню, я не задал больше не одного вопроса. Просто вышел из салуна, не простившись с хозяином, и медленно побрёл к главной улице города, удрученный и подавленный. И так, первая, действительно первая по-настоящему понравившаяся мне девушка любима другим мужчиной, Стивом Блэкберном, главарем какой-то чрезвычайно опасной шайки... Но разделяет ли его чувство сама Лаура? Этого я, конечно, не знал, и мне оставалось лишь уповать на то, что это было не так.

По пути в салун Майкла Брэккетта я прошел мимо нескольких заведений подобного рода. Залы салунов были ярко освещены, в них толпились захмелевшие клиенты, игравшие в покер и распевавшие модные песенки. Постоянно слышалась божба вперемишку со звоном посуды и стекла.

Наконец внушительное здание под вывеской «Салун Майкла Брэккетта» предстало перед моими глазами. Если этот салун и отличался от только что увиденных мною, то только своими размерами. Да, это строение было шире и выше других заведений, но на том отличие и заканчивалось.

Я зашел внутрь и, задержавшись у двери, принялся разглядывать разношерстную публику, среди которой надеялся отыскать Бриджера.

Почти все столики были заняты. Вокруг двух больших столов столпилась куча посетителей. Здесь бойко шла игра в покер. Судя по вспотевшим красным лицам и развязанной речи, участники игры достаточно накачались виски, бренди и другими крепкими напитками.

Рядом с эстрадой какие-то пьянчуги, скорее всего, ирландцы, лихо отплясывали джигу под аккомпанемент пикиающей скрипки и расстроенного пианино. Многие кто сидя, кто стоя подбадривали плясунов хлопками и поощрительными возгласами.

Словом, веселье было в самом разгаре.

Я увидел Бриджера сидящим за одним столом с грузным круглолицым человеком в замшевой одежде с обильной бахромой.

– Присаживайся, Джо, – весело сказал Бриджер, когда я подошел к столику. – Присаживайся и знакомься с моим добрым приятелем... Помнишь, я говорил, что познакомлю тебя кое с кем вечером?... Так вот это и есть тот человек.

Обменявшись рукопожатием и назвав свои имена, мы улыбнулись друг другу. Кристофер Джеймс был добродушным пятидесятилетним толстяком с живыми озорными глазами и подвижными чертами круглого лица. В ходе последующего разговора я узнал, что он был охотником на бизонов. Я поинтересовался у него, как прошла его последняя экспедиция в прерии.

– Мы охотились у истоков Рипабликэн, в землях шайенов и арапахов. Теперь времена изменились, идет, по сути, настоящая пограничная война, и нам приходилось держать ухо востро. К счастью, у меня хорошие отношения с вождями этих племен. В общем, все закончилось благополучно, и месяц назад мы вернулись с большим запасом бизоньих шкур.

– Значит, так, – вставил Бриджер. – Надо прояснить дело сразу. – Он повернулся к Джеймсу. – Крис, ты тут заговорил об охоте на бизонов, о шайенах и будет к месту сказать, что этот парень, – Бриджер похлопал меня по плечу, – спит и видит, как бы поскорее добраться до фермы Бентов... Как ты отнесешься к тому, чтобы взять Джо с собой в следующей экспедиции. Ты, по-моему, планируешь отправиться в тот же район через неделю?

– Да, да, через неделю, – подтвердил Джеймс и окинул меня взглядом живых карих глаз. – Ты, Джо, получается, знаешь Бентов?

– Одного из них, – уточнил я. – Джорджа. Мы учились вместе в колледже Сент-Луиса.

– Ага, – кивнул головой Джеймс. – А вот что я тебе скажу: здесь, в Канзас-Сити сейчас находится брат Джорджа, Чарли Бент.

Для меня это было полной неожиданностью, и довольно-таки приятной. Неугомонный младший брат Джорджа, оказывается, в Канзас-Сити! Превосходно! Теперь у меня будет провожатый из самого семейства Бентов. Нужно только увидаться с ним. Я вспомнил, что в своих письмах к брату, Чарли и Роберт часто передавали привет учащемуся, который рвётся побывать у них в гостях, то есть – мне.

– А где я его могу увидеть? – спросил я охотника.

– Может, сегодня он зайдет сюда...

– Он бывает здесь? – удивился я, сам не зная почему.

– А что, разве метисам сюда вход воспрещен? – улыбнулся Джеймс.

– Да, нет, почему же. – смутился я. – Просто все так неожиданно... А как он оказался в Канзас-Сити?

– Три года подряд он провожает сюда одну родственницу... Нет, Джо, ты, в самом деле, хочешь отправиться на Запад? – переменял он разговор. – Тебя не смущает, что там сейчас опасно?.. Понимаешь, время визитов к шайенам кончилось. Эта резня на Сэнд-Крик всполошила не только их. Арапахи и тетоны тоже злы как никогда.

– Ну, я же буду на ферме Бентов, под их защитой... Только не пойму, от кого им защищать меня. От шайенов?

– Эх, Джо, – вздохнул Джеймс, – Уильям Бент со своим семейством в странном положении. Сам он чистокровный белый, как ты, наверное, знаешь, но его дочери и сыновья – метисы, которые предпочитают жить как индейцы и держат их сторону. Да и сам Уильям слишком хорошо относится к шайенам, чтобы не вызвать гнев у армии и поселенцев.... Вот такая заковыка...

– Я не отступлюсь от своей затеи, – упрямо возразил я.

– Затея затеей, Джо. А там, где ты хочешь побывать, надо иметь и смелость, и мужество, и выдержку. Даже я туда поеду в последний раз.

– Э-э, ты это брось, Крис, – вмешался Бриджер. – Коль парень решил, то нечего его отговаривать. А насчет смелости и мужества, то у него этого хватает. Сегодня я кое-что видел.

И он рассказал Джеймсу о том, как я остановил запряжку.

Охотник взглянул на меня иными глазами.

– Ну, что здесь сказать? Отважный поступок... А как звали тех девушек, которые были в экипаже? Ведь интересно, кто из моих горожан тебе обязан жизнью.

Похоже, в лице Кристофера Джеймса я нашел сведущего человека, который сможет рассказать мне о Лауре.

– Я отвечу на этот вопрос с удовольствием, – поспешно сказал я. – Дело в том, что одна из них мне очень понравилась...

– Так кто же они?

– Элизабет Карстерс и Лаура Осборн.

Охотник повел бровями и самодовольно закивал головой.

– Знаю я этих малышей... И какая же из них тебе приглянулась?

– Лаура.

– Хм-м, Лаура, значит.

– Крис, я хотел бы знать о ней всё.

Джеймс подумал о чем-то и протянул:

– Ну, допустим, все я тебе о ней не расскажу, но за многое ручаюсь. – Он как-то весело взглянул на меня. – Об остальном ты услышишь от Чарли Бента.

Я недоуменно уставился на охотника.

– А причем здесь Чарли?

– А притом, что именно Лауру эти три года он провожает в Канзас-Сити. Она ему троюродная сестра. На этот раз они привезли сюда и младшую сестру Римского Носа.

И вот что мне поведал старый Джейс в салуне Майкла Брэккетта под неумолчный гомон посетителей:

– Дэвид Осборн, отец Лауры, прибыл в эти края лет, эдак, двадцать пять назад. Он был доктором по профессии и некоторое время жил в Канзас-Сити, занимаясь врачебной практикой. Однако скоро ему это надоело. Он решил переменить жизнь и переменял её в корне. В милях пятнадцати к западу от города он выстроил себе просторное ранчо и занялся скотоводством. Как оказалось, дело это у него пошло прекрасно, он ни о чем не жалел, а если приходилось, то только о том, что в просторном доме не хватает тепла женских рук. А ведь ему уже было около сорока.

И как это часто бывает, счастье привалило неожиданно и с той стороны, откуда его никто не ждал.

В те времена дикие индейцы были не редкостью в Канзас-Сити. Они привозили в город пушнину, бобровый мех и шкуры бизонов, обменивая все это на оружие, ножи, кухонную утварь и всякого рода безделицы, вроде стеклянных бус и зеркалец.

Однажды в город приехала группа шайенов во главе с младшим вождем Серым Лосем. Кроме меновой торговли, у этого индейца было ещё одно дело. С собой на Восток он взял свою больную дочь с целью показать её белым докторам. Ему предложили обратиться к Осборну. Хотя тот уже давно оросил заниматься медициной, но попавшим в беду людям он никогда не отказывал и помогал, как мог. Не отказал он и индейцу. Осмотрев необычную пациентку и убедившись, что она серьезно больна, Осборн оставил её у себя, пообещав вождю через три месяца поставить его дочь на ноги.

Уж не помню, какая у девушки была болезнь, а приехавшему через три месяца отцу веселая и вполне выздоровевшая дочь с радостью бросилась на шею. Только в кочевья шайенов Серый Лось вернулся без неё. Вышло так, что одинокий доктор влюбился в свою миловидную пациентку, а она – в него. И что оставалось Серому Лосю, как не дать согласие на брак дочери с белым знахарем, вырвавшим её из когтей смерти.

Так и зажила на ранчо Осборна Патриция Голубое Перо, полукровка из племени шайенов. Её мать была белой женщиной, Мартой Макинтайр, попавшей в плен к индейцам, ставшей женой Серого Лося и умершей вскоре после рождения дочери.

Двадцать лет назад у Патриции и Дэвида Осборнов родилась дочь, Лаура, а спустя два года появился сын, Энтони. Дети подросли, пошли в школу, обзавелись близким другом – Элизабет Карстерс. Навещая краснокожих родственников, Патриция часто брала с собой детей, которым очень нравилось бывать у индейцев. Да и то сказать, уж кому-кому, а детям всегда нравится там, где есть лошади, походная жизнь, рыбалка, охота и другие удовольствия. Энтони и Лаура стали прекрасными наездниками, стрелками из лука и охотниками. Казалось, счастье будет длиться вечно. Но четыре года назад произошла трагедия. Военный отряд кайова спалил отдаленное ранчо Осборнов дотла, а хозяина, его жену и сына индейцы безжалостно оскальпировали и убили.

Повезло лишь Лауре. Ей удалось избежать смерти только потому, что в тот год она гостила у шайенов.

С тех пор она живет с шайенами, но каждую весну она приезжает в Канзас-Сити, что бы отпраздновать день рождения своей лучшей подруги, Элизабет Карстерс.

Ну вот, пожалуй, и все, Джо.

Я поблагодарил Джеймса за подробный рассказ. Однако он удовлетворил мою просьбу насчет Лауры, а мне хотелось узнать о её воздыхателе.

– Крис, уж если ты мне рассказал о Лауре, то не откажи в удовольствии послушать кое-что о Стиве Блэкберне, который, говорят, по уши в неё влюблен. Кажется, в любовных делах я становлюсь ему на пути.

При упоминании этого имени Бриджер с Джеймсом заметно напряглись и, переглянувшись, воззрились на меня.

– Откуда, черт возьми, ты успел услышать о нем, парень? – удивился Бриджер.

Мне пришлось рассказать им о том, что произошло в «Желтом Орле» и о беседе с барменом.

– Ну, дорогой, не прошло и суток со времени твоего приезда, а ты уже останавливаешь на ходу экипажи и спасаешь от смерти таких головорезов, как Черный Тони Сайкз! – покачивая головой, проговорил Джеймс. – И, похоже, ты не будешь обделен приключениями и в дальнейшем, коль собираешься сблизиться с Лаурой. – Он помолчал некоторое время. – Ну что ж, слушай. Для начала скажу, что Стив Блэкберн доводится кузеном Элизабет Карстеров. Он родился в Небраске на ранчо южнее городка Фримонт. С отличием окончил школу, однако с юных лет был необычайно вспыльчивым, раздражительным и упрямым. Этих качеств было вполне достаточно, что бы ему насмерть разругаться с отцом (его мать умерла) и навсегда покинуть родной дом.

Какое-то время он пожил у своей родни, Карстеров. Ему прочили блестящую карьеру, но дурные наклонности увели его в сторону от добропорядочной жизни. Года четыре назад, когда ему было двадцать лет, он связался с какой-то темной компанией, и пошло-поехало. Он зачастил со своими друзьями в салуны, часто дрался и участвовал в револьверных дуэлях. Надо отдать должное, как ганфайтер Блэкберн очень силен. Молниеносно тянет револьвер из кобуры и метко стреляет с бедра. Поговаривали, что эта компания не гнушалась ни чем. Здесь были и воровство скота, и угон лошадей, и ограбления дилижансов. Однажды они попались, и Карстерам (отец Блэкберна не пошевелил и пальцем), стоило больших трудов и денег, чтобы вызволить своего заблудшего родственника из тюрьмы.

После этого Блэкберн поутих. В знак благодарности он какое-то время вкалывал, как простой ковбой, на ранчо «Тройное к». Именно тогда и началось его ухаживание за Лаурой, ставшей к пятнадцати годам редкой красавицей. Но и посейчас она не стала ему ближе, хотя он предпринимает для этого все усилия. В чем в чем, а в притязаниях на Лауру его упрямство прямо-таки ослиное.

Вскоре он оставляет дом Карстеров и отправляется на север, в родные места. Говорили, что он поклялся любыми средствами сколотить себе состояние, чтобы богатым человеком предложить Лауре руку и сердце. Не заезжая к отцу, он набирает шайку из своих давнишних приятелей. Тони Сайкз, Билли Грэхэм, Уилл Стэнли были такими же отчаянными парнями, как и он сам. Под Фримонтом располагалась резервация индейцев пауни, подходившая вплотную к ранчо Блэкбернов, так из неё он и взял себе десяток телохранителей. Племя постоянно подвергалось нападениям индейцев сиу, часто голодало и те пауни, которым Блэкберн пообещал хорошую жизнь, с радостью покинули резервацию. Они-то, с детства дружившие со своим бледнолицым соседом-сорвиголовой, знали, что он их не оставит без куска хлеба. Неудивительно, что эти пауни готовы из-за хозяина ползть в огонь и в воду, перерезать глотку каждому, на кого тот укажет.

Ну, а чем он стал заниматься, наверное, объяснять не надо. Его увлекла старая дорожка, благо началась война на Востоке, и здесь, на Западе, ему мало кто мог помешать. Кроме всего прочего он, по слухам, стал ещё и команчиро. А уж большего греха, по моим понятиям, и выдумать не возможно... Команчиро – это закоренелые контрабандисты, торгующие оружием и огненной водой с индейцами южных прерий, похищающие детей из состоятельных семей. И горе тому отцу, кто не предоставит выкупа – похищенных безжалостно уничтожают, чтобы

поддержать репутацию жестоких головорезов... Так-то. Это, конечно, слухи, но, как говорится, нет дыма без огня. Кстати, среди команчей и кайова он известен под кличкой Койот Кайова.

А что касается его отношений с Лаурой, то тут никаких перемен. После гибели семьи она стала жить с шайенами. Но когда приезжает на день рождения Элизабет, Блэкберн всегда навещает своих родственников. Прошлой весной он просил Лауру выйти за него замуж, но девушка отказала. А когда она с Чарли Бентом вернулась в прерии, туда приехал и Блэкберн (до резни на Сэнд-Крик ещё не дошло и шайены жили мирно). Краснокожему родственнику Лауры, знаменитому Вокуини – Римскому Носу, он приготовил массу подарков – оружие, одеяла, кофе, сахар, несколько добрых скакунов, надеясь, что при виде всего этого Римский Нос уговорит двоюродную племянницу. Но она вновь отказала, и разобиженный Блэкберн накричал на неё в его присутствии. Этого, конечно, ему не стоило делать. Его просто вышвырнули из пределов кочевий шайенов со всеми приготовленными подарками.

Ныне он опять в Канзас-Сити, и что будет дальше, судить трудно... Так что, Джо, теперь ты знаешь, какому человеку переходишь дорогу.

– Осталось только увидеть его, – задумчиво проговорил Бриджер, набивая трубку табаком. – И завтра на балу у Карстеров тебе представится такая возможность, Джо.

– Ты приглашен? – слетел удивленный вопрос с губ Джеймса. – Ах да, этот случай с экипажем. – Он тронул меня за руку. – Что ж, приятного веселья, Джо. Только постарайся не будить зверя в Блэкберне или уже завтра тебя могут вынести ногами вперед. У тебя будет время поближе познакомиться с Лаурой в землях шайенов, а не здесь, на глазах у Блэкберна.

– Спасибо за совет, Крис, – сказал я. – Это уж как получится. А от честной драки я не уклонюсь.

Охотник подвинул мне бокал с пивом и я, пригубив из него, задумался. До моего сознания не доходили ни звуки скрипки и пианино, ни низкий гул голосов переполненного зала. Я прокручивал в уме все услышанное от Джеймса и понимал одно: что бы ни случилось, я буду искать расположения Лауры уже на завтрашнем балу. Я видел, мы приглянулись друг другу. Так какого черта мне бояться Стива Блэкберна, которого и женихом назвать-то нельзя?! Судя по рассказам, бандюга он завзятый и грубости от него можно ждать в любую минуту. Но и я не лыком шит. В кулачном бою мне с детства не было равных среди сверстников, а уроки стрельбы на ранчо мистера Триппла я помнил на зубок... Хм-м, а его свора из бледнолицых головорезов и краснокожих убийц?.. Однако один из неё мне кое-что задолжал, и обещал помнить...

– А ну-ка погляди, кто там стоит! – прервал мои размышления охотник.

Он указывал на дверь, и я посмотрел в ту сторону. Если бы я не слышал разговоров Криса Джеймса, то наверняка бы сейчас вскочил и выкрикнул имя своего однокашника по Уэбстеровскому колледжу. Но я скромно остался сидеть на месте, с интересом разглядывая вошедшего в салон Чарли Бента.

Он был высоким, стройным, плечистым. В его удлинённом мужественном лице с темными глазами, прямым носом и четко очерченной линией рта, можно было найти черты, присущие краснокожий расе, но они не только не портили его наружности, а, напротив, придавали ей известное своеобразие. На его мускулистом теле ладно сидела одежда из тонкой оленьей замши, расшитая ярким шайенским орнаментом.

Заметив Джеймса, который знаками приглашал его к нашему столу, метис улыбнулся, кивнул головой и уже через секунду тряс руку охотнику. Сначала Джеймс представил ему Бриджера.

– О, старый Одеяло! – воскликнул Бент, назвав Бриджера прозвищем, под которым он был известен всему Западу. – Много слышал о тебе. Рад познакомиться.

– А теперь, Чарли, обрати внимание на этого молодого человека. – Джеймс указал на меня пальцем. – Тебе, наверное, будет не все равно, если я скажу, что он дружил с твоим братом Джорджем в колледже, а?

– Да-да, – кивнул Чарли. – Мой брат часто вспоминает товарищей по колледжу. – Он протянул мне руку. – Будем знакомы, Чарльз Бент.

– Джозеф Кэтлин, – представился я и заметил, как равнодушное выражение лица метиса в раз переменялось. Он широко улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов, выгодно оттеняемых темной полоской аккуратных усиков.

– Ну, как же, как же! Джозеф Кэтлин, тот самый друг Джорджа, с которым мы обменивались приветами, и который рвался побывать в кочевьях южных шайенов! – Он крепко пожал мою руку. – Ну, вот и увиделись, Джо. Очень рад встрече. Будет, что рассказать Джорджу.

– Как он поживает, Чарли?

– Собирается жениться на хорошенькой шайенке по имени Мэгпи, племяннице Черного Котла.

– О, я рад за него... Значит, не опоздаю на свадьбу?

Бент вскинул брови, прищулив свои темные глаза.

– Ты собираешься увидеться с ним?

– Мой отец скончался, Чарли. Я продал дом и прибыл в Канзас-Сити, чтобы отсюда двинуться к вашей ферме на Пургатори-Крик.

– Та-а-к, – протянул Бент, нахмурившись. – На ней ты никого не увидишь, кроме нашего отца.

– Что-то случилось?

– Эх, Джо, – вздохнул Чарли. – В прериях многое изменилось с тех пор, как вы с Джорджем окончили колледж. Очень многое. – Он взглянул на Бриджера, затем на Джеймса. – Извините, мне нужно переговорить с Кэтлином.

– Конечно же, Чарли, – отозвался охотник.

Мы присели за свободный столик, и Бент начал говорить:

– Ты, наверное, слышал, Джо, что стряслось на Сэнд-Крик. Этот ужас мне никогда не забыть. Джордж с сестрой тоже пережили его. Роберта с нами не было, но в тот проклятый день и он оказался там, на Сэнд-Крик. Старый бродяга Джим Бекуорт взялся провести войска до нашей стоянки, а когда в форте Лайон его скрутила болезнь, полковник Чивингтон, угрожая оружием, заставил Роберта встать на место проводника. Все мы оказались в этом аду.

Я не стану здесь рассказывать о том, что последовало. Тяжко вспоминать да, наверное, и не стоит. Об этом знает вся граница.

Бент помолчал, собираясь с мыслями.

– После резни на Сэнд-Крик мы с Джорджем поклялись мстить Длинным Ножам. В январе полтысячи южных шайенов под предводительством Черного Котла ушли за Арканзас. Остальные во главе с Римским Носом отправились на север, к кочевьям тетонов, северных арапахов и шайенов. – Он кивнул на Бриджера и Джеймса. – Они не знают ещё о клятве Бентов, ты же теперь понимаешь, что тебя ждет на Западе. Там идет настоящая война... Три года подряд я навещаю со своей троюродной сестрой Канзас-Сити, но, думаю, больше этих визитов не будет. Не хочу рисковать ни собой, ни Лаурой. Мы ещё не говорили об этом, а она, кажется, все поняла. Чувствуя, что мы собираемся на Восток в последний раз, она взяла с собой в путешествие младшую сестру Римского Носа, Голубую Птицу, чтобы показать ей страну белых людей.

– Значит, боевые шайены оставили родные места, и ушли на север? – спросил я.

– Уже полгода, как мы кочуем между реками Танг и Паудер.

Я выслушал Бента внимательно. Действительно, получалось так, что я собрался на Запад в то время, когда после большой пролитой крови там вспыхнула война. А если Джордж покинул родную ферму и примкнул к боевым шайенам Римского Носа, то стоило ли мне вообще двигаться дальше предместий Канзас-Сити?

Это был серьезный вопрос, и многие осмотрительные люди, скорее всего, ответили бы на него отрицательно, но только не я. На этот вопрос у меня нашлись вполне резонные ответы. С

младых ногтей меня всегда тянуло на Запад, и с этим я ничего не мог поделать. Второе, я долгое время ждал возможности увидаться со школьным другом, по рассказам и рисункам которого я составил себе картину индейской кочевой жизни. И, наконец, мне на пути встретилась прекрасная девушка, которая – какое невероятное совпадение! – сама кочевала с индейцами и доводилась родственницей Джорджу. Эти доводы казались мне слишком основательными, чтобы пересматривать свои планы.

– И все же, Чарли, несмотря ни на что я не передумаю и, с твоего разрешения, поеду вместе с вами, – взвесив все за и против, сказал я.

Бент добродушно покачал головой.

– Что ж, послезавтра будь готов к отъезду. Где мы, кстати, увидимся?

– На балу у Карстеров.

– ?!

Мне снова пришлось рассказать о своем джентльменском поступке на Мэйн-Стрит удивленному Чарли Бенту. Тепло поблагодарив меня за то, что я сделал для его сестры, он с улыбкой заметил:

– На балу мы, конечно, не увидимся. Гризли и тот станцует лучше. Вот Лаура, та знакома с этим делом. В общем, найдешь меня в пристройке справа от главного входа.

Мы ещё долго оставались у Майкла Брэккетта, беседуя, поднимая рюмки за знакомство и отвлекаясь, иной раз, на то, чтобы понаблюдать за вспыхивающими время от времени пьяными потасовками, без которых в те дни не обходились вечерние салуны. Расставшись затем с Бентом и Джеймсом, мы с Бриджером отправились восвояси, запланировав на завтра поход на рыночную площадь.

Глава 3

Знаменитый рынок Канзас-Сити был бесперебойно работающим сердцем этого города. И в праздники, и в будни тут бурлила деятельная торговая жизнь. Покупатели валили валом, и редко кто уходил отсюда с пустыми руками. Ибо на рыночной площади можно было найти все, или почти все, что требовалось горожанам и людям пограничья.

Бриджер, ведя меня к рынку, был оптимистичен и не сомневался в удачном исходе задуманного предприятия.

– В тех землях, куда ты собрался, – говорил он, – нужна быстроногая лошадь с добрым, крепким седлом, и на этом рынке ты сегодня получишь и то, и другое.

Однако нам пришлось довольно долго толкаться среди толпы в поисках подходящего товара. Обыкновенные невзрачные лошадки попадались часто, и я уже решил, что удачи не видать, когда Бриджер толкнул меня в бок и указал на вороного жеребца, стоящего между двух низкорослых каурых меринов.

– Каков красавчик, а? – цокая языком, важно произнес он.

Я помню, какое неизгладимое впечатлительное произвел на меня вороной с его красиво изогнутой, как у лебедя, шеей, длинными гривой и хвостом, и точеными стройными ногами. Он приглянулся мне с первого взгляда, этот черный величественный конь, ставший мне верным другом на многие и многие годы. Но его хозяин, рыжебородый погонщик мулов, заломил такую цену, что Бриджер присвистнул и повернулся, чтобы уйти.

– Рыжая Борода, – попенял он погонщику, – у тебя грабительская цена.

– Ну нет, приятель, – хрипло пробасил торговец. – Ты только разуй глаза и получше взгляни на этого конягу. Уж на что я не особо разбираюсь в лошадях, а его-то оценил сразу.

– Видно, как оценил, – недовольно буркнул Бриджер. – Побойся Бога!

Рыжебородый нахмурил белесые густые брови и протянул:

– Довольно, довольно. Коль не по карману товар, то и не о чем здесь толковать. Проваливай! Сгореть мне синим пламенем, если на этого коня не найдется покупатель.

Бриджер зашагал было прочь, но я удержал его за рукав.

– Триста пятьдесят, говоришь? – повернулся я к рыжему упрямцу.

– Ни центом меньше, мистер, – отозвался погонщик мулов, воткнув в рот длинную соломинку и приняв независимый вид.

– А если за триста?

В зеленых глазах торговца мелькнул интерес.

– Маловато. Триста сорок.

– Многовато. Триста десять.

– Триста тридцать, черт побери!

– Триста двадцать, и вот тебе деньги.

– Уговорил, – широкое лицо торговца расплылось в хитрой улыбке. – Триста двадцать пять, и забирай конягу.

От продажи дома у меня ещё оставалось триста восемьдесят долларов. Я подумал, что после этой наиважнейшей сделки в моем кармане хватит денег и на покупку костюма для бала, и на парикмахерскую.

– Идет, – согласился я и полез за долларами. – Уж больно понравился мне вороной красавец.

– Откуда у тебя он, Рыжая Борода? – спросил Бриджер, которому стало ясно, что я куплю вороного. – Сдается, он был собственностью или генерала, или известного конокрада.

Рыжебородый сначала уставился на траппера своими бледно-зелеными глазами, а потом шумно захохотал, похлопывая здоровенной пятерней по бедрам.

– Эй, Острый Кадык, – наконец выдал он сквозь смех, тыча в Бриджера толстым пальцем. – Ты что, был в тот вечер в Омахе, когда я обчистил офицера в покер? Славная была игра. – Затряс он головой. – А майор оказался хвастливым и глупым. У него ничего не оставалось, кроме лошади и сбруи, и в последний партии он просадил и это. В пьяном виде даже пустил слезу по вороному. Но все было честно, он проиграл.

Бриджер отрицательно покачал головой, давая этим знать, что в тот знаменательный вечер ему не посчастливилось быть свидетелем его выигрыша.

– Стоящий конь, стоящий, – торговец похлопал по шее вороного и посмотрел на меня. – Ещё вспомните Рыжего Бена, мистер.

Я отсчитал положенные деньги и вручил их погонщику. Когда он внимательно пересчитывал сумму, я окинул пристальным взглядом свое приобретение. Без сомнения, это был благородный арабский скакун с небольшой, может, примесью крови дикого мустанга. Если предыдущие покупатели смотрели на этого коня и не купили его, значит, либо они были скупердями, либо нищими, либо недалёковидными глупцами.

Рыжий Бен ещё листал ассигнации, а я вдруг вспомнил о сбруе и мысленно отругал себя. Надо было и сбрую включить в эту сумму, когда он упомянул о ней. По горячим следам, как говорится. Ведь выиграл он в одной партии и лошадь и сбрую. Теперь поздно. Скажет, гони за сбрую деньги. А она, поди, такая же великолепная, как и сам вороной. Я хмуро смотрел на толстые неуклюжие пальцы погонщика мулов, шелестевшие деньгами, пока мне на ум не пришло одно забавное соображение.

В Сент-луисском колледже мне часто удавалось питаться бесплатно из-за одной небольшой, но безотказной ерунды. Я решил и сейчас прибегнуть к этому спору-ловушке.

Рыжий Бен прятал деньги в карман, а я сказал между прочим:

– Хоть ты и отрастил себе бороду, Бен, но, кажется, мы с тобой ровесники.

Погонщик, которому было никак не меньше сорока, презрительно хмыкнул:

– Гм-м, да ты мне годишься в сыновья.

– В сыновья, значит... И с какого же ты года?

– С двадцать пятого.

«Ага! – подумалось мне. – Попался, гусь».

– Нет, – уверенно отрезал я. – Не с двадцать пятого.

– Да ты что?.. Я тебе сразу сказал правду.

Я решительно протянул ему руку и отчеканил:

– Спорим, что ты не с двадцать пятого года?.. Но если ты окажешься прав, я заплачу тебе сто долларов.

На лбу погонщика аршинными буквами было написано: ох и идиот же этот парень.

– Конечно, спорим! – Он быстро сжал мою руку.

– Маленькое уточнение, – заметил я. – Дело в том, что в этом споре можешь проиграть и ты. А если это случится, то я бы хотел в качестве выигрыша получить сбрую от вороного... Годится?

– Годится! – гаркнул рыжебородый. – Разбивай, Острый Кадык.

Бриджер с недоумением посмотрел на меня и не сделал никакого движения. Но когда я незаметно подмигнул ему, он тут же разбил наши руки.

– Ну? – Нижняя челюсть погонщика выдвинулась вперед. – Из-за ста долларов я постараюсь, чтобы мне прислали метрику, и ты убедишься, что я с двадцать пятого года рождения.

Я приблизился к нему и, приставив палец к его Грудь, внятно произнес:

– Это такие же карты, Бен. Проигравший, а это ты, платит. Ты с тысяча восемьсот двадцать пятого года. Понимаешь, с ты-ся-ча во-се-мь-сот!.. Родившихся в двадцать пятом году вот уже почти две тысячи лет, как нет на этом свете.

Целую минуту погонщик молчал, обдумывая мои слова, затем глубоко вздохнул и пробасил:

– Да-а, поймал ты меня, что тут скажешь...

– Да уж нечего сказать – влип, – посочувствовал ему траппер, едва скрывая улыбку. – Это тебе не пьяный офицер из Омахи.

– Ладно, – решил погонщик. – Идемте. Сбруя лежит вон в том фургоне.

Он сунул мне в руку повод вороного, и мы все вместе зашагали к громадному фургону. Жеребец перебирал ногами, косясь в мою сторону огненным глазом. Я дружески похлопал его по шее и пошептал ему на ухо успокаивающие слова, которые всегда помогали, когда мне приходилось укрощать даже самых диких лошадей на ранчо мистера Триппла.

Подойдя к фургону, Рыжий Бен крикнул:

– А ну-ка, Джонни, достань из фургона сбрую от вороного.

Такой же огненно-рыжий, как его отец, пятнадцатилетний мальчик быстро извлек на свет все, что требовалось для полной экипировки вороного и, среди всего прочего, отличное седло Мак-Клеллан, которому в те дни не было равных. Я набросил на спину жеребца седло и взнуздал уздою.

– Отныне служить тебе новому хозяину, – глядя на вороного, сказал Бриджер. – Редкое животное! Таких не часто увидишь в прериях... Но все вещи имеют имена. Как же ты будешь величать его, Джо?

Я не долго думал, посматривая на благородную посадку головы коня, на его мощное упругое тело и высокие стройные ноги.

– Маркиз, – ответил я и, сделав легкий замах, оказался в седле. – Такое имя вполне подойдет лучшему скакуну по эту сторону Миссисипи.

Маркиз сначала запрямился, но, почувствовав крепкую руку опытного наездника, вскоре утихомирился.

Мы покидали Рыночную площадь в прекрасном настроении. Маркиз стоил тех денег, что я выложил рыжебородому. И не надо было быть большим знатоком, чтобы наверняка знать, что он обставит многих ему подобных, если дело коснется скачек на быстроту и выносливость.

Потом на Мэйн-Стрит я посетил лучшую в городе парикмахерскую, где меня тщательно выбрили, и магазин, готового платья, приобретя в нем добротный темный костюм. На моей высокой, ладной фигуре он смотрелся просто здорово. Для пущей важности я засунул в нагрудный кармашек шелковый белый платок, оставив на виду маленький уголок.

Все послеполуденное время мы провели с Бриджером в салуне Майкла Брэккетта, а где-то около шести вечера я откланялся, и на Маркизе выехал из города.

Как и говорила Элизабет, мне не составило большого труда добраться до «Тройного К». Менее чем через час я доехал до ранчо Карстеров. По обе стороны подъездной аллеи высились высокие деревья, отбрасывавшие в этот час длинные тени. Я проехал по ней до коновязи, где стояло множество лошадей и экипажей.

Спрыгнув с Маркиза и привязав его, я осмотрел кирпичный дом, который строился, надо полагать, без всяких архитектурных наметок. Двухэтажный, обширный, он походил сразу и на мексиканскую гасиенду, и на гнездо южного плантатора, и на обычный дом богатого ранчero. А прилепившиеся с боков низкие пристройки вносили во все это ещё большую неразбериху. Я задержал взгляд на правой пристройке, в которой жил Бент и, подумав, решил навестить его попозже, после того, как предстану перед хозяевами и немного обвыкнусь.

На пороге меня встретил слуга, чернобровый пожилой человек в ливрее, которая сидела на нем мешком.

– Назовитесь, мистер, – попросил он меня.

– Джозеф Кэтлин, – представился я.

– Одну минуту, мистер Кэтлин. Мне говорили о Вас.

Он скрылся в доме и спустя считанное время привел с собой Элизабет, вышедшую на порог вместе с отцом.

– Добрый вечер, мистер Кэтлин, – поприветствовала она меня. – Вот, папа, тот юноша, который остановил экипаж.

Полуседой владелец ранчо крепко пожал мою руку и сказал:

– Мистер Кэтлин, очень Вам признателен. Если бы не Вы, могло бы случиться непоправимое. Я рад, что Вы откликнулись на приглашение Элизабет и приехали на бал. Надеюсь, Вам здесь понравится... Тревор, быстро организуй нам шампанского, – приказал он слуге.

Когда тот вынес на подносе шампанского и бокалы, Карстерс открыл бутылку и наполнил два бокала.

– За мою дочку, мистер Кэтлин, которой сегодня исполнилось двадцать!

Я поддержал тост и осушил бокал.

– Элизабет, – обратился Карстерс к дочери. – Займи гостя, а мне надо ещё многое сделать. Приятного вечера, мистер Кэтлин.

Он учтиво поклонился и зашел в дом, откуда слышалась громкая музыка.

– Пойдемте, мистер Кэтлин. – Элизабет взяла меня за руку и ввела в большую прихожую. – Вот тут, – она указала на прибитую к стене доску, где висели на гвоздях револьверные кобуры, – оставьте оружие. В этом доме ещё ни когда не было стрельбы и, надеюсь, не будет.

– Понимаю, – кивнул я и, отстегнув ремень с кобурой, повесил его на гвоздь. – Праздник не должен омрачаться.

– А теперь возьмите вот это. – Она протянула мне шелковую черную маску. – Это традиция и, кажется, не совсем плохая.

Я помял в руках маску и произнес:

– Когда я учился в колледже, там тоже были маскированные балы.

– Значит, умеете танцевать? Не ударите в грязь лицом?

– Ну, постараюсь.

– Вот и прекрасно... Кстати, в этом строгом черном костюме Вы выглядите превосходно. Я поблагодарил Элизабет и собрался уже спросить про Лауру, когда кто-то позвал её в залу.

– Извините, мистер Кэтлин. Пройдите пока к буфету. Я сейчас...

Курносая виновница торжества упорхнула от меня. Я остался стоять в прихожей и, увидев зеркало, подошел к нему. В этот момент послышался снаружи стук копыт: очередные гости подъехали к коновязи.

– Добро пожаловать, мистер Блэкберн, – раздался громкий голос слуги чуть позже.

Мое сердце учащенно забилося в груди. Я повернул голову к входу и увидел вошедшего Стива Блэкберна.

Он был высокого роста, крепкого телосложения. Узкое загорелое лицо с цепким холодным взглядом бледно-голубых глаз, широким, крепко стиснутым, как захлопнувшийся капкан, ртом и агрессивно выдвинутым подбородком выдавало в нем человека сильного, смелого, опасного. Его глухой, с хрипотцой, голос, когда он бросил приветствие старому слуге, звучал уверенно, четко. При первом же взгляде на него я подумал, что именно таким его себе и представлял.

Я ничуть не удивился, увидев, как в прихожую вслед за Блэкберном вошел Тони Сайкз. Избавившись от оружия, они приняли из рук Трегора шелковые коричневые маски, и подошли к зеркалу. Я посторонился. Причесав длинные светлые волосы и поправив дорогой шерстяной костюм цвета слоновой кости, Блэкберн скрылся в бальной зале. Сайкз не обращал на меня внимания, охорашиваясь перед зеркалом.

– Добрый вечер, Тони, – сказал я.

– Вот так сюрприз! – узнав меня, с удивлением воскликнул Сайкз. – Как ты здесь оказался, Кэтлин?

Мне снова пришлось объясняться. Когда я закончил, Сайкз проговорил:

– Вот оно что. Понятно... Ну что ж, надо бы выпить за встречу. Пойдем-ка к буфету.

Мы вошли в бальную залу. Праздник был в самом разгаре. Ночь ещё не наступила, но повсюду горели свечи в красивых дорогих подсвечниках, развешанных по стенам. На невысоких подмостках музыканты исправно занимались своим делом: гремел один из вальсов Штрауса, заставляя гостей беззаботно танцевать и веселиться. Большинство девушек было в широких бальных платьях, белоснежных, голубых, розовых. Мужчины же в основном были облачены в строгие костюмы. Повсюду мелькали разноцветные маски, слышался громкий смех.

В дальнем углу залы стояла стойка с едой и напитками. Мы прошли к ней, и выпили по стопке виски с содовой.

– Ну что, герой, – сказал мне Сайкз. – Смело приглашай именинницу на танец. Ты это заслужил.

– Я бы предпочел танцевать с её подружкой, Лаурой, – возразил я и проследил за реакцией Сайкза.

Улыбка медленно сошла с его лица, кустистые черные брови нахмурились.

– Слушай. Кэтлин. Советую выбросить эту девушку из головы. Лаура – девушка Стива Блэкберна, моего друга, с которым я приехал.

– Если бы она была девушкой Блэкберна, его бы не попросили из кочевий шайенов прошлым летом, – в открытую сказал я.

– Я вижу, ты уже успел нахвататься слухов, Кэтлин, – холодно произнес Сайкз. – Как бы то ни было, оставь Лауру в покое. Видно, ты пропустил мимо ушей мой совет вести себя смирно в незнакомых местах, а зря.

Едва эти слова слетели с губ Сайкза, как к нему приблизилась знакомая девушка. Он отвлекся, разговаривая с ней, а затем повел её на очередной танец.

– Я помню твой совет. Тони, – тронул я Сайкза за плечо. – Но если мне нравятся девушки, я, обычно, добиваюсь от них взаимности.

Сайкз помолчал, качнул головой и сказал:

– Ты слишком самоуверенный парень, Джо. Претендующих на Лауру юнцов Стив Блэкберн обычно отправляет на тот свет. – Прежде чем закружиться с девушкой в вальсе, он улыбнулся и заверил: – Но я постараюсь, чтобы с тобой этого не случилось.

«Бывает, и отпетые бандиты помнят, что такое благодарность, – глядя ему в след, подумал я. – Но где же Лаура?..»

Стараясь не метать танцующим, я медленно прошелся по обширной зале. Почти все особы прекрасного пола были в масках, и мне оставалось приглядываться к сияющим от возбуждения глазам, стройным фигурам, прислушиваться к голосам, чтобы отыскать ту единственную, которая завладела моими помыслами. Однако поиски оказались безуспешными. Либо я просмотрел Лауру, либо её тут не было. Несколько озадаченный, я присел в одно из кресел, стоявших вдоль стен по всей окружности залы.

Музыка смолкла. Я продолжил искать глазами Лауру и не обратил внимания на разместившуюся рядом в креслах парочку. Дама о чем-то весело болтала, кавалер молчал. Но когда он подал хриплый голос, я повернул голову. Моим соседом был Блэкберн. Я посмотрел на маскированное лицо его спутницы, на её искрящиеся карие глаза, на темные пышные волосы и мое сердце упало.

«Господи, – подумалось мне. – Неужели это она!»

Я украдкой глядел на девушку и все больше убеждался в том, что зрение меня не обманывает. После же того, как Блэкберн назвал её по имени, все сомнения отпали.

– Лаура, мы ещё потанцуем? – спросил он, нежно теребя её пышные локоны.

– О, Стив, конечно! – И голос мне показался знакомым.

Заиграла музыка, и они отправились танцевать, смеясь и оживленно разговаривая.

Мое настроение напрочь испортилось. Испытав нечто, сродни горькому разочарованию, я какое-то время сидел с подавленным видом. Что же это такое? Как могло случиться, что Лаура стала так мила с Блэкберном? А рассказ Джеймса?.. Черт?

Я встал и, подойдя к буфетной стойке, опрокинул одну за другой две рюмки чистого виски, чтобы залить свою печаль.

– Мистер Кэтлин, – послышался позади приятный женский голос, – не слишком ли много виски за один раз?

Я обернулся и увидел перед собой Лауру и индейскую девочку. Я глядел то на Лауру, то на танцующую с Блэкберном даму. Хорош, наверное, я был с выпученными глазами, с идиотским выражением лица и отвисшей челюстью.

– О, Лаура! – наконец вырвалось у меня. – Боже мой, здравствуйте!.. Я так рад видеть Вас.

– Этого не скажешь по Вашему виду, – улыбнулась она.

– Да, конечно, – смутился я. – Понимаете, я видел... То есть, я думал, что Вы танцуете с Блэкберном.

– Ах, вот Вы о чем! – со смехом воскликнула она, взглянув на танцующую пару. – Стив вальсирует с Лаурой Дюпре, модной портнихой с Мэйн-Стрит. А что, Вы знаете его, знакомы с ним?

Мое подавленное настроение вмиг улетучилось, уступив место радостному возбуждению. Я смотрел на Лауру во все глаза, отметив про себя, что в пышном голубом платье она была просто обворожительна.

– Вы мне не ответили, – в её голосе звучала настойчивость.

– Впервые его вижу, – сказал я. – Но вчера довелось услышать о нём достаточно много. – Я сделал паузу, подбирая слова. – Понимаете, мне попался рассказчик, и он поведал мне не только о Стиве Блэкберне.

– А о ком же ещё?

– О Лауре Осборн.

Смуглые щеки девушки покрылись легким румянцем.

– О, Вы все знаете... Впрочем, здесь нет большого секрета. – Она коснулась моей руки и произнесла доверительным тоном: – Мистер Кэтлин, Чарли сообщил мне о Ваших намерениях. Знаете, путешествие будет вдвойне приятней и безопасней с таким храбрым молодым человеком, как Вы.

Мне оставалось только поблагодарить девушку за добрые слова, которые помогли обрести мне уверенность.

– А Лаура не будет против, если её пригласят на танец?

– Со своим спасителем я буду танцевать весь вечер напролет! – воскликнула она, одарив меня ослепительной белозубой улыбкой.

Я кинул взгляд на танцующую пару.

– Но это может не понравиться вашему... э-э... ухажеру.

– Стиву? – она слегка нахмурилась. – Надо сказать, мистер Кэтлин, что я свободна в своих поступках, нравятся это ему или нет.

Лаура нежно погладила индейскую девочку по голове и представила её мне:

– Это Голубая Птица, сестренка Римского Носа.

Круглые темные глаза индейки с доверчивостью глядели на меня. Ей было не больше пятнадцати лет, юной дочери прерий.

– О, Римский Нос! – с важностью произнес я, зажав маленькую ладошку девочки в своей руке. – Твой брат – великий вождь.

Лаура перевела мои слова, но индейка энергично качала головой, говоря что-то на языке шайенов.

– Ах, мистер Кэтлин, – улыбнулась Лаура. – Вы ошибаетесь, старший брат Голубой Птицы совсем не великий вождь. Голубая Птица говорит, что по званию он просто лидер военного общества Кривые Копья, но что по храбрости, мудрости и великодушию ему нет равных среди шайенов.

– А разве эти качества не ставят его на одну ступеньку с великими вождями шайенов?

Лаура перевела, и темные раскосые глаза девочки сверкнули гордостью за своего знаменитого брата. Она больше меня не переубеждала.

Разговаривая с девушками, я иногда посматривал на Блэкберна и заметил, что все его внимание было обращено к нам. Я не удивился, когда он под каким-то предлогом раскланялся со своей партнершей и напрямик направился к буфетной стойке. Взяв бокал с шампанским, он предстал перед Лаурой, даже не удостоив меня взглядом.

– Лаура, я ослеплен твоей красотой и поэтому не могу не помешать вашей беседе, – развязным тоном произнес он. – Я думаю, ты не откажешь мне в следующем танце,

– Добрый вечер, Стив, – спокойно девушка. – Но следующий танец я танцую вот с этим молодым человеком.

Она взяла меня под руку. Холодные бледно-голубые глаза Блэкберна смотрели на меня в упор с нескрываемой враждебностью. Я выдержал этот ледяной взгляд, но почувствовал, как по спине скользнул неконтролируемый поток мурашек.

– Ну, тогда я рассчитываю на другой танец, – с наигранной любезностью произнес он, пригубив из бокала.

– И второй танец обещан мной этому молодому человеку, – также спокойно ответила Лаура. – Кстати, вы должны познакомиться, Стив. Мистер Кэтлин вчера выручил нас с Элизабет из настоящей беды, если, конечно, это для тебя интересно.

Блэкберну было на это наплевать. После второго отказа он стал дышать через нос. Его тонкие губы вытянулись в узкую напряженную линию, под скулами заходили желваки. Не моргая, он буравил меня злыми глазами.

– Слушай, ты – процедил он сквозь зубы, – мистер Кэтлин. Я не знаю, и знать не хочу, кто ты такой. Но для твоего же блага советую держаться от Лауры подальше. Она моя девушка.

Обыкновенно, подобное обращение зажигало огонь в моей крови. Случилось это и сейчас помимо моей воли.

– Блэкберн, ты очень грубый парень. Мы с тобой не обмолвились и словом, а ты уже сыплешь угрозами. Лаура – свободная девушка, и если она предпочитает танцевать со мной, это её дело.

– Ну, что ж, я тебя предупредил, – глухо сказал он мне и обратился к девушке: – А ты, Лаура, не заставляй меня сердиться. Это может плохо кончиться, и вечер будет испорчен.

– Он уже испорчен! – вспыхнула она. – С твоей легкой руки... Боже, как мне все это надоело!

– Что именно?

– Твои бесконечные приставания!.. Неужели тебе не ясно? Давай определимся раз и навсегда! Уверяю, Стив, ты мне безразличен и я никогда, слышишь, никогда не соглашусь выйти за тебя замуж!

Это был полный афронт, но на лице Блэкберна даже появилось что-то наподобие снисходительной улыбки.

– Успокойся, дорогая. Клянусь, ты будешь моей, и раньше, чем ты думаешь!

– Никогда! – Лицо девушки пылало, её полные алые губы тряслись, как в лихорадке. – Никогда, подонок! Будь ты проклят!

Танец окончился, и громкие слова Лауры прозвенели на весь обширный зал. Взоры всех устремились на нас.

Блэкберн уже не улыбался. Он чуть подался вперед, зажатый в руке бокал треснул, заливая блестящий паркет шампанским вперемешку с кровью. Окровавленной рукой он схватил девушку за плечо и грубо встряхнул.

– Ты перешла все границы! – прохрипел он. – Оскорблений я не потерплю даже от тебя. – Блэкберн занес свободную руку, намереваясь дать Лауре пощечину, но я оказался быстрее, резко оттолкнув его в сторону.

– Не смей к ней прикасаться! – отчетливо проговорил я, сжимая кулаки.

Я прекрасно знал, против кого иду, представлял последствия своего шага и, тем не менее, поступил так, как поступил. Что мной двигало? Желание бросить вызов авторитетному бандиту? Может быть. Защита безобидной девушки от посягательства грубияна? Ближе к истине. Все это имело место. Но главная причина крылась в том, что я видел в Блэкберне соперника, стоявшего между мной и Лаурой. Вероятно, это звучит эгоистично, зато по-мужски откровенно.

Я предвидел незамедлительно последовавшую реакцию Блэкберна и сумел увернуться, когда он попытался нанести мне прямой удар в голову. Выпрямившись и откинув корпус назад, я провел безупречный по исполнению хук правой в челюсть, опрокинувший Блэкберна навзничь. Однако тот моментально оказался на ногах, и я понял, что в его лице нашел для себя опасного противника.

Два его тяжелых удара, угодивших прямо в цель, основательно потрясли меня, и будь на моем месте кто-нибудь послабей, его уже начали бы откачивать. Окаймлявшая нас толпа шарахнулась по сторонам, когда я, в попытке восстановиться, задвигался по зале, уклоняясь

от натиска Блэкберна. Мгновение спустя мой правый кулак пробил его защиту и вонзился в губы, превратив их кровавую массу. Прежде чем он смог опомниться, я попал ему прямо под ложечку. Он резко согнулся, но я коротким ударом левой снизу выпрямил его. Голова Блэкберна откинулась, и тут мой правый кулак обрушился на его поднятую челюсть. Такие удары могут свалить и лошадь, а Стив был всего лишь человек. Вскинув руками, он без чувств снопом повалился на паркет бальной залы.

Я стоял над ним, тяжело дыша. Мое сердце колотилось так, что частые удары, наверное, были слышны в нескольких ядрах от меня.

– Проклятье! – услышал я Сайкза. – Что здесь стряслось?

Во время драки его, видимо, не было в зале, и он спешил разузнать, в чем дело.

– Тони, это была честная схватка, – крикнули из толпы, когда Сайкз склонился над своим боссом.

Он медленно поднял голову и, запустив пятерню в бороду, долго смотрел на меня. И я бы не сказал, что с ненавистью или хотя бы с вызовом в глазах.

– Ну, Кэтлин, – протянул он, наконец. – Ты удивляешь меня с каждым разом все больше.

– Отойдем в сторонку, Тони, – сказал я.

Он снова осмотрел Блэкберна и, вставая, гаркнул:

– Да сделайте что-нибудь с ним, черт побери!

– Ну? – буркнул он после того, как мы уединились.

– Стив пытался ударить Лауру, – объяснил я. – Мне пришлось вступиться.

Признаться, у меня внутри была дрожь насчет того, что Сайкз возьмет да и поколотит своего вчерашнего избавителя. Все-таки, на полу лежал Стив Блэкберн, а не какой-нибудь пьянчуга из салуна. Но вместо этого он широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

– Ах ты, чертов молокосос!.. Побить Стива!.. Да я этого отродясь не видывал.

Мои губы тоже расплылись в улыбке, однако лишь на мгновение.

– Ты не улыбайся, парень – посерьезнел Сайкз. – Теперь тебе действительно крышка. И здесь я ни чем помочь не могу. Если тебя не прикончит Блэкберн, пришьют его ребята. Не они, так твой скальп повиснет на поясе у одного из наших пауни. Мой тебе последний совет: вали из Канзас-Сити и чем быстрее, тем лучше. Можешь прямо сейчас.

– На сей раз, Тони, твой совет совпадает с моими намерениями. Завтра меня здесь уже не будет.

– Вот и отлично. Куда отправишься, если не секрет?

– На Запад, вместе с Лаурой и Чарли Бентом.

Перемена в лице Сайкза произошла мгновенно, как у человека, которому сообщили неожиданную и малоприятную новость.

– Не делай этого, Кэтлин, – с расстановкой сказал он. – То есть, делай, что хочешь, проваливай отсюда ко всем чертям, только не составляй компании Лауре и Бенту.

– Почему, Тони? – озабоченно спросил я. Сайкз было открыл рот, но промолчал.

– Прошу, объясни мне, – настаивал я, начиная подозревать, что Лауру на обратном пути, а значит и меня, ждут неприятности. – Что, Блэкберн задумал похитить девушку?.. Это так?.. Ну, хорошо. Можешь молчать. Я, кажется, знаю, что он готовит.

– Да, да, – сквозь зубы прошипел Сайкз. – На завтра Стив организовал похищение.

– Спасибо, Тони, – с благодарностью произнес я. – Теперь оно не состоится.

– Не состоится, если вы уберетесь отсюда сегодняшней ночью и сделаете большой крюк к северу или югу так, чтобы ваш след не попался на глаза нашим ищейкам пауни.

Некоторое время мы молча стояли друг против друга. Я первым нарушил молчание, положив руку на плечо Черному Тони.

– Извини, что все так получилось. Я знаю, тебе нелегко было говорить это. Дружба с боссом, его замыслы, и все такое прочее...

Сайкз сбил мою руку и, прежде чем отойти от меня, заметил:

– Вообще-то, я против того, чтобы женщин брали силой. – На его губах мелькнула улыбка, и он добавил: – Иногда.

Глава 4

Блэкберн еще не очухался от моего нокаутирующего удара, когда я покинул балльную залу в сопровождении Лауры и Голубой Птицы. Зайдя к Чарли Бенту в пристройку, я быстро объяснил ситуацию.

– Негодяй! – вспыхнула девушка, покачивая головой. – О, какой же он мерзавец!

– Таким Блэкберн был всегда, – заметил Бент. – Он мне не понравился с первого взгляда.

– Наши мнения о нем совпадают, Чарли, – сказал я. – Но довольно об этом. Я предлагаю следующее: Вам нужно распрощаться с гостеприимными хозяевами ранчо и сегодня же ночью уехать отсюда. Завтра будет поздно.

– У Элизабет возникнут вопросы, – произнес Чарли, наморщив лоб. – Такой неожиданный отъезд...

Лаура тут же его перебила:

– Элизабет должна знать все. Она также недолюбливает Стива и только пожелает нам счастливого и безопасного пути.

– Поступайте, как считаете нужным, Лаура, – сказал я. – Но ни слова о Тони Сайкзе. Этот человек оказал нам всем огромную услугу.

– Конечно же, мистер Кэтлин, – заверила она. – Я найду, что сказать своей подруге.

Чарли с Лаурой немедленно взялись за сборы, а я поскакал в город, чтобы захватить вещи и попрощаться с Джимми Бриджером. Уже к полуночи мы были далеко от «Тройного К», углубившись в прерию в северном направлении.

Вот так и получилось, что Черный Тони Сайкз помог нам избежать острых когтей Койота Кайова, не взирая на свою с ним дружбу и партнерство. Он сделал так и, забегая вперед, с удовольствием скажу, что это была не единственная услуга, оказанная им Джозефу Армстронгу Кэтлину. Ведь кто мог знать тогда о будущих временах, когда цепкая хватка Койота Кайова, его необыкновенные целеустремленность, упрямство и живучесть ещё не раз ввергнут нас с Лаурой в пучину тяжких испытаний.

Мы ехали на север, держась левого, восточного берега Миссури и у Небраска-Сити переправились через нее на пароме. Отсюда наш путь лежал до Форта Кирни, где мы передохнули и, воспользовавшись представившейся возможностью, примкнули к отправлявшемуся на запад грузовому каравану «Оверлэнд-Стэйдж-Компани». Это было весьма кстати. Караван снабдили хорошей охраной, и мы могли чувствовать себя в относительной безопасности в том случае, если бы банда Блэкберна все же напала на наш след. Между нами и начальником каравана даже было заключено что-то вроде соглашения. Нам грозило преследование шайки Стива Блэкберна, и начальник пообещал отбить у той охоту соваться под дула карабинов охраны «Оверлэнд-Стэйдж-Компани», Чарли Бент же со своей стороны брался уладить все недоразумения с военными отрядами тетонов, шайенов и арапахов, если они возникнут на пути. А на слово начальника каравана можно было положиться смело, ибо им значился Джек Блэйд, знаменитый возница этой легендарной компании, и первый в истории Запада стрелок, на счету которого числилось не менее двадцати пяти покойников. Эра Дикого Билла Хикока еще не наступила, и имя Джека Блэйда гремело от берегов Миссури до отрогов Скалистых гор. Особо запомнились мне его крепко сбитая жилистая фигура и узкое загорелое лицо с тяжелым оценивающим всех и вся взором пары глубоко посаженных глаз. И еще одна интересная деталь: его правая рука постоянно поглаживала отполированную рукоятку армейского кольта, привычка, которая отменно характеризовала этого непростого человека и ганфайтера.

Во время нашего совместного путешествия он был почти всегда угрюмым и молчаливым. Но в те моменты, когда на него находила охота поговорить, он превращался в редкого рассказчика, тем более интересного, что знал он вдвое больше любого другого о начале движения почтовых карет и дилижансов по тракту от Атчисона до Денвера.

– Было время, – говорил Блэйд, устремив взгляд в пространство, – когда в прериях между этими двумя городами сновали только бизоньи стада да индейские племена. Можно было встретить только следы копыт и мокасинов. и никогда, хоть что-нибудь отдаленно напоминающее колесную колею... Первую дюжину фургонов провел по этому пути Билл Саблетт в 1830 году, направляясь на randevу трапперов Пушной Компании Скалистых гор. Но уж если точнее, то первые два колеса, оставившие след на берегах Платта, принадлежали небольшой пушке, которую провез с собой тот же Саблетт в 1827 году.

– А потом? – спросил я, жадно внимая рассказчику. – Потом... Потом летом 1832 года капитан Бен Бунвиль повторил его путь с небольшим караваном фургонов... Они были пионерами. Им принадлежит честь открытия тракта по Платту. Они проложили дорогу, по которой в 40 – ые и 50 – ые прошли сотни караванов переселенцев из Сент-Джозефа, Индепенденса и Атчисона.

– А дилижансы?..

– Раньше дилижансов заколесили грузовые фургоны Уильяма Рассела... А первый дилижанс Бена Холледея отправился в путь в 1859. – Блэйд выпрямил грудь, его глаза сверкнули гордостью, когда он вытянул две пятерни и потряс ими. – Вот эти руки держали поводья той первой шестерки каурых скакунов! А каким был красавцем сам дилижанс фирмы «Эббот и Даунинг-Конкорд»! Красная краска на нем горела пожаром, золотистый орнамент и надпись сияли драгоценным металлом!.. Во век мне не забыть того момента, когда я поднял бич и щелкнул им в воздухе перед собравшейся толпой!.. Истинно во век. Потом, конечно, все это стало обычной работой, но все же работой, от которой получаешь только радость. Я сотни раз гонял дилижансы по тракту, и это мне не надоедало. Каждая миля пути, каждый ручей, каждая роща мне знакомы, как знакомы матери милые черты любимого первенца. Подними меня глубокой ночью и спроси: сколько миль от Форта Кирни да Платт-Стэйшен, первой станции для трехминутной замены лошадей? И я отвечу: десять! А что такое, спросите вы, Форт Кирни для меня и я отвечу: двадцатиминутная остановка для приема пищи! А сколько станций от Атчисона до Денвера, поинтересуетесь вы, и я скажу, что их ровно пятьдесят, и ни одной больше... Эти 653 мили, разделяющие Денвер и Атчисон, я знаю, как свои пять пальцев.

Видно было, что Джек Блэйд гордится своей работой на «Оверлэнд-Стейдж-Компани» как, наверное, гордился ею любой возница дилижансов. Дань уважения всей нации снискали эти неутомимые, опытнейшие люди, на свой страх и риск пересекавшие прерии, чтобы доставить почту и пассажиров в отдаленнейшие места. Они заслужили это. Я много раз видел, как пронесившийся мимо дилижанс сопровождался громким щелканьем бичей погонщиков нашего грузового каравана. Это было приветствие, это был салют быстроходным кораблям прерий, покрывавшим за час более пятнадцати миль. Через считанное время лишь далекое облачко пыли напоминало нам о пронесшемся дилижансе.

– Наверное, вы не раз спасались от погони индейцев? – поинтересовался я у Блэйда.

– Случалось и такое. Но индейцы прекращали погоню прежде, чем мой дилижанс добирался до очередной станции. Пони краснокожих не могли соперничать с нашими быстрыми скакунами. На западе нет лучше лошадей компании Бена Холледея.

Так и длилось наше неторопливое путешествие по южному берегу Платт-Ривер. Солнце палило нещадно, не было никакого намека на перемену в погоде. Взбитая копытами лошадей и колесами фургонов серая пыль, густым облаком поднималась над парусиновыми верхами и долгое время неподвижно висела в воздухе, чтобы затем медленно улечься на землю. В защиту от нее нас снабдили шейными платками – совершенно необходимой вещью для путеше-

ющих в составе грузовых или переселенческих караванов. Голубая лента реки, окаймленная небольшими рошицами тополя и ивняка, тянулась в западном направлении, насколько хватало зрения.

Чем дальше мы продвигались вглубь Великих Равнин, тем больше я поражаюсь необъятным просторам прерий, которые, кажется, не имели конца и края. Куда бы я ни бросал взор, везде волнилась и уносилась прочь до самой линии горизонта Великая Пустыня. Это название закрепилось за западными прериями со времен известного путешествия Льюиса и Кларка. Но разве может называться пустыней земля, где растут густая высокая трава и бесчисленные цветы? Думается, иногда первооткрыватели бывают не совсем точными в выборе подходящих названий.

На одних станциях мы подкреплялись пищей, на других станциях останавливались на ночлег. Позади остались Мидуэй и Коттонвуд-Спрингс, Элхорн и Санд-Хилл, укрепленные наподобие маленьких фортов, всегда готовые отразить внезапный индейский налет. Ручаюсь, служащие этих станций не забыли, что произошло с Джулесбургом 7 января 1865 года, когда тысяча воинов брюле, оглала, северных и южных шайенов превратили этот городок в пожарище в отместку за резню на Сэнд-Крик. В тот день индейцы под предводительством вождя брюле Крапчатого Хвоста действовали хитро и умело. Выманив из Форта Седжуик, стоявшего в устье Лодж-Пол-Крика невядалеке от Джулесбурга, полроты айовского полка Капитана О'Брайена, они произвели массированную атаку, и около двадцати солдат уничтожили. Остальные спаслись за частоколом форта буквально чудом.

– В то январское утро к станции подкатил на своей шестерке Литтл-Тоу, мой товарищ, гнавший дилижанс до Денвера, – поделился подробностями инцидента Блэйд при подъезде к Джулесбургу. – Краснокожие оставили в покое уцелевших солдат и бросились в погоню за ним. Литтл-Тоу успел доехать со своим единственным пассажиром, армейским казначеем, до форта в тот момент, когда туда вбегали насмерть перепуганные служащие станции.

Индейцы нагнали такого страха, говорил мне Литтл-Тоу, что им уже никто не мог помешать грабить станцию. Солдаты О'Брайена стрельнули пару раз из пушки, но, боясь сравнять поселок с землей, оставили это дело и целый день лишь главели на то, как краснокожие очищали складские помещения.

В дилижансе они нашли сейф, в котором казначей вез деньги на оплату айовской роте. Индейцы вскрыли его и, не зная, что собой представляют зеленые бумажки бледнолицых, разбросали их по всей округе. В конце концов, вволю пограбив станцию, они спалили ее дотла.

Джек Блэйд бросил многозначительный взгляд на Чарли Бента и проговорил, по-техасски растягивая слова:

– Ходили слухи, что вместе с южными шайенами был кто-то из сыновей Бента... Или это не так, Чарли?

Метис ответил уклончиво, и Блэйд, закрывая тему, хлопнул его по плечу:

– Забудем об этом, Чарли. Ведь я знаю, как несправедливо обошлись с вашим семейством солдаты Чивингтона. И если говорить откровенно, я бы никогда не захотел побывать в твоей шкуре. В твоих жилах течет не только кровь белых людей и, надо думать, это делает жизнь полукровки непростой.

Впоследствии Чарли признался, что он принимал участие в нападении на Джулесбург. Но кто мог бросить в него камень, если его индейская кровь взывала о мщении? Кто мог обвинить его за то, что он отплатил Длинным Ножам за поголовное истребление женщин и детей шайенов на Сэнд-Крик, откуда сам едва унес ноги?

У него были основания мстить солдатам, облаченным в синюю униформу американской кавалерии.

Разоренный Джулесбург давно остался позади так же, как Антилоп-Стэйшен, Спринг-Хилл и Денисон, когда над караваном нависла угроза индейского нападения. Краснокожие

появились внезапно. На высившемся к северу от тракта невысоком меловом хребте они выросли, словно из-под земли. Их конные силуэты неподвижно застыли на бровке возвышенности.

Дувший с той стороны ветер донес до меня одинокое орлиное перо, выпавшее из индейского головного убора. Я показал его Бенту. Тот, едва взглянув на вырезы и расцветку пера, тут же выдал:

– Военный отряд тетонов.

– Оглала?.. Брюле?.. Сансарки? – Блэйд озабоченно смотрел на Чарли.

– Кажется, миннеконджу.

– А, в общем, какая разница, – махнул рукой стрелок и крикнул зычным голосом на весь караван:

– Ставить фургоны в круг. Живо!

– Минутку, Блэйд, – остановил его Бент. – По-моему, это военный отряд Прикоснись-К-Тучам, сына верховного вождя миннеконджу Одинокое Рога. Мы с ним давно знаем друг друга. Нас познакомил мой отец.

– Попробуешь договориться?

– Из этого вряд ли что получится, если я поеду к ним с пустыми руками.

– Им нужны подарки?

– Это грузовой караван, Блэйд, набитый товарами. И миннеконджу об этом знают. Дай им отступного. Мои уговоры и подарки сделают свое дело, иначе будет атака.

– Наплевать! – гаркнул Блэйд. – пусть атакуют. Вместо подарков они получают горячего свинца.

Бент посмотрел на гребень и покачал головой.

– Это не разумно. Их около двух сотен. Они пробьют вашу оборону.

Рука Блэйда нервно подергивалась на рукоятке армейского кольта. Он громко дышал, косясь в сторону индейцев. Затем взглянул на Бента и зло проговорил:

– Ты же обещал все уладить. Помнишь, в Форте Кирни?

– Я думал, что тебе будет не жалко расстаться с несколькими одеялами, двумя мешками сахара и кофе в случае необходимости.

– Сделайте так, как говорит Чарли, мистер Блэйд, – вставила Лаура. – Я знаю индейцев. Потеряв малое, Вы сохраните все.

В караване началось движение. Погонщики защелкали бичами, повинаясь приказу начальника. Дело шло к тому, что из-за упрямства и несговорчивости Блэйда могло случиться непоправимое.

– Ладно, – наконец сдался он. – Я согласен. Может, мисс Лаура и права. – Он сверкнул глазами и ударил кулаком по бедру. – Но, черт побери, Блэйд еще никогда не уклонялся от боя!

По его приказу погонщики остановили волов. Погрузив на свою лошадь несколько мешков с одеялами и продовольствием, Чарли Бент, ведя ее под уздцы, пешком пошел к горному хребту. У его подножия он что-то крикнул на языке лакота, приветственно взмахнув рукой. Один из миннеконджу сделал то же самое и спустился на лошади к Бенту. Разговор между ними длился несколько минут и закончился, скорее всего, положительно, потому что вниз спустилось еще трое воинов, чтобы забрать предлагаемые дары. Прыгнув в седло, Бент подъехал к каравану.

– Прикоснись-К-Тучам принял подарки, – с удовлетворением проинформировал он. – И обещал не чинить препятствий.

– Ну что ж, в дорогу! – произнес Блэйд, поднимая руку.

– Без нас четверых, Джок, – уточнил Чарли.

Глаза округлились не только у начальника каравана. И я воззрился на Бента с недоумением. Мы договаривались сопровождать грузовой караван до Латама, а оттуда самостоятельно проехать на север вдоль Передового Хребта до верхнего течения Северного Платта.

– Не нужно смотреть на меня так, Джо, – с усмешкой сказал Бент. – Прикоснись-К-Тучам возвращается на Паудер со своими воинами и зовет нас с собой.

Глава 5

Попрощавшись с нами, Джок Блэйд повел караван дальше по тракту. Мы же присоединились к военному отряду миннеконджу и, как нам казалось, поступили правильно. Путешествуя с индейцами, мы вдвое сокращали путь до лагеря шайенов и начисто лишались угрозы со стороны Стива Блэкберна. С двумя сотнями закаленных тетонских воинов можно было без опаски двигаться вперед, а, находясь в составе каравана Блэйда, нам приходилось быть настороже. Блэкберн еще мог осмелиться бросить вызов охране каравана, но он не был настолько безрассудным, чтобы последовать вглубь индейской территории за военным отрядом миннеконджу.

– Прикоснись-к-Тучам – друг и кузен Ташунки Витко, Бешеного Коня, молодого военного вождя оглала, – сообщил мне Бент, пока мы поднимались на гребень. – А тот в самых приятельских отношениях с Римским Носом. Когда я упомянул о том, что с нами младшая сестра Вокуини, Прикоснись-К-Тучам сказал, что ей будет безопасней путешествовать с тетонами до стоянки Римского Носа у истоков Шайен-Ривер.

Если я думал, что миннеконджу нас примут с распростертыми объятиями, то совершенно напрасно. Наше прибытие, по сути дела, проигнорировали, а сам вождь, семифутовый гигант с крупным лицом, лишь сдержанно пожал мне руку, погладил голову Голубой Птице и слегка улыбнулся Лауре. Уже через минуту военный отряд миннеконджу тронулся с места на северо-запад, увлекая нас в своей массе.

– По-моему, апач – и тот проявит больше гостеприимства, – сухо заметил я Бенту.

– Хм-м, – ухмыльнулся тот громко. – Привыкай, Джо. У индейцев свои правила поведения. Поверь, краснокожий презирает любое проявление эмоций... – Он снова ухмыльнулся. – Отчего ж тогда миннеконджу радоваться при виде двух женщин и метиса из племени южных шайенов, своих младших союзников, и незнакомого бледнолицего?..

– Но это трудно принять.

– Не переживай, Джо, – успокоил меня Чарли. – На биваке ты увидишь совсем других индейцев.

– Каких? – не понял я. – Сансарков или оглала?

– Ты увидишь этих же миннеконджу, но они тебе понравятся больше.

– А-а, ну, это другое дело.

По пути я с интересом разглядывал меднокожих мускулистых воинов, покинувших свои селения в поисках скальпов и славы. И это понятно. Мне еще не доводилось встречаться с дикими индейцами. В Сент-Луисе я видел краснокожих, но это были представители восточных мирных племен саук, фокс и кикапу, в подавляющем большинстве своем принявших образ жизни и привычки бледнолицых, вызывавших, по меньшей мере, жалость. Здесь же ехали владычины прерий, гордые, уверенные в себе мужчины. Многие из них были обнажены до набедренных повязок и расписаны яркой боевой раскраской. Их темные волосы были расчесаны на пробор и заплетены в толстые косы, обернутые по всей длине полосками меха. У каждого за спиной висели колчан из шкурки выдры и зачехленный боевой лук из орехового или апельсинового дерева. За широкими поясами были заткнуты острые томагавки и ножи. С лука свисали небольшие круглые щиты, изготовленные из выделанной бизоньей шкуры и кожаные парфлешы с пеммиканом и боевыми одеждами. Кое у кого виднелись карабины и ружья

и повсюду – длинные копья, к которым крепились скальпы убитых. У многих в руках были зажаты украшенные разноцветными перьями трости, которыми в бою прикасались к врагу – отличительный знак храбрейших воинов.

Без преувеличения, дух захватывало от дикого красочного движения военного отряда миннеконджу, скакавшего по необозримым просторам прерий.

К вечеру, на поросшем тополем северном берегу Лоджпол-Крик отряд остановился на ночлег. Напоив лошадей и пустив их пастись, индейцы зажгли костры для приготовления пищи – по пути было застрелено несколько крупных бизонов.

Прикоснись-К-Тучам, выставив стражу вокруг табуна и лагеря, пригласил нас к своему костру, у которого сидело семеро индейцев, по виду опытных вождей.

– Если бы тетоны не возвращались домой, – сказала Лаура, – мне и Голубой Птице было бы отказано в приглашении.

– Что так? – спросил я.

– Присутствие женщин считается плохим предзнаменованием на Тропе Войны у тетонов.

«Да, – подумалось мне. – Не очень-то любезно по отношению к слабому полу».

Как и предсказал Чарли, я увидел совсем других индейцев на отдыхе. Те семеро вождей, таких грозных и неприступных во время дневной скачки, теперь весело болтали, смеялись удачным шуткам, перемежая все это курением трубок и прихлебыванием кофе. От их радушного угощения, я едва дышал с переполненным животом. Мне они подмигивали, стучали по плечу, с Чарли, Лаурой и Голубой Птицей беседовали на наречии лакота.

– Ну что, – обратился ко мне Бент. – Как они тебе сейчас?

– Ты знаешь, вполне добродушные люди, эти миннеконджу.

– Не только миннеконджу. Среди семерых вождей двое – брүле. Эхака Нажин, Стоящий Лось и Ванбли Танка, Высокий Орел. Они со своими воинами откликнулись на призыв Прикоснись-К-Тучам пойти в поход против пауни.

– И сколько же у них воинов? – поинтересовался я.

– Десять человек со Стоящим Лосем и двенадцать с Высоким Орлом.

– А почему их так мало? Просто ничего по сравнению с миннеконджу.

– Идея похода возникла в голове Прикоснись-К-Тучам, вот в чем дело. Джо, – ответил Чарли и, помолчав, продолжил: – Попробую объяснить подробнее... Вождь миннеконджу решает выйти на Тропу Войны против одного из племен пауни, скиди. Сначала он посылает трубку каждому военному обществу своей личной кочевой общины. Не все общества, к слову сказать, поддерживают идеи своего вождя. Тут у индейцев полнейшая свобода выбора... Ну, скажем, общества Храбрых Сердец, Владельцев Вороны и Лисят приняли трубку и столько-то членов выкурили ее. Общества же Барсука, Владельцев Голого Копья и Помеченные Белой Краской отказались участвовать в походе. Что ж, это их дело.

Тогда Прикоснись-К-Тучам решает послать трубку другим кочевым общинам миннеконджу.

Воины военных обществ этих общин отказываются принять приглашение. Не беда. Прикоснись-К-Тучам идет дальше. Трубка отправляется к кочевым общинам лакота-брүле вождей Стоящего Лося и Высокого Орла. Сами вожди соглашаются выкурить трубку и вместе с ними – по несколько воинов военных обществ их общин. Кому-то пришелся по сердцу призыв вождя миннеконджу, кто-то решил остаться в стороне.

Честно скажу, для меня это было полным откровением. Я считал, что у индейских вождей больше власти.

– Речь не о власти, а об уважении, – пояснил мне Бент, когда я сказал ему об этом. – Во главе кочевой общины всегда стоит уважаемый человек, который ведает повседневными делами. Но в вопросах войны он лишь первый среди равных. В каждой кочевой общине есть свой главный вождь и совет старейшин, но они лишь советуют делать то или другое пяти-шести

военным обществам. Одинокий Рог – миннеконджу, Стоящий Лось – брюле, Человек-Боящийся-Своих-Лошадей – оглала, Черный Котел – южный шайен, Черный Медведь – северный арапах. Все они великие вожди, слов нет. Но и они не в силах отдать жесткий приказ членам военных обществ даже своих собственных небольших кочевых общин, не говоря уже о целом племени. Никаких тиранов! Таких, например, как омаха Черный Дрозд, который применял яд, чтобы избавляться от неугодных соплеменников.

Вот так, не больше не меньше! Я оказался полным профаном относительно авторитета индейских вождей. Мне всегда казалось, что вождь племени правит своими людьми, как какой-нибудь царек в дебрях африканских джунглей. Получалось, однако, по иному. Похоже, индеец прерий в гордости духа и независимости мог переплюнуть кого угодно.

– Судя по скальпам на копьях, Прикоснись-К-Тучам может считать поход успешным, – предположил я.

– Вполне, – согласился Бент. – У миннеконджу к пауни давнишние счета. Как, впрочем, и к Длинным Ножам. После налета на резервацию скиди, военный отряд в поисках разъездов кавалерии прочесал район Луп-Ривер и ее притоков. Миновав Песчаные Холмы, он появился на тракте как раз в тот момент, когда по нему двигался караван Блэйда.

Я снова оглядел воинов и вождей, обратив особое внимание на знаки отличия и украшения. Я понимал, что каждый знак говорит о чем-то вполне конкретном, и мне стало интересно.

– Чарли, – обратился я за помощью к Бенту. – Что, к примеру, означает выкрашенное в красный цвет перо в волосах?

– Хм-м, – улыбнулся он. – Хочешь вникнуть в это... Что ж, то перо в прическе Прикоснись-К-Тучам означает, что он был ранен.

– А вот то, с красной засечкой?

– Вождь перерезал горло врагу и снял скальп... Красные полосы на перьях указывают на то, сколько было сделано ку – прикосновений к врагу. Каждая красная точка – это убитый враг, вшитые в перо полосы бисера – добытые скальпы, расщепленное вдоль перо – много ранений.

– А полосы и точки на телах воинов?

– Опять же, количество ку... Отпечаток пятерни – это взятые в плен враги, а красные крестики – места ранений.

– И на рубашках видны разные знаки...

– Рисунок трубки на одежде вождя – знак предводителя военного отряда. Черные кресты с разным количеством небольших полосок – это, каким по счету индеец прикоснулся к врагу – первым, вторым, третьим или четвертым. Кресты без полосок – убитые враги, знаки похожие на подковы – захваченные в бою лошади, изображения ружей, луков, щитов и прочее – захват всего этого в бою.

– Спасибо, Чарли. Целая азбука, честное слово... А про какие давнишние счета с Длинными Ножами ты говорил?

– У кавалеристов первый бой в прериях случился с индейцами миннеконджу.

Я не знал об этом и попросил Чарли поделиться подробностями.

– Однажды, – начал он, – в 1853 году на берегу Северного Платта вблизи Форта Ларамии один из миннеконджу, поссорившись с паромщиком, выпустил в него стрелу. Он промахнулся. Но комендант форта, решив наказать виновного, отправил в индейский лагерь лейтенанта Флеминга с вооруженным отрядом. Произошел бой, первый бой белых кавалеристов с тетонами, и несколько миннеконджу было убито. Тому Фитцпатрику, известному трапперу, стоило больших трудов отвести от стен форта жаждущих мщения миннеконджу. Чтобы задобрить их, было роздано множество подарков. Но первая кровь тетонов уже пролилась.

Спустя год, в августе 1854, к Флемингу, который стал комендантом, пришел мормон и пожаловался на то, что миннеконджу убил его корову. Офицер, не долго думая, отправил на поимку виновного молодого лейтенанта Грэттена во главе отряда пехоты. Неопытный офицер,

вместо лагеря миннеконджу, напал на стоянку верховного вождя брюле Побеждающего Медведя. В схватке погиб и офицер, и весь его отряд – всего около тридцати солдат.

Летом следующего года против тетонов выступил генерал Хэрни. С шестьюстами солдатами – драгунов, пехоты и артиллерии – он вышел из Форта Ливенуорт и направился вверх по течению Платт-Ривер. В долине Блю-Уотер-Крик его разведчики обнаружили лагерь лакота. Это были южные брюле вождя Вакийи Зиткалы. Маленького Грома. В битве при Блю-Уотер солдаты уничтожили восемьдесят шесть индейцев, и семьдесят женщин и детей попали в плен... Хэрни лакота прозвали Сумасшедшим Медведем из-за этой резни... Так что у миннеконджу и брюле всегда найдутся счеты к Длинным Ножам.

– Все это понятно, – вздохнул я. – Злоба и жажда мести переполняют сердца, как белых, так и индейцев. Если белый обижает индейца, тот сделает все, чтобы отомстить. Когда он удовлетворяет себя, другой белый будет искать возможность наказать его за это. А краснокожий снова ответит ударом на удар... Какой-то замкнутый кровавый круг. Но кто-то ведь должен остановить это страшное колесо, Чарли?

Бент, покуривая трубку, в задумчивости покачал головой.

– Не знаю, Джо, не знаю... Слишком это далеко зашло. – Он взглянул мне в глаза. – Что касается меня, я озлоблен не меньше брюле или миннеконджу, и заноза в моем сердце сидит глубоко и цепко... Тебе легко говорить, тебя никто еще смертельно не обижал, ты не видел страданий и крови.

Вспомнив резню на Сэнд-Крик, я промолчал. Сказать тут было нечего.

Какое-то время мы еще оставались у костра, беседуя и попивая горячий кофе, а затем все разом устроились на ночлег, подложив под головы седла. Мои спутники укрылись одеялами, а я накинул на себя пиджак от костюма, в котором был на балу у Карстеров. Впервые за много дней я мог спать совершенно спокойно: ночная стража военных отрядов никогда не теряла бдительности.

Поту я был разбужен тем, что кто-то не сильно, но настойчиво толкал меня в бок. Открыв глаза, я увидел перед собой сидящего на корточках молодого индейца со свертком в руках.

– Чего тебе, воин? – спросил я спросонья.

– Васичу, Вахин Ханска – сичангу, кола, – ударив себя в грудь, произнес индеец.

– Очень убедительно, – кивнул я ему, не поняв ни единого слова.

Добродушное лицо краснокожего улыбнулось мне в ответ.

– Васичу... – снова начал он.

– Постой, приятель, – перебил я его. – Ни черта не понятно, о чем ты тут твердишь... Эй, Чарли, помоги разобраться с воином.

Бент проснулся, протер глаза и, зевая, спросил у индейца, что ему нужно. Тот повторил те же самые слова и ткнул пальцем в мой пиджак. Чарли с усмешкой перевел:

– Вахин Ханска, а это значит Длинная Стрела, брюле и твой друг.

– Очень приятно, знаешь, – сказал я. – А «васичу», что означает «васичу»?

– Бледнолицый, на языке лакота.

– Ага, – уразумел я. – И что же хочет от васичу Вахин Ханска?

– Ему, вроде бы, приглянулся твой пиджак.

– И я бы не сказал, что мне он противен.

Индеец опять заговорил, сопровождая слова красноречивыми жестами. Сначала он указал на мой пиджак и сделал движение, словно одевает его. Потом провел пальцем по заштопанным местам на моей одежде и, скорчив недовольную гримасу, односложно буркнул:

– Шича!

– Что? – я поднял глаза на Бента.

– Брюле не нравится твоя охотничья одежда.

– Мне тоже. И что он предлагает?

Состоялся быстрый диалог на лакота между индейцем и метисом.

– Не думай плохо о Вахин Ханске, Джо, – сказал мне Бент, положив руку на плечо индейца. – Он не попрошайка, и предлагает честный обмен.

Бент взял у индейца сверток и развернул его. Перед моим взором предстали замшевые штаны и куртка, красиво отделанные геометрической тетонской вышивкой и отороченные густой бахромой, а так же пара легких летних мокасин. Я не был глупцом, чтобы упустить шанс обменять костюм на удобную индейскую одежду и обувь.

– Ну что ж, – сказал я. – Балов в кочевьях шайенов не предвидится. Пусть брюле щеголяет в моем костюме перед красавицами племени.

Я достал из сумки брюки и вручил их вместе с пиджаком Вахин Ханске. Тот пытался сохранять приличествующий краснокожей расе равнодушный вид, но не долго. Он быстро облачился в костюм и с важностью прошелся перед собравшейся вокруг кучей соплеменников. Не совру, если скажу, что он смотрел на них, по меньшей мере, с превосходством.

Я последовал примеру, брюле и надел на себя обновку, только в отличие от него, не стал важничать перед своими спутниками. Проснувшаяся Лаура подошла ко мне и, потрогав замшу, с удовлетворением произнесла:

– Отличная выделка, мистер Кэтлин. Индейские женщины – прекрасные мастерицы... – Она посмотрела на ручей. – Надо бы освежиться перед дорогой.

Когда она пошла к берегу, я окликнул её:

– Лаура, Вы не будете против, если мы пройдемся вместе?

– Отчего же? Присоединяйтесь! – Она махнула мне рукой.

За всю дорогу от ранчо Карстеров я почти не был с ней наедине, а если и выдавалась такая возможность, то я сразу тушевался, не находил слов и, используя любой предлог, скоро ретировался. В общем-то, это было на меня не похоже. Как уже говорилось ранее, я имел на своем счету не мало амурных походов. Но в том-то, наверное, и было завыка, что любовью в них и не пахло. Я легко завоевывал женщин и с такой же легкостью забывал о них на следующее утро. Здесь было все иначе. Я никогда не верил в такое понятие, как любовь с первого взгляда. Не верил, пока на главной улице Канзас-Сити не увидел прекрасную незнакомку. С тех пор в моем сердце поселилась застенчивость, от которой я долго не мог отделаться.

После того, как мы ополоснулись, Лаура, вышла на берег и, сорвав с земли травинку, присела рядом с высоким тополем.

– Присаживайтесь, мистер Кэтлин, – пригласила она меня. – Мы можем посидеть здесь с Вами, пока Чарли будет готовить завтрак.

Ох уж это её извечное «мистер Кэтлин», из-за которого вся моя храбрость уходила в пятки! Надо было с этим кончать, и я нашел в себе смелость высказаться:

– Лаура, мы с тобой так давно путешествуем, что пора бы уже называть меня просто Джо... Поверь, тяжело общаться с хорошенькой девушкой, величающей тебя мистером.

– Ну. я думаю, – сказала она, – действительно пора... Джо.

И тут, на берегу Лоджпол-Крик, я наконец-то почувствовал себя легко и свободно с Лаурой. Подавив свою застенчивость, я уже мог с ней не только просто разговаривать, но даже шутить и любезничать. Я рассказал, по её просьбе, о своем детстве в Сент-Луисе. Она любезно поделилась воспоминаниями о своих детских годах. Правда, её рассказ был пропитан грустью. Я видел блестящие на её ресницах слезы, когда она упоминала несчастных родителей и брата.

По зову Бента. мы вернулись на стоянку и после завтрака снова двинулись в путь.

Несмотря на свою многочисленность, военный отряд тетонов постарался обогнуть окрестности Форта Ларами стороной. Там был расквартирован отряд 11 – ого огайского кавалерийского полка полковника Коллинза, и индейцы побаивались встретиться с каким-нибудь из его эскадронов. С разведывательными отрядами Длинных Ножей еще можно было тягаться силой, но вооруженные до зубов летучие эскадроны Коллинза являлись для них нешуточной угрозой.

К тому же, на реке Норт-Платт вожди военного отряда получили слишком важные известия о передвижениях Длинных Ножей, чтобы и дальше ехать без всяких опасений. Поставщиками информации стали несколько индейцев, повстречавшихся нам на пути. На первый взгляд, это было сборище краснокожих клоунов, напаяливших на себя, вроде Вахин Хански, самые разнообразные одежды белых. На голом торсе одного из них, могучего телосложения вожде, красовалась армейская куртка с сержантскими шевронами, а прямо на длинные орлиные перья была нахлобучена шляпа без верха. И остальные были большими выдумщиками. Тут и там виднелись то кавалерийские бриджи с лампасами, то матерчатые женские накидки. Можно было подумать, что индейцы сначала прошли через армейский склад, а потом заглянули на торговую ярмарку.

– Что это за сброд? – спросил я у Бента.

– Тетоны их зовут Ваглугхе, что значит Ларамийские бездельники. – ответил тот. – Возле форта Ларами, у похоронного настила старого вождя Дыма, их около полутора тысяч. В основном, лакота с малым количеством шайенов и арапахов, С прошлого года стоят там лагерем и живут подачками белых. По приказу генерала Доджа полковники Коллинз и Мунлайт из их числа набрали эскадрон разведчиков и выдали оружие и обмундирование.

– Да, к форме одежды здесь не придерешься, – со смешком заметил я.

– Это УЖ точно. – улыбнулся Чарли и продолжил: – Командует ими Ите Танка, Большой Рот. – Он указал на индейца в шелковой шляпе. – Но если Коллинз думает, что они ревностно ему служат, то он ошибается. Уже не раз Ларамийские бездельники предупреждали боевых вождей о намерениях кавалеристов... Кажется, и сейчас у них есть новости.

Большой Рот, не сходя с лошади, стал что-то говорить Прикоснись-К-Тучам.. Чарли прислушался.

– Ите Танка сообщил, что три дня назад из форта Ларами выехали два эскадрона Длинных Ножей, – сказал он, когда Большой Рот со своими спутниками прищипорили лошадей и поехали прочь. – Он уверяет, что они выехали с задачей прочесать прерию в районе истоков Шайен-Ривер. Коллинзу стало известно о стоянке Римского Носа.

– Это опасно для шайенов? – спросил я.

– Не думаю, – ответил Бент. – После Сэнд-Крик шайенов не застать врасплох. Тем более теперь, когда они откочевали слишком далеко к югу. Разведчики предупредят Римского Носа.

– Но тогда нам уже не найти лагеря у истоков Шайен-Ривер.

– Не волнуйся, Джо, – успокоил меня Чарли. – В тех местах я найду лагерь, где бы он ни стоял.

Мы двинулись дальше, оставив позади Норт-Платт с мелкой неторопливой водой и низкими берегами, покрытыми скудными тополевыми рощами. Начинались области высоких прерий. Зеленые луга переходили в пышные долины, повсюду были разбросаны тенистые лесочки, орошаемые прохладными чистыми ручьями. После утомительного однообразия бесконечной степи, гористые ландшафты особенно западали в душу, и езда по ним доставляла редкое удовольствие.

Мы двигались довольно быстро и вскоре переправились через Найобрэру. Отсюда путешествие приобретало опасный характер. По словам Большого Рта, Длинные Ножи могли рыскать где-то в этих краях. Поэтому Прикоснись-к-Тучам предпринял повышенные меры предосторожности. Спереди, сзади и по бокам военного отряда ехали дозоры, на очередных биваках

всегда выставлялись усиленные посты. Казалось, что еще не хватало? Но встреча с кавалеристами состоялась и, вопреки ожиданиям, она была внезапной и обескураживающей.

На нашем пути стояла большая березовая роща. Роща как роща, сколько таких осталось позади. Как обычно, первыми в нее въехали передовые разведчики – пятеро молодых воинов миннеконджу. Военный отряд продолжал неторопливо ехать вперед, ожидая от разведчиков знака, что все нормально. Но через минуту на опушке показался лишь один из них и не проскакав и десятка ярдов, свалился с лошади с длинной стрелой в спине. Пока мы в замешательстве торчали на месте, переглядываясь и задавая вопросы, из рощи внезапно вырвалась лавина кавалеристов с дюжиной следопытов из племени кроу, которые, потрясая луками, испускали дьявольские вопли. Первым же залпом из карабинов Длинные Ножи уложили дюжину индейцев военного отряда. Оставшиеся в живых запаниковали и начали отступать. Я тоже потерял голову. Сначала пришпорил Маркиза, затем остановился, выхватил спенсер и хотел было открыть из него огонь.

«Боже. – пронеслось в мозгу. – Что я делаю? Я же белый человек! Это мои сограждане».

Я воткнул карабин в чехол и в растерянности глазел на приближающиеся эскадроны. Стрельба не прекращалась, и пули свистели в убийственной близости от меня. Слышался громкий рев:

– Бей красноко-о-о-жих!

В это мгновение раздался голос Чарли Бента:

– Джо, скачи с Голубой Птицей за нами!

Я оглянулся: он и Лаура гнали лошадей по обратной дороге, махая мне руками. Испуганная девочка была рядом. Ее норовистый гнедой жеребец, закусив удила, вставал на дыбы и бил в воздухе передними ногами. Я опять посмотрел на атакующих солдат, и тут до меня дошло:

«Какой же я для них белый человек в этой тетонской одежде?! Да они изрешечат меня пулями Только за то, что я ехал вместе с военным отрядом».

Это было горькой правдой. Мне ничего не оставалось, как спастись бегством вместе с Голубой Птицей. Но этот норовистый жеребец индейки! Она не смогла с ним справиться и вместо того, чтобы поскакать назад, он понес ее в сторону. Я погнал Маркиза следом, надеясь догнать жеребца и повернуть его в нужном направлении. Я понял, что нас ждут трудные испытания, когда увидел, как не менее десятка кавалеристов устремились в погоню за нами.

Уже первые ярды бегства ясно показали, что я не прогадал в выборе четвероногого друга. Маркиз летел как на крыльях, мили две он преодолел с поразительной легкостью, словно проглотил. Мне даже приходилось его сдерживать, чтобы скакать рядом с гнедым Голубой Птицы. Не сумев на полном скаку заставить гнедого повернуть в нужную сторону, я оставил его в покое, понадеявшись на то, что избранная им дорога окажется для нас счастливой. Однако местность была холмистой, и на одном из спусков отчаянно цеплявшаяся за поводья девочка не выдержала нагрузки. Ее выбросило из седла, и она покатилась по крутому склону.

Я понимал, что любая задержка осложнит наше положение до предела. Но разве я мог оставить девочку в беде, скача себе и дальше по дороге спасения? Конечно же, нет. Тут речь шла о простой порядочности.

Оправившись от падения, Голубая Птица в нерешительности стояла у подножия холма, бросая взгляды то на меня, то на удалявшегося гнедого жеребца. Мне нужно было подхватить ее и скакать на Маркизе прочь. Жаль, что не успел. Когда я приблизился к ней, на вершине холма появились преследователи с карабинами на перевес. Спрыгнув с лошади, я обнял Голубую Птицу, и громко крикнул:

– Не стреляйте!.. Кроме беззащитной девчонки, вы прикончите своего соотечественника.

Я видел, что кавалеристы меньше всего ожидали услышать чистый английский из уст преследуемого «краснокожего». Они выглядели озадаченными, те десять солдат во главе с лейтенантом и сержантом. О чем-то переговорив с последним, лейтенант произнес:

– Ладно, отстегни ремень и отбрось его в сторону. Все они спустились к подножию и, сойдя с коней, окружили нас полукольцом. Молодые солдаты, скорее всего, новобранцы, с любопытством разглядывали меня и мою одежду. В глазах же их командиров читалась угрюмая подозрительность. Сержант поднял с земли мой ремень с револьвером и отдал его одному из солдат.

– Ну, соотечественник, что ты за птица? – начал допрос лейтенант, смазливый, со светлыми щетинистыми усами над тонкой верхней губой. Слово «соотечественник» он произнес с заметной издевкой.

– Джозеф Кэтлин – ответил я. – Из Сент-Луиса.

– Индейское имя?

– Что? – переспросил я.

– Твое индейское имя, изменник! – рявкнул чернобородый сержант, сверкнув темно-карими маленькими глазками.

– Никакой я не индеец. – Мои губы раздвинулись в попытке улыбнуться, но рот пересох, как мелкий ручей в засушливое лето. Мне становилось ясно, что я попал в жестокую переделку.

– Лейтенант Скотт, сэр, – гаркнул сержант. – Провалиться на месте, если это не проклятый сквомэн, кочующий с тетонами! – Он зло посмотрел на меня.

– Дело в том, что я случайно оказался среди индейцев военного отряда. Вас смущает моя одежда? Я объясню...

– Ни один честный американец не поедет запанибрата с краснокожими головорезами, ублюдок! – процедил лейтенант, буравя меня презрительным взглядом. – Изворотливая змея, ты заслуживаешь, чтобы тебя проучили!.. Сержант Мортон, к делу!

Широкоплечий сержант повиновался с радостью. Его крепкие кулаки тут же застучали по моему лицу, и вскоре я напоминал собой изувеченного боксера, которому соперник не дал никаких шансов. Результатом избиения стали рассеченные брови, губы и щека. Я держался на ногах до тех пор, пока один из хлестких ударов Мортон не отправил меня в нокаут. Очнувшись и лежа лицом вниз, я услышал голос лейтенанта:

– Мы можем пристрелить его и здесь, Мортон, без всяких проблем. Но сдастся мне, живым он послужит нам лучше. За поимку ренегата полковник Коллинз замолвит словечко там, наверху, и нас будет ждать награда... А сейчас я позабавлюсь немного с этой краснокожей потаскушкой.

О, этот подонок собрался изнасиловать девочку! Невзирая на боль и тяжесть в голове, я сумел встать на ноги.

– Опомнитесь, лейтенант! – мой голос звучал глухо. – Она же еще ребенок!

Лейтенант Скотт повернул голову в мою сторону, его светло-серые глаза смотрели на меня с наглостью.

– Ах, защитник краснокожих язычников уже очухался! Что ж, подожди вместе со всеми, пока я буду заниматься с твоей спутницей.

– Она сестра Римского Носа. Задумайтесь о последствиях!

– В самом деле?! – удивился лейтенант. – Ну, для меня это большая честь. – Он обернулся к Мортону. – Надо же, сержант, искали Римского Носа, а нашли его родную сестру.

Он схватил руку Голубой Птицы и потащил ее в близлежащие сливовые кусты. Она сопротивлялась, кричала что-то на своем языке.

Я опустил на землю и обхватил голову руками. Мне было больно и стыдно за то, что тут творилось. Появись у меня в тот момент оружие, я бы с удовольствием расстрелял и наглеца лейтенанта, и бессердечного сержанта, и даже этих скалящихся молоденьких солдат, оживленно обсуждавших своего командира. Клянусь, я сделал бы это. и не дрогнула бы моя рука.

Через какое-то время удовлетворенный Скотт вышел из кустов, ведя девочку за руку. На его губах играла улыбка, он, по всей видимости, был доволен собой. Усадив Голубую Птицу на землю в дюжине футов от нас, он подошел ко мне.

– Признаться. Кэтлин, я неплохо выглядел.

– Ты животное, лейтенант! – отреагировал я с ненавистью. – Подлое, грязное животное! Скотт рассмеялся мне в лицо.

– Зачем же так строго судить меня, Кэтлин? Ты хватил через край. Я всего лишь доставил себе маленькое удовольствие.

Он отошел к сержанту и о чем-то вполголоса с ним заговорил.

Я посмотрел на Голубую Птицу. Она сидела, опустив голову, и тихо плакала. Мое сердце обливалось кровью от жалости к ней и от своей беспомощности.

– Поди-ка сюда, Кэтлин, – слышался голос Скотта.

Я подошел. Он вертел в руках мой кольт и улыбался.

– Знаешь, у меня есть к тебе предложение, – с наигранной любезностью произнес он. – Ты сейчас возьмешь свой револьвер, в котором есть один патрон, и пристрелишь индеанку – не оставлять же ее в живых, чтобы она потом пожаловалась этому кровавому Римскому Носу – а я берусь доставить тебя в Форт Ларами и доложить полковнику Коллинзу, что ты во всем раскаялся... Ну, как, идет?

После того, что случилось с Голубой Птицей, я знал, что ее короткая жизнь на исходе. От моей ли руки, от чужой ли, она все равно бы погибла, но для меня открывалась возможность единственной пулей рассчитаться с этой мерзкой скотиной, лейтенантом. Я мало заботился о своем будущем, во мне горело желание пристрелить подлеца.

– Я согласен, – коротко сказал я и принял из рук Скотта оружие.

Голубая Птица по-прежнему сидела с опущенной головой. Я прицелился в нее, затаил дыхание, а потом резко навел ствол на лейтенанта и спустил курок. Осечка! Я снова попытался выстрелить – опять без результата. Пустой барабан лишь звонко щелкал от моих усилий.

– Ха-ха-ха! – раздался хохот Скотта. – Я же говорил тебе, Мортон, что этот мерзавец стал настоящим индейцем. Ты видел, как он старался отправить меня на тот свет?

Лейтенант стоял вполборота ко мне, и не смог заметить моего рывка. Его заметили другие, но я действовал стремительно. Зажав в правой руке ствол кольта, я со всей силы обрушил увесистую рукоятку на голову Скотта. Прежде, чем чей-то приклад погасил мое сознание, я услышал, как треснул череп лейтенанта.

Мое пробуждение было долгим и тягостным. Темный мрак беспамятства отступал медленно, словно я был его ценным пленником. Он сдавал свои позиции потому, наверное, что крохотная искорка жизни мало-помалу разгоралась в моей груди и еще оттого, что его гнал прочь настойчивый голос. Этот голос был мелодичным, приятным, утешающим, дающим надежду и успокоение. Казалось, он звучал постоянно. Когда свет проникал в мое сознание, он лился, подобно волшебной музыке, когда же мрак простирал надо мной свою могучую длань, в нем слышались легкая грусть.

Я долю не мог понять, что мне говорил этот мягкий, бархатистый голос. У меня просто не было на это сил. Но настала минута, когда я, хоть и не четко, но смог разобрать:

– Джо, довольно спать. Ты должен проснуться.

Я с трудом раздвинул веки. Надо мной склонилось дивное лицо. В моих глазах все плыло и колыхалось, черты лица были неясными, зыбкими, но я узнал их.

– Лаура, – шепнули мои губы, и глубокая радость горячей волной обдала сердце.

Девушка прохладной ладонью провела по моему лбу.

– Да, это я, Джо. Побудь со мной немного.

Я окинул взглядом темное помещение, пропахшее выделанными шкурами и дымом костра.

– Где я? – слабым голосом спросил я. – Что со мной?

– Ты в лагере шайенов, в типи Джорджа Бенга.

– Значит, мне повезло?

– Ты будешь жить, Джозеф. Мой отец был доктором.

– Как я оказался здесь?

– Не задавай больше вопросов и прими вот это – она поднесла к моему рту ложку из оленьего рога с какой-то целебной пахучей настойкой. – Лекарство придаст тебе сил.

Я выпил горькое снадобье и почувствовал, как меня охватывает мрак.

– Лаура, – успел прошептать я.

– Да, Джо. – Лицо девушки снова склонилось надо мной.

– Я люблю тебя!

За секунду до того, как погрузиться в сон, я ощутил на своих израненных губах легкий влажный поцелуй.

Я спал глубоким живительным сном, а когда очнулся, то сразу почувствовал себя лучше. Я приподнял голову и увидел Лауру, сидевшую спиной ко мне у очага и стряпавшую на нем какое-то замечательное кушанье. Тесное пространство типи было буквально пропитано ароматными запахами.

– Лаура. – позвал я.

– О, Джозеф! – обернувшись, воскликнула девушка. – Как ты себя чувствуешь?

Она поднялась и присела на лежанку из бизоньих шкур. Ее лицо светилось, глаза сияли.

– Знаешь, настолько хорошо, – с улыбкой сказал я, – что с удовольствием попробовал бы твоего кушанья.

– Вот это здорово! Я знала, что делаю.

Спустя мгновение она поднесла мне деревянную тарелку, наполненную каким-то густым варевом, и ложку из оленьей кости.

– Сможешь присесть? – спросила она.

– Попробую, – ответил я, приподнимаясь на лежанке и протягивая руки к тарелке.

– Нет, нет, только присесть, – категорично заявила она. – Ты еще слаб, и уж позволь мне покормить тебя.

– Лаура, мне так неудобно... – попробовал возразить я.

– Джозеф Кэтлин, – полусерьезным тоном произнесла она, – вы обязаны слушаться своего доктора.

– Слушаю и повинуюсь. Но сначала я хотел бы узнать, чем меня собираются потчевать?

– О, это вкуснейшее блюдо, Джо, – поспешила заверить она. – Густой суп из бизоньих мозгов, заправленный ароматными травами.

Следующие несколько минут я прилежно открывал рот, чтобы насытиться этим действительно вкусным блюдом. Я был не против и попросить добавки, но Лаура ограничилась одной тарелкой, сославшись на мой ослабевший желудок.

– Теперь приляг и отдохни, – сказала она. – А чуть позже встретишься со своим другом.

– С Джорджем?... Где он?

– Недалеко. Я сейчас...

Мой голос остановил ее на полпути к выходу.

– Лаура, я тебе сказал правду.

Она обернулась и посмотрела на меня.

– Когда?

– Перед тем, как заснуть.

Она подошла к лежанке и, опустившись на колени, поцеловала меня быстрым нежным поцелуем. Прежде чем я успел обнять ее, чтобы продлить удовольствие, Лаура легко упорхнула к выходу.

– Я поцеловала тебя дважды, – мягко сказала она. – Заживут губы, и ты получишь больше, милый. – Она откинула полог и вышла наружу.

Сладкая истома разлилась в моем сердце. Теперь я знал наверняка, что Лаура также любит меня. Эта уверенность заставила все мое естество изнывать от безграничной радости. Такого душевного подъема я не испытывал никогда в жизни и поблагодарил небо за великое счастье.

Я был весь во власти приятных грез, когда полог откинулся и в типи зашли двое мужчин.

– Джо, дружище, наконец-то ты пришел в себя! – воскликнул Джордж Бент, направляясь ко мне с раскинутыми руками.

– Старина Джордж, я рад тебя видеть, – проговорил я и приподнялся на локоть.

Мы заключили друг друга в крепкие объятия, а затем обменялись рукопожатием. Как водится при встрече двух давних друзей, посыпались обоюдные вопросы.

– Черт, ну и переволновался я тут за тебя, – удовлетворившись моими ответами, произнес он.

– Скажи спасибо Лауре, это она утихомирила лихорадку... – Он вдруг спохватился, посмотрев на своего краснокожего спутника и посерьезнев. – Джо, Римский Нос хотел поговорить с тобой.

– Что с Голубой Птицей? – с тревогой спросил я.

– Те Длинные Ножи расстреляли крошку, Джо, – ответил Бент, нахмурившись.

Я с состраданием посмотрел на лидера Кривых Копий. Мне было известно, что индейцы переносят смерть женщин легче, чем гибель мужчин – наследников и воинов, но очевидная печать скорби на лице Римского Носа говорила об обратном. Видно, он любил свою сестру, и ее смерть причинила ему много горя. Столько наслышавшись о бесстрашном и несгибаемом шайене, я теперь окинул его внимательным взглядом. Как и все шайены, тридцатипятилетний Римский Нос отличался высоким ростом – если точно, то он равнялся шести футам и трем дюймам – и крепким телосложением. Лицо у него было выразительное с высоким лбом, орлиным носом и глубоко посаженными карими глазами. Во всем его благородном облике ощущались независимость и гордое достоинство прирожденного предводителя. Я уже видел немало индейцев, но этот своим броским и строгим видом произвел на меня сильное впечатление. Римский Нос с юных лет создал себе славу храбрейшего воина, и не было ничего удивительного в том, что он стал вождем ведущего военного общества южных шайенов Кривые Копья. Он всегда был на острие атак шайенов, но его ни разу даже не ранило. Молва твердила, что магическая сила Вокуини отчасти зиждилась на его клятве никогда не жениться. Главной же причиной этой неуязвимости было ношение особого головного убора из сорока красных и черных орлиных перьев. Ритуал одевания убора сопровождался строжайшим табу, – ни при каких обстоятельствах не прикасаться к пище железными ножами, вилками или ложками. Если же такая неосторожность случится, потребуется долгий обряд очищения, чтобы восстановить магию боевого головного убора. И Римский Нос постоянно подвергал проверке свою силу, не спеша скача на лошади прямо перед вражескими рядами. Не мудрено, что шайенская молодежь боготворила своего кумира.

Вместе с Джорджем лидер Кривых Копий присел на шкуры, расстеленные возле моей лежанки.

– Вокуини, – отчетливо произнес он, ударив себя в грудь и протянув мне правую руку.

– Джозеф, – сказал я, обменявшись с ним рукопожатием.

Римский Нос покачал головой и, указав на меня пальцем, четко проговорил:

– Ниго Хайез!

– О чем это он? – спросил я у Джорджа.

– Римский Нос будет называть тебя Отважным Медведем, – пояснил тот. – Когда ты бросился на лейтенанта с револьвером в руке, ты, по его мнению, походил на грозного медведя, который не ведал страха.

– Не понял?! – изумился я. – Что, Римский Нос был в тот момент где-то рядом?

– Тебе сейчас все станет ясно, Джо. Когда наши разведчики сообщили о приближении Длинных Ножей, мы снялись с лагеря и ушли далеко на север. Кавалеристы, увидев пустую стоянку, не отважились двинуться за нами. Когда разведчики доложили Римскому Носу о том, что они пошли на восток, тот собрал отряд воинов, чтобы отправиться по их следу и попытаться угнать их ценных породистых лошадей на одном из привалов. Получилось так, что мы не смогли предупредить военный отряд лакота о засаде. Мы держались сзади, и только когда началась стрельба, поняли, что кавалеристы напали на каких-то индейцев. – Бент положил на мое плечо ладонь и горько ухмыльнулся. – Откуда нам было знать, что среди них находились вы? Увидев, как десяток Длинных Ножей помчался за тобой и Голубой Птицей, Римский Нос решил прикончить их. Чтобы остальные кавалеристы или разведчики кроу не заметили нас, мы бросились не вслед за вами, а сделали сначала крюк в сторону. И, как оказалось, на этом было потеряно слишком много времени, чтобы вызволить из беды Голубую Птицу. Мы успели лишь увидеть, как ты разможил голову лейтенанту и как чернобородый боров сразу после твоего падения расстрелял бедную девочку из твоего карабина...

– Сержант Мортон, – сказал я, вспомнив кавалериста с ехидными свинными глазками.

– Бессердечный дьявол, а не сержант Мортон! – со злобой бросил Бент. – И ведь ему одному повезло, скотине! Он сумел ускакать от нас на быстрой лошади.

– На Маркизе? – хрипло спросил я, ожидая самого худшего.

– Не беспокойся, Джо, твой Маркиз жует травку вместе с нашим табуном. Ему попалась другая хорошая лошадь.

– А седло?

– И седло, и сбруя, и оружие лежат вон в том углу.

Бент кивнул головой на заднюю стенку типи.

– Ну, так вот, мы упустили сержанта, но остальным повезло меньше. Разделавшись с ними, Римский Нос, к своему горю, обнаружил, что расстрелянная девочка – его сестра, а я, к радости, нашел тебя живого, хотя и без сознания. По пути в лагерь нас нагнали Чарли и Лаура.

Когда Бент закончил, Римский Нос что-то сказал ему на языке шайенов.

– Слушай, Джо, – обратился ко мне Джордж. – Римский Нос хочет знать, за что ты прикончил лейтенанта? Он думает, что ты шел на явную смерть, и это как-то связано с его младшей сестрой.

– Скажи Вокуини, что он проникательный человек. Да, я проломил череп негодяю из-за его сестры. Мне предложили убить ее и подсунули разряженный револьвер. Я просто использовал его вместо кастета.

Я не стал говорить им всей правды. Какая участь ждала бы всех белых пленниц, скажи я Римскому Носу об изнасиловании Голубой Птицы. Мне пришлось скрыть этот факт, и я никогда не пожалел о принятом решении.

Римский Нос снова крепко пожал мне руку и проговорил на шайенском:

– Наоноатамо, вехо-хетан!

– Вокуини уважает тебя, белый человек, – перевел Джордж.

– Хо-ва! – указал на меня шайен и, покрутив головой, добавил: – Нисси-нио!

– Вокуини назвал тебя другом, Джо, близким другом, – с радостью сказал Бент.

Затем шайен задал мне вопрос через Бента:

– Надолго ли ты к шайенам?

– Скажи ему, Джордж, что я всегда хотел пожить среди индейцев.

Бент перевел, и Римский Нос сказал так:

– Пусть пребывание Ниго Хайеза в кочевьях шайенов будет приятным и продолжительным.

Глава 7

Трех месяцев, проведенных с шайенами, мне вполне хватило, чтобы по уши влюбиться в индейскую жизнь. Мои ожидания сбылись, я был как никогда счастлив и доволен своей судьбой. Оправившись от болезни, я жил как индеец, охотился как индеец, отдыхал так же, как он, и это не переставало мне нравиться. За прошедшие три месяца я успел снискать славу опытного укротителя мустангов и меткого стрелка на большой летней бизоньей охоте. Я стал свидетелем Танца Солнца – второго по значимости шайенского церемониала после Обновления Священных Стрел. Мне удалось даже поучаствовать в набеге за лошадьми индейцев кроу и обзавестись, как следствие, своим первым табуном из шести голов.

Теперь немного о том, что представляли собой южные шайены, ушедшие после Сэнд-Крик на север. Под напором белых цельный костяк племени стал крошиться еще в середине века, а к 65 – ому году от могучего лагерного круга, состоявшего из десяти кланов, остались лишь воспоминания. С Римским Носом пошли люди разных кланов. Тут были Сожженные Аорты – Хевикснипакис, Волосяные Вережки – Хевайтанио, Струпья – Ойвиамана, Люди Хребта – Хисиометанио, Солдаты Псы – Хотамитанио, Сутайи и другие, но сейчас они жили как Солдаты Псы – военными обществами. Воины скорее называли себя Красными Щитами, Волками или Кривыми Копьями, чем Волосяными Вережками, Сожженными Аортами и т. п. И, тем не менее, шайены были верны себе как никакой другой народ прерий. Их обычаи ничуть не изменились. Воины, как всегда, отличались храбростью, а женщины – редким целомудрием.

Я с первых дней жил рядом с Римским Носом и поэтому мог считаться одним из Химовий-юк-ис – Кривых Копий.

Как мне описать те восхитительные дни по выздоровлении, слившиеся в один, казалось, бесконечный праздник? Они были сказочно превосходны! Я любил, и был любим!

Это время высокой любви сделало жизнь настоящим чудом. Я каждую минуту хотел быть рядом с Лаурой, видеть ее прекрасные карие глаза, слышать ее нежный бархатистый голос и мягкий смех. И она, я это знал, тянулась ко мне всем своим существом. Ведь мы любили друг друга и решили, что в пору индейских свадеб, в сентябре, станем мужем и женой. По правде сказать, я мог считать себя счастливчиком. Молодому шайену требовалось что-то около пяти лет постоянного ухода за избранницей. Как уже говорилось, шайенские женщины были самыми недоступными и чистыми в прериях. Соблазнить шайенку до свадьбы являлось делом почти невыполнимым, а если это происходило, то клеймо позора оставалось на ней навеки. Ни один юноша не делал такой предложения.

Ожидая заветного срока, мы наслаждались нашим счастьем, думая, что ему не будет конца. И вдруг грянул гром.

Лагерь наш стоял на берегах Паудер-Ривер рядом со стоянкой северных шайенов Тупого Ножа. Я жил в жилище Бентов, а Лаура – в типи своей тетки, Легкой Антилопы. Как я уже отмечал, мы с ней почти не расставались, нас разлучала лишь ночь. И вот, одним проклятым утром в июле я не застал ее дома. Мне сказали, что она и ее подруга, Лиловая Заря, ушли в соседний лесок по грибы. Делать было нечего и я, сводив своих лошадей к реке, вернулся в жилище, чтобы убить время с друзьями-метисами. Мы курили, болтали, и крику лагерного глашатая сначала не придали никакого значения. К тому же, он шел с южного конца стоянки, его почти не было слышно.

– Наверное, очередное приглашение от северных шайенов на пир, – предположил Чарли. Голос глашатая стал звучать отчетливее.

– Нет, это не приглашение, – покачал головой Джордж. – В голосе Твердого Вяза слышна тревога.

Они напрягли слух. Я уже немного знал шайенский и тоже прислушался. Глашатай приближался.

– Черт побери! – воскликнул Чарли, вскочив на ноги. – Что-то стряслось с Лаурой!

Меня словно окатила холодная волна. Я неподвижно сидел на шкурах, уставившись на Чарли.

– Что!? – наконец вырвалось у меня.

– Бежим! – крикнул он, бросаясь к выходу.

Мы с Джорджем ринулись за ним и, выскочив наружу, обнаружили такую картину: со всех сторон лагеря к типи Римского Носа бежали молодые воины; женщины и дети взирали на столпотворение, стоя у жилищ.

Глашатай уже разговаривал с Римским Носом. Мы кинулись к нему. Моя растерянность сменилась ужасом, когда Римский Нос в волнении произнес:

– Апачи захватили Белое Облако (так шайены называли Лауру) и едва не убили Лиловую Зарю.

Он говорил о двух апачах – мескалери, незадолго до этого прибывших в лагерь. Лет десять назад, когда они были еще подростками, военный отряд шайенов взял их в плен в одном из южных походов. Они жили среди Кривых Копий как полноправные члены племени, но не забывали свою родину. И когда представилась возможность, сбежали на юг, в места кочевий мескалери. Вскоре о них забыли. Однако недели две назад они вернулись, сказав вождям и приемным родителям, что сделали ошибку. Племя мескалери Длинные Ножи загнали в голодную резервацию, говорили они, и им там не понравилось. Они хотят жить среди шайенов вольной жизнью, твердили молодые апачи, и вожди, вняв просьбам, приняли назад своих заблудших приемных сыновей.

Теперь они снова предали шайенов. Но на сей раз, прихватили с собой Лауру, и чуть было не обагрили руки кровью Лиловой Зари. Зачем они это сделали? Что, кому-то из них понравилась Лаура?

Я терялся в догадках, не находя ответа.

– Когда это произошло? – глухим голосом спросил я.

– Только что, – ответил Римский Нос. – Нам надо спешить. – Он взглянул на Чарли Бента. – Чарли, со мной поедут Джордж, Ниго Хайез, ты и еще шесть надежных воинов, которых выберешь сам. Нас хватит, чтобы догнать паршивых собак мескалери и спасти Белое Облако... К оружию!

Через считанные минуты я, мои друзья и избранные воины уже ожидали Римского Носа у южного конца лагеря. Его приближение мы приветствовали восторженными кликами. Он скакал на красивом гнедом жеребце в боевом наряде Кривых Копий, его пышный головной убор из орлиных перьев с бизоньим рогом в широкой налобной повязке, словно разноцветный шлейф, красочно развевался на ветру.

– Братя! – громко вскрикнул он, остановив гнедого. – Я воин, а не оратор. Поэтому я буду краток. Белое Облако в опасности. Разве позволят Кривые Копья, чтобы дочь шайенов была обесчещена паршивыми собаками мескалери? Разве они позволят это?

Протяжный вопль негодования вырвался из глоток воинов и не затихал до тех пор, пока Римский Нос не поднял руку.

– Я знал ваш ответ. Великий Дух и Отец Солнце следят за нами, и они будут на нашей стороне.

Он развернул жеребца и хотел было пустить его вскачь, но один из воинов, Бегущий Ворон, своими словами приостановил движение:

– Вокуини говорил о Великом Духе и Отце Солнце, которые всегда хранят наш народ. Я думаю, они не одобряют отправления на военную тропу без священной пляски – Танца Войны. Римский Нос смерил взглядом чересчур религиозно настроенного бойца.

– Если Бегущий Ворон нуждается в том, чтобы Танец Войны придал ему смелости, то пусть он останется в лагере. У нас нет времени. Храбрые воины понимают, что надо спешить... Или Бегущий Ворон старая женщина, а не бесстрашный шайен? Или звон шаманской погремушки для него важнее чести девушек нашего племени?

Бегущий Ворон заметно смутился.

– Я просто хотел сказать, что священный танец нам бы не помешал, – попытался оправдаться он.

Римский Нос отвернулся от него, не удостоив ответа. Я мысленно поздравил лидера Кривых Копий за благоразумную речь. Даже в цивилизованных странах люди не очень-то любили отправляться в поход без благословения священника. А что же говорить об индейцах, чья жизнь буквально спутана густой паутиной религиозных запретов и вмешательством шаманов? Я прожил с ними недолго, но и этого времени хватило, чтобы хорошо ознакомиться с индейскими табу и поверьями. Это была раса глубоко верующих людей, ревностно чтящих свои обычаи и богов. Как оказалось, при определенных обстоятельствах и они могли действовать быстро и решительно, если того требовало дело. Замечание Бегущего Ворона было проигнорировано Римским Носом, и его твердая решимость пришлась мне по сердцу.

Издав боевой клич шайенов, Вокуини возглавил погоню без дальнейших колебаний.

Найдя след мескалери, мы к своему огорчению обнаружили, что они были хитры и предусмотрительны. Они знали о неизбежной погоне и, кроме трех лошадей, везших их и пленницу, прихватили из большого шайенского табуна еще столько же запасных. Меняя лошадей, негодяи могли скакать целыми днями. Поэтому преследование обещало быть долгим и утомительным.

След беглецов, не петляя, вел сначала на юго-восток, а за Норт-Платт повернул к югу. Мескалери без передышки меняли лошадей и сумели оторваться от нас на многие и многие мили. Но затем появились первые признаки того, что они стали чувствовать себя более раскованно. Стремительный бег их лошадей сменился неторопливой рысцой, кое-где они даже позволяли себе делать короткие привалы. Видно было, что, приближаясь к родным местам, мескалери утратили первоначальную бдительность. На пятый день преследования у истоков Симаррон-Ривер воины нашего отряда внезапно притормозили лошадей и стали принахаживаться к утреннему воздуху. Я вопросительно взглянул на Римского Носа. Тот как-то странно улыбнулся и произнес только два слова, но эти слова заставили мою кровь струиться по жилам в два раза быстрее.

– Дым костра!

Высланные на разведку двое шайенов вернулись скоро, однако показались мне сильно взволнованными. Я терялся в догадках о причине их озабоченности, пока один из них не заговорил. Его новости можно было сравнить со стаканом ледяной воды, вылитой за шиворот. Да, впереди находились беглецы. Да, это был дым их костра. Но кто мог предположить, что это была и стоянка двадцати верховых липанов, дальних родственников мескалери?! Нет надобности говорить об охватившей нас растерянности. Все мы оказались не подготовленными к подобного рода новостям. Все, кроме одного. Вокуини был не тем человеком, чтобы поддаваться панике и колебаниям. Не даром шайены считали его своим не превзойденным военным предводителем.

Спрыгнув с гнедого и присев на корточки, он знаком показал нам последовать его примеру. Дав возможность желающим высказаться, он затем сам взял слово:

– Если мы нападём на стоянку липанов сейчас, когда еще не разгорелся свет утра, у нас будет преимущество во внезапности,

Вокуини говорил не утвердительно, а как бы высказывал предположение. Один из воинов, все тот же Бегущий Ворон, перебил течение его мысли:

– Как погибший во тьме шайен найдет дорогу в Счастливые Охотничьи Угодья?

Не глядя на воина, Римский Нос сухо бросил:

– Я слышу робкого койота. Дух храброго шайена найдет путь в самую темную ночь. Химавихийо, Правящий Наверху, проведет его туда за руку.

Это был обезоруживающий выпад. Больше Римского Носа не перебивали.

Я подозревал, что у такого опытного прерийного волка, как Вокуини, уже созрело решение. Просто он делал нужную паузу. Мнение воина становится веским, если он не спешит с ответом.

– Но мы не будем атаковать сейчас, – наконец твердо произнес он. – Тетивы шайенских луков отсырели за ночь, и шайены не совы, чтобы охотиться во тьме. Когда наступает утро, крапчатый орел взмывает с гнезда и поднимается в небо до тех пор, пока не увидит все вокруг. Заметив добычу, птица парит в вышине, выбирая момент для быстрого броска. Затем она складывает крылья и обрушивается на добычу стремительнее молнии, расщепляющей одинокое дерево... Так поступит Вокуини! Так поступят Кривые Копья!

Что может сравниться с подобным красноречием?! Римский Нос, мне кажется, лукавил, когда говорил, что он не оратор. Сам Логан, ирокезский любитель красивых слов, мог позабавлять подобной искрометной речью.

Дожидаюсь рассвета, мы подкрепились «индейским хлебом» – пеммиканом, состоявшим из сушеного бизоньего мяса, жира и толченой земляники.

С первыми лучами солнца, Римский Нос отправился в разведку, прихватив с собой меня и Чарли Бенга.

Стоянка липанов и мескалери располагалась в узкой ложине, и мы постарались подползти к ней так, чтобы ветер дул нам в лицо.

В ложине, покрытой легкими полосами утреннего тумана, горело несколько небольших костров. Явственно слышался запах приготовляемой пищи – жареной оленины.

Я напряг зрение, отыскивая взглядом ту женщину, за которой готов был отправиться хоть на край света. Она сидела возле ближнего костра, закутавшись в цветное одеяло. Это было отрядным фактом. Обычно пленнику или пленнице приходилось не легко. Летом их истязали жарой, зимой – холодом, им не давали ни пить, ни есть. Словом, они подвергались всяким лишениям и неудобствам.

Когда же один из мескалери дал Лауре кусок мяса, я вовсе перестал за нее беспокоиться. Если воин решил приобрести себе жену, можно было смело надеяться на то, что с ее головы не упадет и волосок. А он, похоже, действительно считал себя женихом. Пока мы лежали на бровке ложины, воин не оставлял Лауру ни на минуту.

– Видно, Твердый Рог собрался осчастливить Лауру, – насмешливо заметил Чарли. – Ишь, как увивается вокруг нее!

– Этот Твердый Рог – большая сволочь, даже не смотря на то, что он так обходителен с Лаурой, – прошипел я. – Клянусь, я кастрирую его!

– Я помогу тебе в этом, – улыбнулся Чарли.

Липаны были настолько уверены в своей безопасности, что даже не выставили часовых. Они были неосмотрительными людьми эти горные липаны.

Закончив осмотр вражеского лагеря, мы вернулись к шайенам. Римский Нос быстро довел до нас свой план. Вот в чем он заключался. Увиденная нами ложина имела два выхода – на север и на юг. Без сомнений, враги выйдут из нее через южные ворота.

– Шайены обогнут ложину и устроят там засаду, – говорил Вокуини. – Засада! Что может быть отрадней для индейского сердца? Преимущество врагов в числе – ничто, если воздух вдруг взорвется от неистового боевого клича шайенов. Белое Облако будут вырывать из рук

мескалеро Ниго Хайез и Чарли, остальные должны сеять панику и страх среди липанов. Вой волка, который издаст Вокуини, станет сигналом для начала атаки.

Сказав это, Римский Нос повел нас за собой. Уже спустя пятнадцать минут мы были на месте. И вовремя. В лагере липанов началось движение, указывающее на то, что они собираются пуститься в путь.

По плану Римского Носа мы разбились на две группы по пять человек в каждой. Одной группой командовал он, другой – я. Мне было лестно принять на себя эту обязанность. У него был большой выбор, но он остановился на мне. Наверное, потому, что видел, как я горю желанием вызволить Белое Облако из беды.

Когда мы заняли позиции, мои люди справа от выхода из лощины, воины Римского Носа – слева, липаны с двумя мескалеро и Лаурой тронулись с места.

Они ехали медленно. Не дыша, я наблюдал из зарослей диких слив за их приближением. Один, два, три... пять... десять липанов проехали мимо в открытую долину. Кровь в моих висках отбивала ускоренный отчетливый такт. Напряжение выросло до предела, когда Лаура поравнялась с местом нашего укрытия. Самоуверенный Твердый Рог ехал рядом с ней, гордо вскинув голову и прищулив глаза.

Я с нетерпением ждал сигнала Римского Носа, кусая губы, но вместо него прозвучал оглушительный одинокий выстрел. Это один из воинов Вокуини пренебрег приказами и пустил пулю в цепочку врагов. Я увидел, как пораженный липан, неуклюже взмахнув руками, выскочил из седла. Боже, все усилия пошли насмарку из-за бездумных действий единственного идиота!

Собравшись, что они в ловушке, остававшиеся липаны и мескалеро ринулись вперед, увлекая за собой и Лауру. Они проделали это прежде, чем мы опомнились. Дикий боевые кличи шайенов, выскочивших, наконец, из укрытий, лишь подстегнули резво скакавших на юг врагов. О погоне не могло быть и речи. Нас было вдвое меньше, и только засада давала нам преимущество.

Несомненная удача выскользнула из наших рук, как выскочивший из-под ног охотника длинноухий кролик.

Замечу, неподчинение приказу в армии белых карается смертью. Вольные же сыны прерий пользовались великой свободой, ограничить которую не могли и самые уважаемые вожди. Позднее я привык к индейскому своеволию, но в начале своей жизни в прериях оно вызывало во мне нешуточное раздражение. Ведь получалось так, что любой воин мог запросто загубить военный план, вздумай он отличиться. Если он испытывал непреодолимое желание поохотиться в секретном походе, то непременно удовлетворял его. Если ему не хотелось по каким-то причинам идти в бой, он всегда мог от него уклониться. И что поразительно, это сходило ему с рук, его имя оставалось незапятнанным. Не будь этой пресловутой свободы, индейское сопротивление, я уверен, стало бы более организованным и успешным.

И как бы усугубляя в то утро наши невзгоды, небеса обрушили на прерии проливной дождь, смывший все следы сгинувших апачей. Теперь только ветер знал, куда они направили своих скакунов. Было от чего расстроиться. Однако Боги порой милостивы к смертным.

Когда «отличившийся» шайен стал снимать со своего подстреленного липана скальп, оказалось, что тот только ранен. Римский Нос пресек кровавую операцию, выбив нож из руки шайена.

– Липан нам понадобится, – строго сказал он.

Я знал, что имел в виду Вокуини. Пленник должен был снабдить нас кое-какой информацией.

Я взглянул на липана. Это был низкорослый, как и большинство апачей, индеец, больше походивший на монгола. Он, видимо, сознавал, что ждать пощады от шайенов нельзя. Держась рукой за раненое плечо, он встал на ноги и затянул монотонную Песню Смерти.

– Кто знает язык апачей? – спросил Римский Нос у воинов.

Никто не отозвался. Римский Нос посмотрел на Бета.

– Может, он понимает английский?

– Говоришь по-английски? – спросил у пленника Чарли.

Тот по-прежнему стоял и тянул заунывную мелодию.

– Хорошо, поговорим с ним на языке знаков, – сказал Вокуини.

Мне было известно, что говорящие на различных диалектах племени прерий общаются между собой посредством языка жестов, но я и представить себе не мог, как быстро и доходчиво можно было на нем «разговаривать». Чарли Бент перевел для меня диалог Римского Носа с пленником.

– Почему липан думает, что пробил его последний час? – начал Вокуини.

– Шайены – враги. – Липан прервал песню.

– Они пощадят его, если он будет сговорчивым.

– Боевое Перо не верит шайенам. Его ждут пытки и смерть.

– Когда Вокуини говорит, ему стоит верить. У него не раздвоенный язык!

На лице липана появилось удивленное выражение.

– Римский Нос – великий воин! Боевое Перо слышал, что он мудр и справедлив.

– Тогда давай поговорим.

– О чем?

– Ответь, куда направились апачи и что уготовано пленнице?

Липан закивал головой, сделав небольшую паузу.

– Липаны случайно встретились с мескалери. Был разговор. Твердый Рог сказал, что они едут к большой излучине ручья Мустангов, где стоит обоз торговцев виски и оружия. Это хорошая новость. Липаны заедут в свой лагерь, возьмут бизоньи шкуры и отправятся к ручью Мустангов на торговлю с белыми.

– Ты не ответил, что ждет пленницу?

– Твердый Рог и Быстрая Пума получают за пленницу ружья и много огненной воды.

– От кого?

– От Койота Кайова.

Проклятье! Это был тот сорт новостей, которые делают человека сумасшедшим. Вот, оказывается, в чем дело! Стив Блэкберн нанес обескураживающий удар прямо мне в сердце. Мои мысли сбились в кучу, как стадо бизонов над пропастью. Из моих глаз, капля за каплей, заструились слезы. К счастью, разыгравшийся ливень скрыл от шайенов слабость Ниги Хайеза. Надо, однако, сказать, что и они были взбудоражены признанием Боевого Пера. Я слышал гневные возгласы в адрес Блэкберна.

– До этого гада, наверное, дошли слухи о живших среди шайенов Твердом Роге и Быстрой Пуме. – предположил Джордж. – Он, должно быть, побывал в резервации мескалери и предложил им сделку: ружья и виски в обмен на Лауру.

– Похоже, что так оно и было, – согласился Чарли. – Но, черт побери, что нам теперь делать?

Этот вопрос оставался открытым. Все взгляды устремились на Римского Носа. Тот отошел в сторону и задумчиво глядел вдаль, словно советовался со своими духами-покровителями.

Немного придя в себя, я приблизился к нему и тронул его за руку.

– Нам нужно ехать, Вокуини. Где этот проклятый Мустанг Крик?

Римский Нос, не поворачивая головы, произнес:

– Ниги Хайез нетерпелив, Вокуини осмотрителен.

Я оставил его в покое, вернувшись на место. После продолжительного раздумья он, наконец, принял решение.

– Мескалери теперь знают, что их преследуют шайены. Они слышали наш боевой клич. Они будут начеку и предупредят Койота Кайова. Десять человек это слишком мало, чтобы атаковать обоз торговцев и чересчур много, чтобы остаться незамеченными. – Он поочередно посмотрел на Чарли и на меня. – За Белым Облаком поедут трое – Вокуини, Ниго Хайез и Чарли. Чем меньше нас будет на ручье Мустангов, тем лучше. Там, где сила бессильна, хитрость и смекалка сделают свое дело. Боевое Перо укажет дорогу.

Римский Нос умолк, дав возможность высказаться остальным. Его решение никто не оспорил. Оно было справедливым и дальновидным.

Наложив на рану Боевого Пера целебные травы из магического мешочка, висевшего на груди, лидер шайенов перевязал его и посадил на своего гнедого. Затем, поместившись позади липана, он отдал последнее распоряжение, указав на высокого мускулистого воина:

– В обратный путь шайенов поведет Хеовхохона, Желтый Камень.

С этими словами он развернул гнедого и поскакал к югу.

– Берегите себя, Чарли... Джо! – крикнул Джордж, когда мы сделали прощальный знак и устремились за Римским Носом.

Спустя некоторое время я оглянулся. Сплошная стена серебристых дождевых струй скрыла от меня оставшихся спутников.

Глава 8

Мы смело двигались в юго-восточном направлении, ведомые нашим пленником, Боевым Пером. Он поверил Римскому Носу, что останется в живых, и работу проводника выполнял исправно.

По дороге меня охватывали сомнения относительно успеха задуманного Вокуини предприятия. Но всякий раз, взглянув на его решительный вид, я успокаивался. Какая-то магическая сила исходила от всей его благородной внешности, что-то такое, что не могло не придать уверенности моему отчаявшемуся сердцу. Наверное, именно таким и должен быть уважаемый всем племенем военный лидер. Именно таким.

Посвежевшая после проливного летнего дождя прерия поглотила нас в своей необозримой ширине. Поросшим зеленой бизоньей травой взгорьям, казалось, не было конца. Но мы неуклонно приближались к цели. Позади остались реки Симаррон и Норт-Канейдиэн, вздувшиеся от ливня, неистовые, неукротимые. Мустанг Крик был уже недалеко.

Желая дать отдых и себе и уставшим лошадям, мы нашли укромное место под отрывистым правым берегом Колдуотер-Крик. Это был сухой песчаный грот футов пятнадцать в диаметре. Отведя лошадей пастись в прибрежной пойме, мы забрались в него, чтобы малость обсохнуть и подкрепиться все тем же неизменным пеммиканом.

Едва наша скромная трапеза подошла к концу, как вдруг откуда-то с востока послышался далекий стук копыт. Всадник скакал по правому берегу ручья на запад, к месту нашего укрытия.

– За лошадьми, быстро! – воскликнул Римский Нос, выскакивая из убежища.

Нам потребовалось считанное время, чтобы поймать животных и укрыть их в гроте.

Стук копыт становился все отчетливей, и вскоре уже можно было разглядеть одинокого всадника, показавшегося из-за излучины ручья. Он был индейцем.

– Кто это? – спросил я у Римского Носа.

Прижав палец к губам, он продолжал всматриваться в путника. Чарли стоял рядом с винчестером в руках. Боевое Перо сидел у дальней стены, погруженный в молчание.

– Разведчик племени уичита, – тихо произнес Вокуини. – Он в боевой раскраске, а значит на Тропе Войны.

– Мы тоже не на прогулке, – ухмыльнулся Чарли, скидывая винчестер к плечу.

Римский Нос дернул его за рукав, знаком показав отойти вглубь грота.

– Ты хочешь, чтобы весь его военный отряд сбежался на твой выстрел? – сердито задал он вопрос.

– Но он же сейчас наткнется на наши следы! – фыркнул Бент.

– И навеки успокоится, – отрезал Римский Нос, вытаскивая из чехла лук.

Уичита не был слепцом. Он заметил следы на берегу и, пустив лошадь шагом, стал неторопливо изучать их. Потом спрыгнул с лошади и присел на корточки, не отводя глаз от земли.

Римский Нос приладил стрелу и натянул тетиву, ожидая, по-моему, того момента, когда уичита посмотрит на грот, смерти в лицо.

Разведчик не сделал этого. Он поступил куда умнее, и будь на его стороне удача, он смог бы оставить нас с носом. Почуввав неладное, он резким движением бросил тело в седло и вонзил пятки в бока своей лошади. Но в тот миг, когда она присела на задние ноги, чтобы неудержимо рвануться вперед, длинная стрела Вокуини насквозь пробила ей шею, уложив ее на берег. Разведчик едва не оказался под ней, вовремя откатившись в сторону. В мгновение ока он вскочил на ноги и выхватил из-за пояса томагавк. Он не успел пустить в дело свой зачехленный висевший на спине лук: Вокуини уже был рядом с зажатым в руке ножом.

Мы с Чарли остались стоять у входа в грот. Римский Нос отклонил нашу помощь, заявив, что это будет честная индейская схватка один на один.

Уичита по комплекции ни в чем не уступал шайену. Он был таким же высоким и мускулистым, как Римский Нос. Может быть, на его стороне даже было преимущество человека, попавшего в безвыходное положение. Он видел наши ружья, ему ничего не оставалось, как подороже продать свою жизнь.

Пушенный им томагавк едва не достиг цели: опытнейший шайен успел отклонить голову. В ту же секунду в руке уичиты блеснуло длинное лезвие боевого ножа, на его лице появилось что-то наподобие злорадной усмешки.

Теперь противники стояли друг против друга, готовые начать кровопролитную схватку. Вокуини в чуть расслабленной позе уверенного в себе бойца, уичита в напряженной нижней стойке атакующего.

Он и сделал первый выпад, но шайен ушел от его разящего клинка.

Произведя пару ложных наскоков, они разошлись и закружились в свойственном ножевым боям ходьбе по кругу.

Через какое-то время уичита снова ринулся в атаку, намерившись располосовать живот шайена снизу. Римский Нос отклонил корпус назад, и лезвие ножа лишь рассекло воздух в дюйме от его широкой груди.

Улыбка больше не появлялась на губах уичиты. В его глазах горела неутолимая жажда крови. Не упуская инициативы, он попытался ударить соперника в левый бок, посчитав этот выпад беспроектным. Он вложил в него всю силу... и просчитался. Вокуини резко ушел вправо и, перебросив нож в левую руку, всадил его в спину врага по рукоятку, когда тот по инерции проносился мимо. Это был старинный трюк в ножевых схватках, редко подводивший его исполнителя. Уичита упал лицом вниз и больше не шелохнулся. Римский Нос вытащил из спины поверженного нож и, сделав вокруг его головы неглубокий надрез, с громким хлопком снял химику, скальп.

– Это была честная победа. – обращаясь к нам, удовлетворенно произнес он.

Я с содроганием отвернулся от повисшего на его поясе волосяного трофея, с которого капала алая кровь. Я никогда не привыкну к этому индейскому обычаю. Увидев его раз, я навсегда проникся к нему отвращением.

Через полчаса мы оставили берега Колдуотер Крик и продолжили наш путь дальше.

К вечеру, по словам Боевого Пера, мы должны были достичь большой излучины ручья Мустангов. Только ехать надо было с удвоенной осторожностью. Липан утверждал, что в этих

краях пролегали тропы различных племен индейцев, ведущие к лагерю контрабандистов. Излучина Мустанг Крик была излюбленным местом торговли команчеро с краснокожими, и когда она начиналась прерия к югу от Колдуотер Крик считалась дьявольски опасным районом для всех, кого заносило сюда волей случая или обстоятельств. Одурманенные крепчайшим пойлом торговцев индейские воины уподоблялись настоящим головорезам. Даже от тех, кто тайком сбегал из резерваций, можно было ожидать чего угодно.

Мы приложили массу усилий, чтобы последняя часть пути прошла без осложнений. Держась общего направления, подсказанного липаном, мы старательно избегали возвышенностей и открытых участков, предпочитая им низины и всевозможные балки. А если все же попадалась протяженная гряда, то она стремительно нами преодолевалась.

Наша тактика была верна, но в жизни случаются непредвиденные встречи, от которых не застрахован никто.

Мы ехали по дну неглубокой лощины, окаймленной холмами, когда под ноги наших лошадей легли продолговатые тени. Как и все, я вскинул голову вверх. На вершину южного холма выехало пятеро индейских всадников. Солнце било нам в глаза, и узнать из какого они племени не было ни какой возможности. Минуту – другую они оставались на холме, словно застывшие конные статуи, а затем, подняв копыта, ринулись вниз.

– Стси-ви-хе-по-йотс! – услышав их боевые вопли, воскликнул Вокуини. – Мужайтесь! Это Тонкевы. Людоеды и давнишние враги шайенов.

– Людоеды! – удивился я.

– Иногда поедают человеческое мясо на какой-то своей религиозной церемонии.

Тонкевы, не переставая улюлюкать, быстро приближались. Они мчались, как на скачках. То один, то другой вырывался вперед, чтобы в следующую секунду уступить место лидеру очередному воину.

Я отчетливо видел их перекошенные от азарта лица и посмотрел на своих товарищей. Они готовы были принять бой. Бент приложил приклад винчестера к плечу, а Римский Нос, ссадив на землю липана, вооружился своим крепким боевым луком из апельсинового дерева.

Первым открыл стрельбу Чарли. Затем запели стрелы Вокуини, но меткость одного желала оставлять лучшего, а лук другого был не достаточно эффективным оружием на средних и дальних расстояниях.

Тогда я взял на изготовку свой «спенсер». Настало время для его настоящей проверки. Я прицелился в передового тонкеву, спрятавшегося за шею скакуна. Были видны лишь его руки и ноги.

«Для начала сделаем из этого людоеда инвалида» – решил я и спустил курок, найдя в прорези прицела ногу краснокожего. Едва он от боли откинул корпус назад, как моя следующая пуля пробила ему голову.

Тонкевы пронеслись мимо выскочившего из седла неудачника, не сбавляя скорости и не прекращая испускать громкие вопли. Если они думали, что их боевые кличи собьют мой прицел, то их надежды не оправдались. Я выстрелил столь же точно, и второй тонкева оказался на земле.

Только в самых крайних случаях краснокожий может пойти на верную гибель. Смерть есть смерть, и преждевременное знакомство со Счастливыми Охотничьими Угодьями, как бы он в них не верил, не очень прельщает его. Убедившись в убийственной меткости моего «спенсера», оставшиеся в живых тонкевы посчитали, что с них довольно. Круто развернув лошадей, они ринулись в обратный путь.

– Не дадим им уйти! – вскричал Вокуини. – Они вернутся на Мустанг Крик, и тогда нам несдобровать.

В считанные секунды мы вдвое сократили расстояние. Для нас открылась отличная возможность покончить с ними, не прибегая к рукопашной. Я пристрелил еще одного врага, мои

спутники уложили двух последних и огласили округу громкими кличами победителей. Это была действительно замечательная победа, которая стоила того, чтобы навеки остаться запечатленной на щитах и шкурах военного общества Кривых Копий. За короткое время было уничтожено пятеро тонкевов без каких-либо потерь с нашей стороны! Великий Дух и Отец Солнце, похоже, приняли нас под свою защиту.

Глава 9

Когда мы, наконец, добрались до цели путешествия, на прерию спустилась светлая летняя ночь. На большой излучине ручья Мустангов горело множество костров. Оттуда неслись громкие восклицания на английском, вперемешку с гортанной индейской речью. Так орать могли только злодеи-команчеры и подвыпившие краснокожие, собравшиеся здесь для грязных сделок.

На коротком военном совете я первым взял слово, и мои доводы легли на благодатную почву. Я обдумал все еще на пути к Мустанг Крик. Поэтому мои слова были просты и убедительны.

– Вокруг повозок торговцев кучами бродят индейцы. Уже сейчас они, наверное, пьяны. Я без труда пройду через них. Они примут меня за команчero.

Я был одет в индейскую одежду, но в подобном наряде мог ходить любой торговец. Мне осталось только спрятать свои длинные волосы за воротник и набраться храбрости.

– Хорошо, – согласился Вокуини. – белый друг убедил Римского Носа. Он, Чарли и Боевое Перо будут ждать Ниго Хайеза на холме, где растут сосны.

Когда я взялся за поводья, со стороны стоянки послышался одобрительный индейский рев. Видно, был открыт свежий бочонок виски.

Я пустил вороного шагом и проехал до густой чащи ив и тополей, окаймлявшей излучину. Тут мне пришлось оставить Маркиза. За него я не беспокоился. Я знал, что он не двинется с места, но, заслышав тройной крик сойки – мой сигнал – он разорвет все путы и растопчет любого, кто встанет между ним и его хозяином.

Напустив на себя самоуверенный вид, я смело двинулся вперед. Надо было показать краснокожим, что я здесь свой, из числа торговцев-команчero. Мне удалось покрыть не менее половины пути, когда я едва не нарвался на неприятности. Я упустил из виду, что в окрестностях излучины могут бродить не только индейцы. Если бы двое команчero, углубившиеся в заросли отдать дань природе, не заговорили, я бы наверняка столкнулся с ними лоб в лоб. Бросившись на землю и подождав, пока они не скрылись из глаз, я встал и с большим вниманием тронулся дальше. Только у конца зарослей мне повстречалась троица подвыпивших липанов. Они обнимались, прикладываясь к фляжкам с огненной водой.

– Виски! Виски! – гаркнул один из них с чудовищным акцентом, протянув мне посудину.

Как и предполагалось, индейцы запросто приняли меня за команчero.

– Отлично, воин, – проговорил весело я, хлопнув его по плечу. – Наслаждайся этой бурдой сам.

Липаны ослабились и, пригубив каждый свою фляжку, пошли прочь.

Скоро я дошел до огромного тополя, за которым уже не росло ни одного деревца. Встав за его толстый ствол, я принялся рассматривать обширную стоянку торговцев.

Первое, что бросилось мне в глаза – это большое количество индейцев, которые тесной толпой сгрудились вокруг повозок. Тут их было не менее полутора сотен, пьяных и не очень, возбужденных, дерзких. Немалое число краснокожих уже ни о чем не волновалось – они лежали тут и там, переборщив с огненной водой.

Торговцев я насчитал двадцать человек. Стив Блэкберн, как и полагалось, был главным действующим лицом. В окружении охранников пауни, он, сидя на облучке фургона, живо

командовал раздачей виски собравшимся индейцам. Вскрыв томагавком очередной бочонок, он громко крикнул на всю излучину:

– Сюда, краснокожие ребята!.. У Койота Кайова еще есть припасы, чтобы промочить ваши луженые глотки!

Стоявшие вблизи индейцы с одобрением зашумели. Те из лежавших, что еще сохраняли сознание, изо всех сил пытались принять вертикальное положение. Кое-кому это удавалось, но только для того, чтобы тут же вытянуться на земле.

В одном из индейцев, окруживших фургон, я узнал продажного мескаlero. Он был сравнительно трезв. Блэкберн заметил его и притянул к себе.

– Твердый Рог – мой самый лучший друг! За красавицу-шайенку он получит столько виски, что его хватит на весь народ мескаlero.

Индеец замотал головой и отреагировал на плохом английском:

– Виски плохо... Ружья и патроны хорошо.

Блэкберн нахмурился и стал разговаривать о чем-то с Тони Сайкзом.

В пути я прикидывал, можно ли каким-то образом прибегнуть к помощи Черного Тони. Но всякий раз меня брали сомнения. В конце я решил, что рассчитывать на него было нельзя. Я спас его, он помог мне. Мы были квиты.

Повернувшись к мескаlero, Блэкберн протянул ему полный кувшин.

– Выпей, дружище. У Койота Кайова виски никогда не бывает плохим.

Твердый Рог принял посудину, но вместо того, чтобы выпить, медленно вылил содержимое на землю.

– Виски плохо, – снова проговорил он. – Сейчас хорошо ружья и патроны.

– Ну, парень, – с нарастающим гневом протянул команчero, – это мне совсем не нравится!

– Койот Кайова обещать, Твердый Рог верить, – зацокал языком мескаlero, принимая угрюмый вид.

Сайкз окинул взглядом индейца, потом что-то шепнул на ухо Блэкберну. Тот на секунду задумался, а затем хлопнул краснокожего по плечу.

– Ладно, черт с тобой, Рогоносец. Ты получишь обещанные ружья. Но патроны – завтра!

Несколько вождей, увидев, как Твердый Рог получил оружие, также потребовали себе ружей.

– И эти туда же! – рявкнул Блэкберн, сплюнув с досады. – Вот бестии!.. Эй, Томпсон, – обратился он к подручному, находившемуся в фургоне с амуницией. – Выдай и этим надутым индюкам ружья. Пусть успокоятся. Без патронов они не опасней сдохшей кобылы.

Заполучив оружие, индейцы явно были удовлетворены. Видя это, Блэкберн приказал открыть еще один бочонок виски.

Внимательно осмотрев лагерь, я понял, что Белое Облако мне следует искать в одном из пяти фургонов. Только в каком из них? Это я должен был выяснить как можно быстрее. Торговцы занимались спаиванием краснокожих и ни о чем другом, похоже, не заботились.

Я уже собрался было углубиться в заросли, чтобы незаметно пробраться к дальнему фургону, когда Стив Блэкберн оставил свой командный пост и направился именно к этой повозке. Я проводил его взглядом до тех пор, пока он не скрылся за парусиновым верхом. Сомнений быть не могло: Койот Кайова сам указал, куда мне нужно двигаться. Прежде чем я успел нырнуть в гущу зарослей, Блэкберн отослал прочь дежурившего у фургона команчero.

Через три минуты я был у кромки зарослей в двадцати ярдах от фургона. В нем слышался раздраженный глухой голос Блэкберна. Пространство вокруг повозки было залито светом от двух факелов, вбитых в землю у задних колес. Пробежать это расстояние, – значит, было навлечь на себя внимание. Поэтому я пошел шагом. Когда был сделан последний шаг, моя куртка взмокла от пота, несмотря на то, что меня заметили лишь стоящие на привязи лошади.

Внутри фургона горела лампа, отбрасывавшая крупную тень Блэкберна на парусину. Тонкий силуэт находившейся перед ним женщины, несомненно, принадлежал Лауре.

– Помнится, я говорил, что ты станешь моей, невзирая ни на что, – донеслись до меня его резкие слова. – Я обычно добиваюсь того, чего хочу.

– Это на тебя похоже, – ответила Лаура. – Но я лучше брошусь в омут, чем в твои объятия.

Тень Блэкберна дернулась вперед, и прозвучала громкая пощечина. От захлестнувшей ярости я потерял над собой контроль. Я только помню, что ворвался внутрь фургона как одержимый.

– Какого черта! – рявкнул Блэкберн, не оборачиваясь. – Кого там принесло?

– Оглянись, подлец, и ты увидишь! – выхватив нож, выдавил я.

Может, и не стоило мне ничего говорить. Надо было только действовать, и все прошло бы прекрасно. Но я выдал себя, дав ему великолепный шанс опомниться. Когда я ринулся с ножом вперед, он отпрянул от Лауры и, откинувшись на перегородку, вытащил револьвер. Узнав меня, Лаура бросилась мне на шею и залепетала часто-часто:

– Джо, милый Джо... Джо...

Блэкберн молчал, целя в нас из своего кольта. Наконец его глухой голос нарушил молчание:

– Убери Лауру в сторону, если ты мужчина, Кэтлин. Негоже прятаться за женскую юбку.

– Не смей, Джо, – взмолилась девушка, по-прежнему обнимая меня. – Он тут же убьет тебя.

Ажиотаж прошел, и мое сознание заработало с надлежащей силой.

– Ты отвратительная свинья, Блэкберн. Но ты поступишь по-человечески, если отпустишь Лауру со мной.

– Не выдумывай, Кэтлин, а лучше приготовься сожрать свои собственные внутренности. – Он на секунду замолк, а затем выкрикнул зычным голосом. – Сайкз! Тревор! Пауни!.. Ко мне!

Пока я искал возможность бросить нож в Блэкберна, Лаура оттеснила меня к выходу из фургона.

– Прыгай, Джо! – страстно прошептала она. – Обо мне не беспокойся. Он никогда не заставит меня стать его женой. А у тебя еще будут шансы вырвать меня из его поганых рук... Ну же!

Что мне оставалось делать, когда свора приспешников Блэкберна на всех парах мчалась на его зов? Поцеловав Лауру, я бросился вон из фургона и юркнул в заросли под грохот револьвера Койота Кайова. Через две минуты я сидел на спине Маркиза, а через пять уже был на холме.

Римский Нос с Чарли поняли, что к чему без всяких вопросов. Они слышали стрельбу и шум приближающейся погони. Отпустив на все четыре стороны пленного липана, мы повернули лошадей к северу, и поскакали прочь от несчастливых берегов Мустанг Крик.

Глава 10

Следующие три или четыре дня мы делали всяческие попытки задержаться в южных прериях за тем, чтобы сбить со следа индейских наемников Блэкберна и вновь попробовать спасти Лауру. Но пауни были не теми людьми, с которыми можно играть в прятки. Недаром армия вербовала отряды скаутов именно из этого племени. И после настойчивого преследования они заставили-таки нас в спешке убраться восвояси.

Надо ли говорить в каком отвратительном настроении я вернулся на Паудер-Ривер. И самым скверным было то, что теперь я не мог знать даже о приблизительном местонахождении Лауры. Куда отправится Блэкберн после торжища на Мустанг Крик? Где он соизволит остано-

виться? Этого я не ведал. Для этого нужно было бросить все и пуститься на его поиски. И я бы поступил так, если бы не одно обстоятельство. На Западе слухи быстро распространяются по прериям. По возвращении на Паудер-Ривер мне стало известно о том, что я вне закона за убийство лейтенанта Скотта. Через словоохотливых индейцев до армии дошли известия о живущем среди шайенов белом человеке, проломившем череп лейтенанту, а через спасшегося сержанта Мортонна черный армейский список пополнился моим именем и описанием внешности. Принимая все это во внимание, для меня было бы крайне не осмотрительно появляться на Востоке. На поиски Блэкберна мог отправиться кто-нибудь еще, но не я.

Прошло какое-то время. Я много думал и, наконец, у меня сложилось впечатление, что к одному человеку можно было обратиться за помощью. Не к кому-то из шайенов – об этом не могло быть и речи, – не к Чарли Бенту, который принял участие в недавних налетах на Оверленд между Джулесбургом и Денвером, где он был узнан, а к Джорджу, моему другу и однокашнику. И мне было очень приятно, что он с пониманием воспринял мою просьбу.

– Я сделаю все, что в моих силах, дружище, – заверил он меня перед отправлением в путь. – Я найду Койота, и мы уж как-нибудь вызволим Лауру.

Джордж уехал, а я остался в лагере шайенов, считая дни в ожидании его возвращения.

Между тем положение на границе становилось все более сложным. Бойня на Сэнд-Крик послужила точкой отсчета в кровопролитном противостоянии белых и краснокожих. По сути дела, в западных прериях началась самая настоящая война. Индейцы не могли забыть ужасов той дикой резни и отныне посвятили себя мщению. Внезапные набеги на пристанционные поселки чередовались с планомерным уничтожением переселенцев и охотников на бизонов, грузовых караванов и кавалерийских разъездов. Не проходило и дня, чтобы небеса над Великими Равнинами не озарялись отблесками пожарищ.

Такой разгул страстей не устраивал, естественно, командование американской армии. К району Паудер-Ривер начали стягиваться войска. Приказы были даны, и колесо войны завращалось. Когда же в середине лета воины союзных племен провели блестящее нападение на форт Платт Бридж Стейшен, колесо завертелось с удвоенной энергией.

Именно в это сложное время случилось важное для меня событие.

В один из теплых августовских вечеров ко мне в типи зашел старый шаман южных шайенов, Черный Койот.

– Ва-хе, Моктаохком, – вежливо сказал я, поднявшись на ноги и прижав правую ладонь ко лбу. Это был знак уважения принятый у шайенов, которые очень чтили старость. – Добро пожаловать, Черный Койот. Если ты голоден, я могу предложить тебе тушеный бизоний язык.

– Спасибо, – проворчал старик. – Не откажусь.

Он с кряхтением уселся на шкуру и с явным аппетитом принялся за еду. Его медно-красное лицо было изборождено глубокими морщинами и чем-то напоминало высушенное яблоко. Проглотив последний кусок, он вытер рукавом сморщенные губы и, с прищуром, посмотрел на меня.

– Мы с тобой еще ни разу не говорили, Ниго Хайез, с тех пор, как ты появился у шайенов, – произнес он надтреснутым хрипловатым голосом. – И ведь это понятно. Зачем шаману краснокожих, хранящему обычаи своего народа, беседовать с чужаком, да еще и бледнолицым?... Но ты совершил доброе дело, отомстив за смерть сестры Вокуини, и уже этим заставил меня отнестись к тебе с уважением. Я наблюдал за тобой, слушал о тебе разговоры. Теперь мне ясно, что и среди белых есть настоящие люди. Я хочу спросить тебя, как ты относишься к моему народу? Нравится ли тебе жить среди тси-тси-тса?

– Я мечтаю стать своим между шайенами, – прозвучали мои взвешенные слова.

– Хорошо, – произнес после недолгого раздумья Черный Койот. – Мои уши были открыты, я услышал то, что хотел услышать.

Он встал и, прежде чем выйти наружу, уведомил меня:

– В типи Вокуини собрались избранные Кривых Копий. Они ждут Ниго Хайеза.

Я некоторое время оставался дома, размышляя над тем, что может ждать меня на совете. Посещение шамана, похоже, предвещало нечто важное для меня. Что? Неужто церемонию приема в члены племени? Вполне, впрочем, возможно. Разве я не говорил Римскому Носу, что обрел у шайенов свой второй дом? Разве все мое поведение не указывало на то, что мне здесь свободно и легко? И, наконец, где, как не в лагере шайенов мы с Лаурой хотели поставить свой собственный типи.

С этими мыслями я отправился к жилищу Вокуини. Войдя внутрь, я встал справа у входа и окинул взглядом собравшихся вокруг очага людей. Здесь, в самом деле, сидели достойнейшие представители шайенского военного общества Кривых Копий. Убеленные сединами старики и взрослые мускулистые воины приветственно кивнули, храня торжественное молчание. Я нашел глазами Римского Носа. Он чуть улыбнулся и о чем-то вежливо попросил Моктаохкома. Старик встал на ноги. Свет от танцующих язычков огня плясал на красно-коричневом лице, делая его черты более резкими, чем они были на самом деле. Он прочистил горло и, глядя на меня добрым взглядом, начал говорить:

– Как я и сообщил тебе, Ниго Хайез, тут собрались самые лучшие люди Кривых Копий. Зачем, спросишь ты. И это будет справедливый вопрос, коль ты приглашен на совет. У шайенов хватает поводов собирать совещания. На них решаются все важные вопросы, встающие перед племенем или кланом. Но этот совет стоит особняком, потому, что мы собрались здесь, чтобы впервые предложить белому человеку вступить в сообщество воинов Кривых Копий и удостоиться священной церемонии вручения Боевого Оружия. Этот белый – ты, Ниго Хайез. Подумай и ответь совету, по душе ли тебе его предложение.

Что ж, мои догадки оказались верными. Мне предлагали вступить в члены племени. Почти не размышляя, я четко сформулировал свой ответ:

– Мои слова будут идти от чистого сердца. Пусть избранные Кривых Копий не удивляются, что я не стал обдумывать их предложение. Уважаемый Моктаохком только что был в моем жилище, и я догадался о причине его визита. Прежде чем войти сюда, я уже решил, что путь шайенов – это мой путь, что мое будущее связано с этим отважным народом прерий. Если совет одобрит мой выбор, я буду счастлив.

Вслед за моими словами типи Вокуини наполнился густым одобрительным гулом. Оживленно переговариваясь, собравшиеся удовлетворенно кивали головами.

Шаман подождал, пока все не успокоилось, затем подошел ко мне. Обернувшись к совету, он задал один единственный вопрос:

– Кто против того, чтобы Ниго Хайез стал полноправным воином шайенов?

Никто не шевельнулся. Ни одна рука не поднялась в воздух в знаке неодобрения.

– Хай! – улыбнулся старик. – Хорошо! Мы можем идти, Ниго Хайез.

Оказавшись снаружи, мы пошли с ним к его стоявшему неподалеку жилищу. По пути я успел узнать, что меня ждет священный ритуал подготовки к вступлению в племя.

Старик усадил меня перед тлеющим очагом и, бросив в него охапку хвороста, разложил на выдубленной шкуре свой колдовской набор. Здесь были свистульки из орлиных костей, погремушки, разноцветные амулеты, выточенные из камня, чехлы и сумки из сыромятной кожи, в которых хранились ритуальные индейские краски: кобальтовая пыльца, киноварь, охра.

Первым делом старик сделал мне прическу в стиле «а-ля шайен» с пробором посередине и двумя заплетенными косичками спереди. Мои волосы были длинны, и с ними можно было проделать это. Потом шаман раздел меня донага и, воспользовавшись вышеперечисленными красками, ловко вымазал ими мое тело и лицо. Я бы не сказал, что это было мне приятно, но шайенский обряд требовал должного уважения, а серьезный вид старика отбивал всякое желание противиться. И, наконец, я был снабжен набедренной повязкой из шкуры волка и мока-

синами с красивыми узорами из бисера и игл дикобраза. Вряд ли какой-нибудь американец, увидев меня в этот момент, смог определить мое истинное происхождение. Мое лицо, имевшее поразительное сходство с индейской внешностью, темные длинные волосы и загоревшая под солнцем кожа наверняка бы сбили его с толку. Нанесенный же шаманом тонкий слой киновари совсем скрыл последние свидетельства моего русско-американского происхождения.

Затем мне пришлось выслушать ряд песнопений и заклинаний.

Заключительным моментом церемониала стал обрядовый танец, живо исполненный шаманом. Выйдя из его типи, я мысленно сравнил себя с крестоносцем, получившим на спину крест и благословение Бернара Клервосского.

Пока мы находились у Черного Койота, вожди не теряли времени даром. Перед типи Вокуини ярко полыхали костры, вокруг которых собралось все население лагеря. Через расступившиеся ряды индейцев мы с шаманом прошли к освещенной кострами площадке. Оставив меня здесь, Моктаохком присоединился к группе вождей и старейшин.

Глядя на них, я думал об одном: кто из них возьмет на себя ответственность вручить мне Боевое Оружие и стать, таким образом, поручителем за мою верность приемному народу? Толпа радостно зашумела, а я облегченно вздохнул, когда Римский Нос отделился от группы вождей и медленным шагом направился в мою сторону. Этот человек был гордостью шайенов. Еще никому не посчастливилось встать под его опеку и принять из его рук Боевое Оружие. И теперь, похоже, я становился первым, кому будет оказана эта большая честь.

В руках Римского Носа было три кожаных свертка. Развернув один из них, он извлек на свет крепкий боевой лук из апельсинового дерева и, произнеся над ним молитву, торжественно вручил мне. Затем в мои руки переключал колчан из шкуры выдры, наполненный длинными боевыми стрелами. Достав из последнего свертка томагавк, Римский Нос быстрым движением заткнул мне его за пояс набедренной повязки.

– Хау! – громко воскликнул он. – Храни верность этому оружию и народу тси-тси-тса! Вокуини верит тебе.

Черный Койот встал рядом и также громко, чтобы слышали все, произнес:

– Пусть белый брат ответит людям, хорошо ли он продумал решение стать шайеном?

– Да, это так, – ответил я.

– Обещаешь ли ты всегда делать то, что от тебя потребуется и ставить нужды шайенов выше собственных?

– Обещаю, и пусть гнев Отца Солнца обрушится на мою голову, если я лгу.

Шаман улыбнулся и, указав на меня рукой, с энтузиазмом выкрикнул:

– Долгую жизнь Ниго Хайезу!

Толпа шайенов дружно поддержала старика.

– Мои люди поверили в тебя, Ниго, – сказал мне Римский Нос. – Будь достоин их веры.

Вот так все и случилось. Я стал Ниго Хайезом, Отважным Медведем, полноправным членом Кривых Копий, принадлежавших к одному из самых гордых племен прерий – шайенам. Мне было радостно на душе, но я знал, что для меня открывается новая жизнь, в чем-то простая, в чем-то трудная и непредсказуемая.

Глава 11

В двадцатых числах августа в наш лагерь прибыли гонцы от вождей союзников. Главным среди них был добрый друг Римского Носа молодой вождь из клана оглала – хункпатила Бешеный Конь, который взял с собой в поездку младшего брата, Маленького Ястреба. Вокуини пригласил меня и Чарли в свое жилище на пир, который он задал в честь дорогого гостя.

Пока мы собирались, Бент рассказал мне многое об этом одаренном человеке. По отцовской линии он происходил из уважаемой всеми тетонами семьи знахарей и священных людей.

Звучное имя Бешеный Конь с гордостью носили представители многих поколений индейцев клана хункпатила. Мать же его была из брюле, и приходилась родной сестрой Крапчатому Хвосту. Также по линии отца в нем текло немного крови миннеконджу и даже шайенов. С детства его отличали не только светлый оттенок кожи, глаз и волос, но и манера держаться. Он был немногословным, задумчивым, не похожим на других. Курчавым звали его до тех пор, пока отец не дал ему свое имя, Бешеный Конь, после одной битвы с кроу, в которой молодой хункпатила показал чудеса храбрости, в одиночку бросаясь на авангард жаждущих мести врагов. Бешеному Коню было знаковое видение во время поста у Медвежьего Холма. В нем он увидел парившего над землей всадника в простой одежде с длинными каштановыми волосами, в которых колебалось одно единственное перо. На теле всадника не было раскраски. В его скальповой пряди сияло лишь несколько бусинок, да в волосах за ухом висел небольшой коричневый камешек. Перед ним то и дело появлялись вражеские тени, но он неслился прямо на них. Их стрелы и пули не причиняли ему никакого вреда. Иногда кто-то держал его за руки, ч, казалось, что это его соплеменники. Он высвобождался и двигался дальше под разразившимся ливнем с громом и молниями. На его щеке появилось изображение молнии, а на теле, обнаженном до набедренной повязки, виднелись отметины градин.

Гроза прошла, но слышался шум толпы, и к всаднику, над которым парил ястреб с красной спиной, снова потянулись руки соплеменников.

Отец Бешеного Коня, истолковывая видение, заявил, что странный всадник – это и есть его сын, что отныне он будет первым бросаться в бой без боязни быть сраженным вражеской пулей, – только собственные люди могли причинить ему зло – одеваться согласно видению с чучелом ястреба в длинных волосах и с камешком за ухом.

Когда я занял место за обеденной шкурой, Бешеный Конь взглянул на меня с заметной долей неудовольствия и подозрения.

– Что делает этот ве-хо в лагере шайенов? – спросил он у Вокуини на хорошем шайенском.

Римский Нос улыбнулся. Пока он вкратце рассказывал хункпатиле мою историю, я внимательно разглядел будущего великого военного вождя всех непокоренных племен тетонов.

Он скорее был невысокого роста, но крепкого и стройного телосложения. Лицо у него было широкоскулое с тонким орлиным носом, твердым подбородком и пронизательными карими глазами. В темно-каштановых волосах виднелось лишь одно орлиное перо. На его упругом теле не было ничего, кроме набедренной повязки из шкуры волка и мокасин.

– Уаште, – сказал он на лакота в заключение рассказа Вокуини. – Хорошо. Я рад, что ряды шайенов пополнились еще одним отважным воином.

– Хо-хе-хи, Ташунка Витко! – произнес я на лакота. – Добро пожаловать, Бешеный Конь! Выкурив традиционную трубку, присутствующие принялись за угощение.

– Вожди зовут шайенов в лагерь оглала, – сказал Бешеный Конь, насытившись.

– Зачем? – спросил Вокуини.

– Они хотят посоветоваться с шайенами, как поступить с однозвездным вождем, который пришел в индейские земли и строит там укрепление.

Бешеный Конь говорил о генерале Патрике Конноре, громогласно пообещавшим уничтожить всех индейцев мужского пола старше двенадцати лет. До шайенов уже дошли слухи о том, что он продвинулся на север, чтобы на Паудер-Ривер выстроить укрепленный форт.

– Вожди лакота – мудрые люди, – произнес Вокуини. – Они знают, что нельзя допустить, чтобы белые хозяйничали в их стране. Пусть Ташунка Витко передаст им: южные шайены откликнутся на зов и будут ждать большого совета.

– Уаште, – кивнул Бешеный Конь. – Вождям понравится ответ шайенов. Наши народы всегда были надежными союзниками, и теперь настало время крепче сплотить ряды. Я сказал.

Заключительные слова Бешеного Коня отличались особой значимостью. Те времена, когда индейцы воспринимали войну как прекрасный случай совершить подвиги и прославиться, навсегда канули в лету. Теперь все изменилось. Теперь вопрос стоял о жизни и смерти свободолюбивых насельников прерий. В лице американской армии они приобрели для себя страшного, безжалостного врага, и для того, чтобы противостоять ему, нужно было объединяться.

– Молодые лакота рвутся в бой, – сказал улыбчивый младший брат Бешеного Коня. – А юные шайены?

– Они всегда готовы драться, – заверил Бент.

Маленький Ястреб в ответ сжал кулак и выбросил его вверх. Он с раннего детства был храбрецом, как и старший брат. Не раз военные отряды, за которыми тайно следовал он, отсылали домой юнца по причине его молодости. А однажды он проследовал за военным отрядом миннеконджу вплоть до кочевий кроу незамеченным. Обнаружили его враги, и если бы не своевременная помощь миннеконджу, то ему пришел бы конец. Рассерженные воины отлупили его луками, а он смеялся, говоря, что уж теперь-то они не отправят его домой через вражескую территорию. И вернулся Маленький Ястреб вместе с военным отрядом, приведя трех лошадей индейцев кроу. Сейчас это был самый храбрый юноша у оглала, имевший много скальпов и ку. Молва утверждала, что скоро ему будет под силу сравниться в воинской доблести с великим старшим братом.

В тот же день шайены снялись с лагеря. Я тоже поехал с ними, решив, что Джорджу Бенту не составит большого труда найти нашу новую стоянку.

Лагерь союзников, когда мы прибыли туда, представлял собой незабываемую, величественную картину. В уютной летней долине стояли бесчисленные ряды индейских типи. Я попытался было подсчитать их, но быстро понял, что мне не удастся этого сделать. Такого громадного скопления краснокожих мне еще видеть не доводилось.

Едва шайены успели поставить свои жилища, как от Красного Облака прискакал гонец, который пригласил Римского Носа на совет вождей.

Мне удалось издали увидеть знаменитого оглала. Красное Облако был высок, строен и имел вид настолько надменный и независимый, как будто происходил из семьи наследственных верховных вождей. Но вождем он не был никогда даже в собственном клане итешича – Плохие Лица, где главенствовали Желтый Орел, Сидящий Медведь, Высокий Волк, Большая Дорога, Бешеный Волк и Черный Близнец. Он был только ведущим воином. Мне на память пришли статьи некоторых восточных газет, в которых Красное Облако значился основным лидером тетонов, а Бешеный Конь – его военным вождем. Это являлось неправдой. Просто сын вождя брюле Ишны Вичаши и племянник Шоты был на редкость удачливым на военных тропах, и к нему всегда тянулись молодые воины. Этим летом оглала прислушивались не только к нему, но и к настоящим вождям – Молодому-Человеку-Боящемуся-Своих-Лошадей, Американскому Коню, Высокому Позвоночнику. Последний был видным миннеконджу-оглала и приходился старшим другом Бешеному Коню.

Пока вожди совещались, в объединенном лагере воцарилось большое оживление. Люди сновали туда-сюда, окликая родственников, друзей и знакомых. Вскоре мы с Чарли уже сидели за обеденным покрывалом его арапахского друга, Три Удара. Индеец был радушным хозяином, и угостил нас на славу. Зная, что советы вождей никогда не отличались скоротечностью, мы решили надолго задержаться у гостеприимного арапахы. Кажется, выкурено было не менее пяти трубок, когда полог типи откинулся и знакомый голос заставил нас с Чарли вскочить на ноги:

– Я не ошибся, это жилище Три Удара?

– Ты попал куда следует, брат, – выкрикнул Чарли.

Через секунду мы трясли руку Джорджу Бенту, одновременно засыпая его вопросами.

– Ладно, ладно, – отмахиваясь от нас, сказал он. – Устал, как черт! Только что с лошади – и сразу к вам.

– Ну, какие успехи, старина? – спросил я, немного погодя.

– Есть новости для вас обоих, – посмотрев на меня и на Чарли, произнес он. – Плохие и хорошие.

– Начинай со вторых, – попросил Чарли.

– Они для Джо, брат, – глубоко вздохнув, молвил Джордж.

– Пусть так, – сказал Чарли, нахмурившись. – Порадуй друга, меня ты всегда успеешь озаботить.

Накрыв ладонью мою руку, Джордж начал говорить.

– Я посетил немало городков, Джо, пока в одном из них, в Дугласе, что на Норт-Платт, не прослышал о Койоте Кайова. Я стал копать глубже, и от некоего старого следопыта получил кое-какие сведения... Тебе не все равно, кто был этот человек?

– Да не знаю, Джордж, – пожал я плечами.

– Бриджер, старый Джим Бриджер помог мне в этом деле, когда я рассказал ему о тебе и твоих проблемах.

Черт! Мне было приятно услышать это. Все-таки доблестный фронтисмен помнил молодого парня из Сент-Луиса.

– Так вот, – продолжил Джордж. – Я узнал от него, что Стив Блэкберн находится в составе экспедиционного корпуса генерала Коннора. Сейчас генерал строит форт на Паудер-Ривер...

– Да знаем мы об этом, – не выдержал я. – Но какого дьявола делает там Блэкберн?

– Ре торопись, Джо, – успокоил меня Джордж. – Бриджер был у Коннора в следопытах, пока войска не пошли на север. У него сложилось впечатление, что Блэкберн задумал какое-то дело и присоединился к солдатам, чтобы под их защитой пройти через индейские земли. С ним Лаура, Черный Сайкз, какой-то американец и, конечно же, десяток пауни. Бриджер как-то признался Блэкберну, что знаком с тобой, и что было бы неплохо, если бы Лаура досталась тебе. Лучше бы он этого не говорил. Блэкберн чуть не пристрелил его. Он кричал, что уничтожит тебя и кинет под ноги Лауры твой скальп. Грозил покончить с тобой прямо в этом походе, если представится возможность.

– Мы еще посмотрим, чей скальп упадет к ногам Лауры, – зло проговорил Чарли, стукнув кулаком по колену. – Теперь, брат, моя очередь слушать вести.

Джордж сжал плечо его и тихо произнес:

– Дурные новости, Чарли. Твоя мать убита.

– Что?.. Когда?.. Где?..

У братьев были разные матери. Выйдя замуж за Уильяма Бента, Желтая Женщина подарила ему трех детей, одним из которых был Чарли.

– Желтая Женщина рассорилась с отцом и была на пути к нашим лагерям, когда у излучины Паудер-Ривер она по ошибке приняла следопытов пауни генерала Коннора за шайенов.

– Проклятье! – взвыл Чарли. – Я отомщу!.. Эти пауни – люди Блэкберна?

– Наверяд-ли, брат, – ответил Джордж. – У Коннора восемьдесят разведчиков этого племени, которые только и делают, что прочесывают прерии по всем направлениям.

Чарли был самым энергичным и деятельным из сыновей Бента. За это его всегда уважали индейцы. Я не сомневался, что многие из них откликнутся на его зов пойти по Тропе Войны против следопытов-пауни, чтобы отомстить за смерть Желтой Женщины. Но когда он начал набирать из числа шайенов желающих выступить в поход, глашатаи объявили о решении совета вождей, которые шли вразрез с его намерениями. Прежде всего говорилось о том, что с этого момента ни один воин не должен был удаляться от объединенного лагеря более, чем на десять миль. Ослушников ждало жестокое и унижительное наказание – побои плетью. А все из-за того, что на большом совете было решено покончить с Коннором и его пауни неожиданным

ударом всего индейского воинства. Еще было сказано, что единственными людьми, которых не касались эти приказы, были пятеро разведчиков из разных племен под предводительством Бешеного Коня. Их обязали выехать на юг, чтобы провести тщательную разведку в тех местах, где остановился Однозвездный Коннор.

Таким образом, мщение Чарли и моя поездка для вызволения Лауры откладывались на неопределенное время. Признаться, мне это не понравилось. Я строил планы выкрасть любимую тихо и незаметно в удобный для меня момент. Теперь выходило, что я должен был заниматься этим в необузданном вихре индейской атаки, когда предусмотреть что-либо будет решительно невозможно. Да, такая перспектива пришлась мне не по нутру. Можно представить, с какой завистью я провожал взглядом отправившегося на разведку Бешеного Коня. В тот вечер я укладывался на постель из бизоньих шкур не в самом хорошем расположении духа. Впрочем, так же как и Чарли. Он сыпал проклятиями под храп своего утомленного брата, долго ворочался с бока на бок, потом затих. Я уж подумал, что его сморил сон, но не тут то было. Я услышал, как он встал на ноги.

– Знаешь, Джо, – раздался его хмурый голос. – Ты можешь валяться себе, как бревно, сколько влезет. Я же не буду ждать и минуты.

Мне стало ясно, что Чарли принял какое-то решение.

– Что ты задумал?

– Сдается мне, не будет большого вреда для планов вождей, если я оголю черепа несколькими проклятым пауни. Кровь матери вызывает о мщении... Как насчет тебя? Мы можем поехать вместе.

Удивительно, как решимость одного человека заставляет встряхнуться другого! Я услышал ответ Чарли, и мои мысли быстро выстроились в один ряд.

– Хорошо, – решительно произнес я. – Мы поедем вместе, но только при одном условии.

– Что за условие?

– Сначала позаботимся о живых, я имею в виду Лауру, а потом будем мстить за мертвых. Клянусь выпотрошить кишки не одному пауни!

– Прекрасно! – согласился Бент. – Меня это вполне устроит, тем более, что Лаура – моя родственница и твоя будущая жена. Когда речь идет о чести, ничто не должно сдерживать человека, даже возможность погибнуть, не говоря уж о плетях.

На том и порешили. Вооружившись и прихватив с собой запас пеммикана, мы осторожно провели своих лошадей через спящий лагерь, и поехали по тому же пути, что и разведчики.

Глава 12

Утром мы нагнали Бешеного Коня. На нем были набедренная повязка и мокасины, в распущенных волосах крепились единственное перо и чучело краснопинного ястреба, за ухом висел камешек, а на щеке виднелось изображение белой молнии – все как в его великом видении.

– В чем дело, сын Маленькой Шляпы? – обратился хункпатила с вопросом к Чарли, упомянув прозвище, данное индейцами Уильяму Бенту. – Что ты здесь делаешь вместе с Ниго Хайезом?

Мы знали, что будут подобные вопросы, и давно обдумали подходящий ответ.

– Сразу после отъезда Ташунки Витко, – с искренним видом сказал Бент, – мы переговорили с Римским Носом. Он дал согласие на то, чтобы выкрасть у Койота Кайова пленницу. Его племянницу, мою сестру и невесту Ниго Хайеза.

Бенту пришлось повторить это еще трижды. Дело в том, что произнесенное четыре раза считается у индейцев неоспоримой правдой. В нашем случае это являлось неприкрытой ложью, но она была сказана, и в нее обязаны были верить.

– Уаште, – кивнул головой Бешеный Конь. – Но где Койот Кайова?

– Он вместе с Однозвездным Коннором. Мы узнали об этом вчера.

– Откуда это известно?

– Мой брат виделся Бриджером, который в следопытах у генерала. Римский Нос посчитал, что у Коннора не будет большого переполоха, если у какого-то торговца виски выкрадут пленницу.

Бент, конечно же, умолчал о своих кровожадных намерениях, а Бешеный Конь не стал задавать никаких вопросов.

Мы тронулись дальше вверх по Паудер-Ривер.

Новый форт предстал перед нашими глазами к полудню следующего дня. При более внимательном осмотре обнаружилось, что кавалеристов в нем не больше эскадрона. Это всех нас здорово смутило. Куда делись остальные вместе с самим генералом?

Неожиданный ответ принес один из разведчиков, Тонкий Камень, арапах, осмотрев местность к западу от форта.

– Я видел следы Длинных Ножей и пауни. Белые везут с собой громко говорящие ружья на колесах.

– Куда они направились? – спросил Бешеный Конь.

Тонкий Камень махнул рукой в сторону хребта Биг Хорн.

– Если белые хотят сражаться, – вслух размышлял оглала, – то почему они пошли на запад, а не на север, где они знают, стоят наши деревни?

– Может быть, они делают крюк? – предположил Левая Рука, великан – северный шайен.

– Что тут гадать? – вмешался Бент. – Надо ехать за ними, вот и все.

– Мы поедem за ними, – согласился Ташунка Витко. – Нам надо знать, что они замышляют.

Он тронул поводья и повернул коня мордой к западу.

– Ха! – раздался вдруг громкий голос Левой Руки. – Мы не только должны ехать за Однозвездным Вождем, мы обязаны обогнать его!

– О чем это ты? – нахмурился Чарли.

– Левая Рука знает, о чем говорит. Черный Медведь со своими арапахами находится где-то у истоков Танг-Ривер, куда и едут Длинные Ножи.

После таких утверждений мы больше не колебались, а просто пришпорили лошадей и погнали их по следам кавалеристов и их краснокожих наемников.

По нашим расчетам они были в трех днях пути от форта. Чтобы оповестить арапахов Черного Медведя, надо было торопиться. Жаль, дорога не давала нам возможности пустить коней вскачь. Пересеченная оврагами и глубокими лощинами, она была сущим испытанием. А разразившийся ливень и совсем приостановил наше продвижение. Почерневшее от низких грозowych туч небо, казалось, задумало превратить предгорья в жидкое месиво. На Великих Равнинах проливные дожди были частыми гостями, но этот ливень остался в памяти Запада надолго. Наше настроение упало донельзя, но что еще успокаивало, так это то, что и войско Коннора, должно быть, не продвинулось ни на шаг при подобном потопе. Когда же небо прояснилось, мы снова двинулись вперед.

Пробираясь по непролазной грязи, я то и дело слышал недовольные голоса индейских спутников. Иногда и мне становилось невмоготу, и я разражался чистой английской бранью, в чем меня всегда поддерживал Бент.

Но как мы ни старались обогнать Коннора, все было напрасно. Он по-прежнему опережал нас.

Наконец, на рассвете 30 августа мы увидели войско генерала, расположившееся на одном из многочисленных холмов предгорий Биг-Хорнс. И то, что мы разглядели, нам не понрави-

лось. По тому, как солдаты суеились вокруг гаубиц, готовя их к стрельбе, становилось ясно, что в лежавшей впереди долине располагался индейский лагерь.

Кавалеристы были прямо перед нами, и так близко, что я мог даже различить скрещенные сабли на форменных шляпах офицеров. Почти сразу я увидел и Лауру, и Блэкберна, и Сайкза. Они держались в стороне от главных сил, окруженные свитой из охранников-пауни, сидевших на крапчатых лошадях.

– Эй, надо быть начеку, – послышался тревожный голос Чарли Бента. – С Коннором всею лишь полсотни пауни. Остальные могут быть где угодно.

Мы завертели головами, боясь увидеть наемников Коннора. Их, вроде бы, не было рядом.

– Нужно отклониться в сторону и, проскочив мимо солдат, предупредить Черного Медведя, – взволнованно произнес Бешеный Конь.

Я приблизился к Бенту и зашептал ему на ухо:

– Чарли, пусть они едут к арапахам. Мы же поедем туда, где стоят люди Блэкберна. Мне кажется, в последующей суматохе нам как-нибудь удастся добраться до Лауры.

– Так и сделаем, – согласился со мной Бент.

Но когда мы повернули лошадей, где-то позади раздался оглушительный индейский вой. Я резко обернулся. В двухстах ярдах от нас из небольшой березовой рощи появилось около тридцати пауни. Тех самых, которых недосчитался Бент. Под их несмолкаемые кличи все мы рванулись вперед и проскочили мимо оторопевших солдат в открытую долину.

В ней, действительно, располагался лагерь северных арапахов.

Боевые кличи и стрельба пауни сослужили арапахам добрую службу. В мгновение ока тихая индейская деревушка превратилась в бурлящий котел. Визг женщин и детей смешался с криками воинов.

Спустившись в долину, мы присоединились к боевым рядам арапахов. В то же время кавалеристы двумя синими потоками устремились вниз по склону холма, а пауни помчались к большому арапахскому табуну.

Самым скверным в этой ситуации было то, что часть женщин, детей и стариков не успев отойти за защитную линию воинов, оказалась под перекрестным огнем. Мы пытались стрелять в приближавшихся солдат поверх голов этих обезумевших людей, но не всегда это удавалось. Пули же Длинных Ножей прямоком летели в них, производя опустошительные результаты.

Пытаясь спасти уцелевших, Черный Медведь повел воинов навстречу солдатам. Я вместе с другими бросился в атаку, ни секунды не сомневаясь в том, что поступаю правильно. Между мной и армией уже была объявлена война, с той армией, которая без зазрения совести насилует малолетних девочек и устраивает кровавую резню беззащитных людей.

Белые историки в своих лживых книгах часто пишут о том, что в ближнем бою индеец становится легкой добычей вооруженных длинными саблями кавалеристов. Я оставляю эти утверждения на их совести.

Арапахи, защищая женщин и детей, уподобились настоящим дьяволам, выскочившим по приказу Сатаны из преисподней. Их невозможно было остановить. Они бились с солдатами ожесточенно, смело, яростно. Вместе с арапахскими топорами делал свое дело и томагавк, врученный мне Вокуини. Бешеный Конь, Тонкий Камень, Левая Рука. Чарли и другие были рядом, отыгрываясь на Длинных Ножих за утомительное преследование, за убийство ни в чем не повинных.

Затем мы отступили. Но сделали это организованно и без паники. Висевшие на нашем хвосте солдаты за весь день не решились ни на одну атаку. А к вечеру, когда уставшие кавалеристы утратили бдительность, мы снова ударили по ним и без остановки гнали их до самого лагеря. И пусть они благодарят Коннора за то, что он прихватил с собой гаубицы. Только снаряды из этих громко говорящих ружей, как называют их индейцы, смогли остановить наше продвижение. Только они заставили нас беспомощно наблюдать за огромным костром, в кото-

ром сгорело все, что принадлежало клану Черного Медведя – жилища, одежда, шкуры и запасы еды на зиму.

В битве на Танг-Ривер погибли около пятидесяти арапахов. Пережившие ее остались без крова и пищи, с незаживающей раной в сердцах. Почти половина лошадей из их трехтысячного табуна досталась индейским наемникам Коннора.

Оставив арапахов оплакивать свою судьбу и распрощавшись с Бешеным Конем, который наутро хотел проследить дальнейший путь Коннора, мы с Чарли решили заняться тем делом, которое, собственно, и позвало нас в дорогу.

Было уже полночь, когда мы приблизились к солдатской стоянке. Однако тут нас поджидал сюрприз. На ней мы ничего не нашли, кроме ярко полыхавших костров. Коннор тихо снялся с лагеря и, судя по следам, продвинулся на север. При свете луны мы последовали за ним.

Ближе к утру нам удалось добраться до новой стоянки кавалеристов. Она располагалась на открытой местности, окаймленной со всех сторон поросшими деревьями холмами.

– Коннор – опытный военный, – заметил Чарли. – Он выбрал самое удобное место для бивака.

– И, тем не менее, нам туда нужно пробраться, – отреагировал я. – Пока еще темно.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутился мой товарищ. – Мы сделаем это!.. Кажется, Блэкберн вон там.

Чарли указал на южную оконечность лагеря, ближнюю к нам. Именно там, возле двух почти потухших костров стояли крапчатые лошади индейских охранников Блэкберна.

Один из пауни бодрствовал. Будучи часовым, он бродил невдалеке от костров то, удаляясь, то приближаясь к спящим. Конечно же, первым делом надо было покончить с ним. И желательно в тот момент, когда он отдалится в своей ходьбе от костров. Часовые Коннора нас не беспокоили. Они были далеко и никак не могли помешать нам.

Хотя у нас было мало времени (вот-вот начинало светать), мы решили действовать.

Оставив лошадей среди деревьев, мы вышли на открытую местность, и, припав к земле, осторожно поползли к стоянке с зажатыми в руках ножами. Чтобы не привлекать внимания часового, приходилось двигаться медленно, дюйм за дюймом в высоких травах долины. Пауни по-прежнему бродил поблизости от костров, поворачивая голову из стороны в сторону. Мы продолжали ползти. Было покрыто не менее половины пути, когда случилось то, чего мы так опасались. Под одним из нас хрустнула сухая ветка! Не дыша, мы припнали к земле, вперив взгляд в часового. Он услышал хруст и остановился. Его это обеспокоило, и он долго стоял на одном месте, обратившись лицом в нашу сторону. Затем возобновил ходьбу, но почти не сводил глаз с южного конца долины.

– Джо, из этого ничего не выйдет, – тихо прошептал Чарли. – Нужно ползти назад. Светает!

Бент был прав. Треснувшая ветка задержала нас на полпути, а над холмами уже разгорался рассвет.

– Конечно, – согласился я. – Надо возвращаться. У нас будет другая ночь.

Едва последнее слово слетело с моих губ, как долина буквально взорвалась от диких боевых кличей.

– Что такое, черт побери? – выдохнул я.

– Арапахи! – шепнул Бент, сверкая глазами.

Мы посмотрели на северный край долины. Туда вырвалась шумная арапахская орда и понеслась к лошадиному табуну. Видно, Черный Медведь захотел вернуть захваченных лошадей. Мы увидели, как повскакали на ноги испуганные солдаты и засуетились под тревожные звуки трубы. Мы разглядели и индейских наемников Коннора, бросившихся наперерез арапахам. В конце мы заметили еще кое-что, отчего волосы на моей голове, казалось, ожили.

Мы были обнаружены!

Неясного утреннего света вполне хватило остроглазым краснокожим Блэкберна увидеть две наши любопытные физиономии, торчавшие над высокими травами южного конца долины. Многие пауни еще просто что-то кричали, показывая на нас руками, и среди них кто-то из людей Блэкберна.

– Боже!.. Бежим, Чарли!

Мы стремглав бросились к своим лошадям. Однако расстояние было порядочным, а верховые пауни уже дышали нам в спину. Они были настолько близко, что могли уже продырявить нас стрелами. Они этого не сделали. Они задумали другое. Бент бежал чуть впереди, и я увидел, как по его голове скользнула петля недостаточно метко брошенного лассо. Мои внутренности обдало холодом. Пауни решили приобрести себе жертвы для пыток! Я рванулся вперед что было сил. Но в это мгновение холодная, как кожа гремучей змеи, петля индейского лассо легла на мои плечи. Я пробежал еще несколько ярдов, когда резко натянувшийся аркан сбил меня на землю. От падения я выронил нож, а уже в следующую секунду на мою грудь опустилось тяжелое колено пауни. Оскалившийся в зловещей улыбке индеец тут же приставил к моему горлу острие скальпирующего клинка.

Потом подоспели другие пауни, которые тут же бросились за Чарли, и с ними – кто бы вы думали?! – Черный Тони Сайкз! Не знаю, то ли оттого, что увидел знакомое лицо, то ли потому, что его появление давало хоть какую-то надежду, я прослезился.

– Тони, мы опять встретились с тобой, – с комком в горле и с острием индейского ножа на кадыке проговорил я.

Сайкз склонился надо мной, неуверенно хмыкнув. В его черных глазах сначала не было ничего, указывающего на признание. С чего бы это, если перед ним лежал настоящий шайен в мокасынах, в набедренной повязке, с индейской прической. Но затем, пристальнее всмотревшись в мои черты, он в удивлении закачал головой.

– Тысяча чертей, Кэтлин!.. Это ты?!

– Похоже, что так оно и есть.

Сайкз одним движением руки отстранил от меня пауни, строго сказав что-то на его языке. Индеец повиновался с явной неохотой.

Связанный по рукам петлей лассо, я присел и посмотрел на то место, где были оставлены наши лошади. Теперь их там не было.

– Твоему напарнику повезло больше, – сказал Черный Тони, сев против меня на корточки. – Он скрылся. – Сайкз указал на возвращавшихся индейцев.

– Хоть это утешает. – промолвил я, с ненавистью взглянув на собравшихся вокруг пауни, которые смотрели то на меня, то на дальний конец долины, где кавалеристы и их соплеменники давали отпор арапахам.

– Как ты оказался здесь, – спросил Сайкз тихо, чтобы не слышали индейцы.

– Что за вопрос, Тони? Лаура любит меня, я люблю ее. Мы должны быть вместе... А вот что тебя погнало в дорогу?.. Неужели и ты, как Блэкберн, жаждешь моей смерти?

– Только не это, Кэтлин. Поверь, у меня есть причины находиться тут, на Западе. – Он обернулся и бросил взгляд на Блэкберна, который вместе с Лаурой и седовласым мужчиной остался стоять у костров. – Давай лучше поговорим о тебе, пока не поздно. Если Стиву вздумается подойти сюда – тебе конец.

– Кажется, мне в любом случае конец, – горько ухмыльнулся я. – Я проиграл.

Сайкз залез пятерней в свою густую бороду и погрузился в раздумье. Его черные кустистые брови находились в постоянном движении.

– Не совсем проиграл, Кэтлин, не совсем, – сказал, наконец, он с видимым облегчением. – У тебя остался один единственный козырь и им необходимо воспользоваться.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду Лауру. Ты знаешь, Стив совсем свихнулся из-за любви к ней. Он возит ее с собой по всему Западу, но не тронул ее и пальцем. Есть только один выход, Кэтлин. Надо сделать так, чтобы сама Лаура вступилась за тебя.

– Но каким образом, Тони?

– Я несколько раз видел, как наши пауни устраивали охоту на пленников, показывая свою удаль и быстроту. И, по правде сказать, они всегда возвращались со скальпами бедняг. Но это, похоже, единственный для тебя шанс. Если Стив вознамерится прикончить тебя сейчас, Лаура пригрозит ему самоубийством. Он отступит, это уж точно. Тогда Лаура должна сказать, что все решит жребий. Либо пауни догонят и убьют тебя, и она выйдет за него замуж, либо ты спасешься, и все останется как было... Это жестоко, Кэтлин, но у меня больше нет идей. Думается, Стив согласится. Он мечтает о том дне, когда девушка без принуждения станет ему женой.

«Это единственный путь к спасению, – подумал я. – Если ноги и легкие не подведут меня, то смогу, возможно, уйти от своры краснокожих гончих».

– У меня нет выбора, Тони. Надеюсь, после моей смерти Лауре как-нибудь удастся избавиться от подонка.

– Вот и отлично!.. Попробую дать тебе совет, Кэтлин. Если ты побежишь к Танг-Ривер, а, похоже, так оно и будет, изо всех сил попытайся добраться до ее берегов и гам скрой свои следы. Пауни – искусные бегуны и следопыты, но и их можно провести... А теперь, держи мою руку.

– Ты настоящий человек, Тони, – обменявшись с ним рукопожатиями, расчувствовался я. – Может, лучший из встретившихся мне в жизни.

– Брось, Кэтлин, у меня куча недостатков. – Сквозь черноту густых усов и бороды блеснула его белозубая улыбка. – Не обольщайся.

– Ладно, но как ты предупредишь Лауру?

– Уж как-нибудь постараюсь. Удачи тебе.

Пауни остались стеречь меня, а сам Сайкз направился к стоянке.

Я стал следить за ним с замиранием сердца. Вот он подошел к Блэкберну и Лауре. Сказал им что-то... Лаура всплеснула руками и вскрикнула. Блэкберн выхватил револьвер и решительно двинулся в мою сторону. Сайкз остановил бросившуюся было за ним Лауру. Переговорил с ней. Они вместе догнали Блэкберна... Состоялся жаркий спор между ним и Лаурой... Блэкберн утихомирился, сунув оружие в кобуру и вернувшись с Лаурой к стоянке.

Мне можно было перевести дыхание.

В долине к этому времени стало тихо. Длинные Ножи и наемники прогнали арапахов далеко на юг. Оттуда слышалась затихающая стрельба.

Сайкз вернулся и отослал всех пауни, кроме одного, пленившего меня, к Блэкберну. Получив распоряжения, они сложили в кучу огнестрельное оружие, оставив при себе лишь ножи, томагавки и копья. Один из них подошел ко мне. Поговорив с моим пауни, он снял с меня лассо и знаком показал подниматься. Я встал.

– Сними мокасины, – приказал индеец на плохом английском.

Я посмотрел на Сайкза.

– Тебе придется сделать это, Кэтлин, – сказал он. – Таков у них обычай. Беглец остается без оружия и без обуви, они – без огнестрельного оружия.

Я повиновался, прикинув, что будет с моими ступнями, когда они побегут по каменистой земле предгорий, покрытой колючками, кактусами и камнями.

– Пошли, – сказал пауни, крепко схватив меня за руку.

И мы пошли. Толпа пауни наблюдала за мной, готовая в любую секунду начать охоту. Чуть позади стояла Лаура. Я помахал ей свободной рукой. Она мне ответила тем же и опустила

голову. Поравнявшись с индейцами, мы тронулись в открытую долину. Я стал машинально отсчитывать шаги. На двадцатом пришлось остановиться.

– Отсюда дойдешь вон до того маленького куста, – произнес пауни. – Пойдешь медленно. Поравнявшись с ним, беги!

Пауни повернулся и зашагал к своим соплеменникам. Я помолился и, не торопясь, пошел к кусту дикой розы, одиноко растущему посреди трав. До самого последнего момента я почти не испытывал страха. Теперь, когда с каждым шагом роковая отметка становилась все ближе, меня начала бить мелкая дрожь. Во рту пересохло, сердце отчаянно колотилось.

Не совладав с волнением, я бросился бежать, не дойдя до розы двух-трех шагов. И клянусь, никогда в жизни я не срывался с места столь стремительно! Одновременно сзади послышалось рычание гончей стаи: воины пауни кинулись вслед за мной!

Я побежал по прямой через усыпанную камнями и колючками местность. Мои ступни почти сразу закровоточили, но я не обратил на это никакого внимания, ибо знал – или бег или смерть! Единственное чего я хотел – это как можно дальше оторваться от преследователей. У меня даже не было времени оглянуться. Я только заметил, как несколько томагавков пронеслось мимо.

«Танг-Ривер, Танг-Ривер!» – вертелось в мозгу. Река была далеко, но все мои помыслы были о ней. Одна она для меня оставалась великим шансом и последней надеждой. Ни в прерии, ни в лощинах, ни в лесах я не смогу от них скрыться. Мой окровавленный след всегда будет перед ними. На земле я пропаду, в студеных водах реки мое спасение!

Спустя четверть часа я рискнул обернуться и с облегчением увидел, что мои преследователи растянулись в длинную цепочку. Это был хороший знак. Значит, не все они были достойными бегунами.

Я был молод, полон сил и энергии. Через полчаса я бежал так же быстро, как и в начале гонки. Я чувствовал, что если будет нужно, то смогу даже прибавить в скорости. Мое дыхание оставалось ровным и глубоким. Ноги работали четко. Очередные камни и колючки, вонзавшись в мои незащищенные ступни, больше не причиняли мне боли. Я попросту позабыл про все на свете, кроме огромного желания скрыться от погони. Остальное было выброшено из головы.

Я понимал, что самое трудное еще впереди. Было покрыто большое расстояние, но до Танг-Ривер оставалось не менее десяти миль.

Я пробежал две мили, потом еще одну. Мои ноги оставляли на земле кровавый след. Наплевать! Я весь ушел в стремительный бег. Мне казалось, что я бегу вечно. И я буду это делать, пока не упаду бездыханным.

Как далеко преследующая стая?

Я оглянулся. Индейцы рассыпались по предгорьям, а большая их часть совсем скрылась из вида. Но один высокий быстроногий пауни догонял меня. В его правой руке блестел на солнце наконечник копья.

Теперь пришло время прибавить в беге. Мои ноги задвигались быстрее. Я оглянулся. Оказалось, что пауни сумел прибавить тоже. Избрав высочайший темп, я бежал как одержимый. Но тот упрямый пауни не отставал.

Покрыв еще мили три, я начал задыхаться. Второе дыхание снизошло на меня, как манна небесная. Я воспрянул духом, но лишь на короткое время. Снова пришла усталость. До реки оставалось не более двух миль, а мои глаза застилала пелена. Дыхание участилось, и воздух с хрипом вырывался из горла. Надо было забыть и об острой боли в груди и о хрипе и стремиться лишь к тому, чтобы мои ватные ноги продолжали передвигаться.

Я понимал, что индеец совсем недалеко и оглянулся. Он был всего в пятнадцати ярдах от меня и уже поднял копьё, чтобы в удобный момент вонзить наконечник в мою дрожащую от усталости спину.

Он был уже рядом, но почему-то медлил с броском.

– Ты... сейчас... умрешь! – донесся до моего слуха хриплый прерывистый голос.

Роковые слова заставили меня оглянуться и посмотреть в глаза того, кто собрался отправить мой дух в Места Богатые Дичью. Это и спасло меня! Не видя перед собой дороги, я зацепил носком ноги за торчавший из земли валун. Мое тело еще летело вниз, когда не предвидевший моего падения пауни со всего размаха споткнулся об меня и, кувыркнувшись, сломал под собой копье. Если я упал раньше, то и опомнился быстрее. Через мгновение обломок копья со стальным наконечником был в моих руках и я всадил его в грудь быстрого врага.

Я выпрямился. Моя грудь тяжело вздымалась. Ключья пены слетали с губ на землю вместе с каплями крови из разбитого носа.

Я услышал позади топот ног и оглянулся. На верхушке ближайшего холма появился очередной преследователь. Но силы этого бегуна, очевидно, были на исходе. Его голова раскачивалась в стороны, а поступь бега не отличалась уверенностью.

Увидев распростертое тело своего товарища, пауни, казалось, взбодрился и бросился ко мне с поднятым над головой томагавком. От усталости он не сумел среагировать на мой прыжок в сторону, и, когда тело воина проносилось мимо, я сделал выпад, с силой вогнав наконечник копья в его открытый бок.

Я нацепил на себя расшитый бисером пояс этого индейца, на котором висел длинный охотничий нож, поднял с земли томагавк и оглянулся еще раз. Преследователей не было ни видно, ни слышно.

Я бросился бежать на запад, к спасительным водам Танг-Ривер.

Спустя некоторое время позади послышались негодующие крики: пауни обнаружили своих более быстрых, но менее удачливых соплеменников!

Я прибавил шагу. До реки оставались какие-то считанные футы. Я уже ощущал ее свежий влажный воздух. Я понял, что достиг желаемого, когда прохладная вода Танг-Ривер скрыла меня с головой.

Я вынырнул и огляделся. Течение в этих местах было сильным, и я, не раздумывая, поплыл вниз за ближайший поворот.

Через триста ярдов на моем пути возникла небольшая плавучая куча из полузатонувших стволов деревьев и хвороста, застрявшая в русле. До меня быстро дошло, что тут кроется шанс на спасение. Возможно, среди ветвей и коряг есть пространство, куда я смогу просунуть голову для дыхания! Я нырнул под кучу и в ее переплетенной толще стал искать нужную брешь. После утомительных и бесплодных усилий, задышавшись, я вынырнул на поверхность. Голоса пауни были слышны там, где я бросился в воду за поворотом. Со страхом и надеждой, набрав в грудь воздуха, я снова нырнул. С отчаянием обреченного, я судорожно шарил руками по скользким, покрытым песком и илом, корягам. Мне пришлось вынырнуть, чтобы с ужасом узнать, что пауни идут вниз по течению. Надежды таяли с каждой секундой. Я еще мог успеть выскочить на другой берег, но до леса было далеко, и моя одинокая фигура сразу бы попала на глаза пауни. Оставалась эта проклятая плавучая куча! Мой затравленный взгляд скользил по ней в десятый раз, и, когда я уже почти обезумел от страха, мне на глаза попался большой полый ствол вяза, лежавший на спутанных ветвях и хворосте. Я рванулся к нему и полез в его трухлявое нутро. У меня это получилось, но я почти задохнулся от попавшей в рот и ноздри трухи и от повысившегося уровня воды, хлынувшей из-за моей тяжести в оба конца полого ствола. Тем не менее, это уже было что-то. Дышать я мог, и это главное.

А голоса пауни приближались. Вскоре они раздались невдалеке от меня, на берегу. Потом послышался всплеск. Это один из воинов прыгнул в реку. Надо ли говорить, какие я испытывал чувства, когда понял, что он направляется к моей куче.

Я услышал, как он плывет вокруг нее. Затем зазвучал треск хвороста: воин взобрался наверх. Внезапно я почувствовал, что ухожу под воду, и едва успел набрать в грудь воздуха. Хвала небесам, что пауни не задержался на моем стволе, а лишь прошелся по нему.

Какое-то время любопытный воин продолжал осмотр. Когда же я услышал, как он прыгнул в воду и поплыл к берегу, для меня не было счастливее момента в жизни. Затратить столько усилий и дожить до того, что они не напрасны, это ли не счастье?

Всю оставшуюся часть дня пауни не переставали прочесывать ближайших окрестностей. Наконец, незадолго до сумерек их резкие голоса затихли где-то вдали. Ничто больше не нарушало вечерней тишины, кроме случайных всплесков резвящихся на поверхности рыб.

С опустившейся на речную долину тихой летней ночью, я выбрался из ствола и поплыл к западному берегу. Я делал это так осторожно и бесшумно, что чуть было не столкнулся с семейством речной выдры, в смертельном страхе исчезнувшем в глубинах водного потока. Я выбрался на сушу, но не ступив и двух шагов, свалился на каменистый берег. Нестерпимая боль в израненных и кровоточащих ступнях пульсирующими волнами разлилась по телу. Пока я находился в прохладной воде, боль едва давала о себе знать, теперь же мне довелось почувствовать ее.

И все же надо было подниматься. Стиснув зубы, я встал и побрел к западу от реки.

Глава 13

Я шел медленными, тяжелыми шагами, припадая к земле всякий раз, когда мои ступни натывались на острые камни и колючки. Ближе к рассвету я позволил себе остановиться в небольшой рощице. Хотелось отдохнуть и подумать.

Итак, на восток мне путь был заказан. Там были пауни, и они, скорее всего, не оставили надежды завладеть моим скальпом. Самым верным направлением было то, по которому я и пошел. В лощинах и скалах хребта Биг-Хорнс можно будет найти какое-нибудь укромное место, где откроется возможность переждать опасность. А опасность оставалась. Пауни, пусть даже не вся свора, будут искать мой след. Кроме ответственности перед хозяином, задето их самолюбие и самые тщеславные из них не вернутся на восток, пока не потеряют всякие надежды. Понимая это, я еще в полночь постарался перевязать кровоточащие ступни полосками с набедренной повязки. Хотя сделать это надо было значительно раньше. У пауни перед глазами будет начало моего кровавого следа на прибрежной гальке Танг-Ривер. А найдя след, редко какой краснокожий не сумеет прочесть его до конца, даже если отметками на пути останется чуть примятая трава.

Отдохнув, я снова тронулся в дорогу. Вскоре начались поросшие лесом хребты Биг-Хорнс. Я углубился в первозданную чащу под свист проснувшихся птиц и начал искать пути к верхним этажам хребта. Скоро я нашел, что искал. Это была узенькая звериная тропа, терявшаяся в нагромождении скал и холмов. Я стал медленно по ней подниматься. Она была едва заметной и вилась по крутому склону на вершину утеса, покрытого березой, осинкой и карликовым вязом.

Взобравшись на него, я бросил внимательный взгляд на восток, на свой пройденный путь. Сейчас он был безлюден, как и любое другое место восточных отрогов Биг-Хорнс. Потом я огляделся в надежде отыскать что-то похожее на убежище. Вдруг мой взгляд упал на горную куропатку, которая, не замечая меня, преспокойно кормилась чем-то вблизи обрыва. Голод гут же дал о себе знать. Подняв с земли увесистый камень, я осторожно стал подкрадываться. Когда до птицы оставалось не более двадцати ярдов, я резко метнул в нее камень. Удар был точен, но куропатки пропал и след: вместе с камнем она упала с обрыва.

– Проклятье! – вырвалось у меня. – Придется за ней спускаться.

Подойдя к краю обрыва, я заглянул вниз. Вместо того чтобы увидеть птицу на дне ущелья, я обнаружил ее в ветвях карликового вяза, торчавшего из расщелины. Это цепкое дерево росло в восьми футах от края обрыва, а чуть выше торчал узкий выступ горной породы.

Я закинул пояс с ножом и томагавком за спину и осторожно опустился на этот выступ. Когда я лег на него, чтобы снять с ветвей птицу, моим глазам открылась незабываемая картина. Прямо под выступом, скрытое от мира густой кроной карликового вяза, зияло отверстие пещеры.

Ох, и порадовался я этой находке! Вот где было то самое искомое место.

Я без труда достал куропатку, заткнул ее за пояс и, ухватившись руками за крепкий ствол вяза, спрыгнул на порог пещеры.

Она была небольшой, всего несколько футов в диаметре.

«Вполне подходящее укрытие для такого бедолаги, как я», – подумалось мне.

Немного передохнув, я начал размышлять над тем, как мне приготовить завтрак из подбитой куропатки. Ни кремня, ни тем более спичек у меня не было. Разве что попробовать добыть огонь самым древним способом? О нем мне когда-то рассказывал Том Уокер. Желание отведать жаркое стоило того, чтобы сделать попытку.

Я поднялся на вершину утеса и, раздобыв все необходимое, тем же способом спустился в пещеру.

Прежде всего, я заострил ножом сухой сук сосны, превратившийся в добротное сверло. Затем в куске сухой березы проделал неглубокую дырку. Наложив вокруг нее древесных волокон, я приступил к осуществлению своего замысла. Взяв в руки деревянное сверло, я воткнул заостренный конец сквозь волокна в дырку и, крепко зажав между ладоней тупой конец, быстро начал вращать сверло. После продолжительных усилий сначала появился легкий дымок, а потом и крошечный язычок пламени. Вскоре у меня горел аккуратный костерок, на котором было приготовлено вкуснейшее жаркое. Во время жарки я не спускал глаз с востока, готовый в любой момент затушить костер. Но преследователей нигде не было видно, и я довел дело до конца.

Утолив голод, я свалился прямо на дно пещеры и крепко заснул.

Я проснулся, когда солнце уже опускалось за западные горы. Опять посмотрел на восток и увидел то, чего так страшился: едва видимые точки в безлесных предгорьях, которые двигались. Четверо пауни шли той же дорогой, что и я, а значит – по моим следам!

Мои предчувствия оказались верными.

К счастью, над хребтами Биг-Хорнс уже опускались сумерки. Я мог чувствовать себя в безопасности до наступления утра.

А что же потом?

Следя за движущимися индейцами, я прокрутил в голове складывающуюся обстановку. Итак, как я и предполагал, среди пауни нашлись воины, проследившие мой путь. Без сомнений, они были опытными ищейками. Если они сели мне на хвост, то будут держаться до последнего. Вот это меня и тревожило. Первоначальная радость того, что я обрел для себя убежище, постепенно сменилась неподдельным беспокойством. В любом случае, пауни выйдут на утес утром. Что же они обнаружат? Естественно, мой след, терявшийся на бровке обрыва. Но даже будь они самыми темными людьми в своем племени, следопыты вряд ли поверят в мое вознесение на небеса с отвесной скалы. Они посмотрят вниз и увидят выступ горной породы...

– Черт побери! – выругался я, с внутренней дрожью представив, как расписанное боевыми красками лицо пауни заглядывает в мою пещеру.

Я продолжал следить за индейцами, пока темная стена лесов не поглотила их.

Затем я прилег, но не для того, чтобы уснуть, нет, спать я не имел права. В моей голове зрели кое-какие задумки, и я рассчитывал, что до наступления рассвета они выстроятся в четко разработанный план.

За два часа до зари я стряхнул с себя сонливость и встал на ноги. Они по-прежнему болели. Но нужно было забыть о боли, ибо на карту ставилась моя жизнь.

Я поднялся на утес и спустился в лес той же тропинкой, что привела меня наверх.

Я осторожно пошел по лесу. Луна мягко разливала бледный свет сквозь густой шатер листвы. Предутренний ветерок слегка шевелил кронами деревьев, словно боясь потревожить глубокий сон лесных обитателей. В эти часы все живое, казалось, вымерло. Ни звука, ни движения, ничего, кроме темной громады леса, купавшегося в мягком лунном сиянии.

Я шел туда, где, по моим расчетам, четверо пауни разбили свой ночной бивак. Запах от дыма костра безошибочно вел меня в нужном направлении.

Только мерцающие звезды и бледная луна могли видеть мою темную фигуру, неслышно, но уверенно приближавшуюся к лесной опушке. И одинокий койот, быстро исчезнувший с пути ночного скитальца.

Морщась от постоянной боли, я медленно, но неотвратимо брел между вековых деревьев к цели. Я старался ступать, насколько это было возможно, беззвучно, вздрагивая всякий раз, когда ломался под моими ногами сучек или стебель.

Наконец я достиг того места, где темная стена леса отступала перед высокими травами лесной опушки. Пробравшись к краю низкорослого подлеска, я выпрямился во весь рост. Моим глазам открылась круглая поляна, в центре которой горел небольшой костер. Трое пауни, протянув к нему ноги, спали, закутавшись в одеяла.

«Откуда на них одеяла? – Возник у меня вполне закономерный вопрос. – Ведь во время гонки на них ничего не было, кроме легин и летних охотничьих курток!».

Четвертый индеец, прислонившись спиной к огромному валуну, торчавшему в дальнем от меня конце поляны, стоял на страже.

Идиллическая картина индейской стоянки! Но я пришел за тем, чтобы нанести на нее последний, нужный мне штрих.

Я пристальнее присмотрелся к часовому, и холодок страха заморозил мне рот. Индеец, не отводя глаз, смотрел на меня! Я затаил дыхание, боясь даже моргнуть, и вздохнул с облегчением, когда пауни, сменив позу, отвернулся.

«Черт возьми, как он заметит меня, если я стою в тени леса?!»

Мысленно выругав себя за беспричинный страх, я отступил в чащу подлеска и с той же осторожностью обогнул поляну, чтобы выйти на нее позади валуна.

Сначала надо было расправиться с часовым, а потом уж приниматься за спящую троицу у костра. Однако снять часового во враждебной для него стране – нелегкое дело. Ждать, пока он задремлет, не имело смысла: в малочисленных военных отрядах ночная стража всегда исполняла свой долг исправно. Здесь нужна была хитрость, и после недолгих размышлений мне на ум пришли некоторые соображения.

Вокруг лежало множество небольших камней, и я, подобрав один из них, неслышной поступью приблизился к задней стенке валуна. Бросив камешек в сторону и услышав его падение, я тут же выглянул из-за валуна. Краснокожий не был глухим. Он тоже услышал падение камешка. Он смотрел в противоположную от меня сторону, его тело, до этого такое расслабленное, напряжилось. Его поза напоминала стойку пумы, готовой к прыжку. Армейское одеяло, облежавшее мускулистую фигуру, у меня на глазах медленно сползло на землю. Это был тот момент, когда нельзя было терять и секунды. Я рванулся к индейцу и погрузил лезвие ножа ему в спину. Он резко выгнулся и захрипел. Я зажал ему рот ладонью и не отпускал до тех пор, пока его тело не вытянулось на земле.

Вытащив нож, я лег на землю и пополз к спящим пауни. Приблизившись к самому ближайшему, я неслышно поднялся на колени. Он спал глубоким сном. Его грудь методично вздымалась и опускалась. Узкое скуластое лицо, расписанное боевыми красками, хранило безмятежное выражение. Отличительный знак племени – выбритая на висках голова со скальповой прядью – была утыкана короткими орлиными перьями. Я недолго любовался им и точным ударом ножа в сердце отослал его дух во владения Ти-ра-вы, верховного божества народа пауни.

Он умер тихо, как и двое других индейцев, отдавших божеству души после моих выверенных ударов. Не прошло и минуты, как все было кончено.

Немного успокоившись, я увидел, что пауни были снабжены не только одеялами. Возле одного лежали кожаные парфлешы, набитые пеммиканом. Подле другого – кисеты с трубкой и табаком. Рядом с третьим покоилось огнестрельное оружие – карабин системы «спенсер», похожий на тот, что остался в седельной кобуре Маркиза! Откуда все это?

Прикинув что к чему, я понял, что не кто иной, как сам Стив Блэкберн доставил пауни эти вещи. Интересуясь результатами погони, он, наверное, нашел обнаруживших мой след индейцев и обязал их двигаться за мной, снабдив всем необходимым.

Как бы то ни было, а теперь я оказался владельцем и еды, и оружия. Едва прикрывавшая меня набедренная повязка, в которой я походил на затравленного дикаря, была заменена добротными штанами и курткой. Пусть меня назовут мародером, но и мокасины одного из пауни пришлись мне по душе и впору. Великий Дух Ти-ра-ва, я уверен, будет рад и голому пауни, лишь бы его скальповая прядь оставалась на месте. Будь вместо меня любой из шайенов или лакота, он бы вернулся к соплеменникам с раздутой, как у индюка, грудью и с четырьмя скальпами, которые не преминул бы повесить к поясу спереди. Но я уже говорил, что обычай сдирать с врагов волосы, не вызывал у меня одобрения.

Прилично одетый, обремененный сумкой с пеммиканом и карабином, с дымившейся во рту трубкой я, бросив последний взгляд на поляну, углубился в чашу подлеска. Чувство глубокого удовлетворения по праву поселилось в моем сердце. Мой план сработал так, как я задумал, и это наполняло меня гордостью.

Вернувшись в пещеру, я подкрепился приобретенной едой и крепко заснул.

Глава 14

Человек, которого подстерегают опасности, обычно спит чутким сном. Я не был исключением из правил. Сквозь сон до моего затуманенного сознания донесся шорох скатывающихся с обрыва мелких камней. Взяв в руки «спенсер», я подошел к отверстию пещеры. Был уже полдень. Кто же мог быть там, наверху?.. Я почти не дышал, пытаюсь уловить малейший звук. И тут сильный мускусный запах ударил мне в ноздри. На вершине утеса стоял хозяин Скалистых гор – серый гризли! Когда я взглянул наверх, его лохматая морда уставилась на меня, маленькие черные глазки глядели удивленно, а голова наклонялась то туда, то сюда, как у собаки, разглядывающей незнакомца. Знакомиться с этой серой громадиной у меня не было никакого желания. Поэтому я, громко закричав, прогнал его с бровки утеса. Через минуту медведя не было слышно. С перепугу он, видимо, убрался далеко.

Остаться в пещере больше не имело никакого смысла. Я решил сегодня же отправиться на восток, к долине Паудер-Ривер.

Я выбрался на утес и, окинув взглядом окрестности, невольно залюбовался открывшимся видом. Так далеко на запад, в горы, я попал впервые. И теперь, после напряженного состояния последних дней, с удовольствием взирал на здешние места. В горах Биг-Хорнс во всем великолепии красок властвовал сентябрь – у индейцев, Месяц Сухой Травы или Когда Олень Бьет Копытом Землю. Я бы назвал это время года по-своему – Месяцем Лесного Очарования! Казалось, природа одела горные склоны в свои самые лучшие одежды. По берегам небольших студеньих ручьев, пробивающих себе путь сквозь нагромождение скал, стояли в разноцветной листве ольха и плакучая ива, тонколистая береза и сучковатый вяз. Над ними, подобно застывшим богатырям, высились колоннады могучих сосен. Грациозные голубые ели, облаченные в вечнозеленый наряд, пышно окутали предгорья головокругительных пиков, уносивших свои острые вершины в синее бездонное небо.

Я долго простоял на утесе, вдыхая полной грудью, любуясь прекрасным ландшафтом. Затем, пройдя по следу медведя до зарослей и, убедившись, что косолапый великан действительно скрылся, я спустился в предгорья, чтобы, продвинувшись сначала к северу, напрямик пойти на восток. Зная о том, что гризли весьма любопытные звери, я время от времени, оглядывался, держа «спенсер» наготове. Любопытность, может, и была безобидной чертой гризли, но не в те дни, когда его огромный желудок нуждался в пище.

В мягких мокалинах мои ступни уже не болели так сильно. Я даже позволял себе напевать под нос, срывая по пути перезрелую землянику. Иногда я останавливался перекусить пеммиканом, заедая его дикими яблоками и сливами, также пополнившими мой скромный рацион.

К вечеру я вышел к истокам небольшого ручья, который, по всей видимости, впадал в Танг-Ривер. Солнце жарило весь день, и я взмок от пота. При виде чистого ручья я побросал оружие с сумкой на гальку и прямо в одежде выкупался. Выйдя на берег, я почувствовал жажду. Чтобы напиться незамутненной воды, мне пришлось отойти чуть вверх по течению. Там я встал на колени и припал к воде губами. Она была очень вкусной. Когда же я выпрямился и повернулся к тому месту, где лежал «спенсер», всепроницающая слабость охватила меня с ног до головы: в двадцати футах от меня и в десяти от карабина стоял мохнатый гризли, поводя носом в воздухе! Я помню, как застучали мои зубы, помню, как дрожащей рукой вытер со лба проступивший холодный пот. Произошло то, чего я так боялся. Гризли шел весь день за мной. А я допустил страшную, непоправимую ошибку, выпустив из рук оружие!

С минуту я стоял, выпучив глаза, не моргая ими. Гризли также не двигался с места, сверля меня темным злобным взглядом. Затем способность думать и двигаться вернулась ко мне. Я сделал шаг к «спенсеру». Медведь оставался на месте. Я сделал еще один, не сводя с него глаз. Он мотнул головой и, обнажив грозные клыки, зарычал. От его рыка волосы на моем затылке приняли вид ошетилившегося собачьего загривка.

Шагать было невозможно. Это вызывало ярость серого хищника. Я начал продвигаться к «спенсеру» незаметно, дюйм за дюймом. Медведь, как будто догадываясь о моих намерениях, тронулся вперед и остановился в пяти-шести футах от оружия. Теперь он рычал постоянно, его передняя лапа с огромными загнутыми когтями с силой разбрасывала в стороны прибрежную гальку.

Я продолжал медленно двигаться. До лежавшего на берегу карабина оставалось не более двух футов. Мои нервы сдали. Я кинулся к «спенсеру» и, подняв его, попытался спустить курок. Проклятье! Мой дрожащий палец промахнулся. Этого оказалось достаточно, чтобы гризли в считанные доли секунды был рядом. Мои резкие движения разбудили в нем убийцу. В следующее мгновение он встал на дыбы. Его передняя лапа, описав короткую дугу, выбила из моих рук карабин, который завертевшись в воздухе, улетел в кусты. Гризли возвышался надо мной как гора. Его сильная лапа снова сделала такое же движение, но сейчас уже моя голова служила мишенью. Я резко пригнулся и выхватил охотничий нож. Когтистая лапа со свистом пронеслась мимо, взъерошив на голове волосы. Я не успел увернуться от другой лапы с выпущенными когтями, прочертившими над моим ухом глубокие борозды. Меня опалила острая боль. На когтях медведя остались не только волосы, но и полосы скальповой кожи. Теплая кровь ручьем хлынула на мою левую щеку. Я понял, что это была схватка не на жизнь, а на смерть. Еще одно движение лапой, и вместо моей головы будет кровавое месиво! Ничего не оставалось, как идти на сближение с хищником. Я проделал это не без последствий: левое плечо испытало на себе острые когти зверя. Но я добился своего, уткнувшись лицом в его мохнатый и вонючий живот.

Он по-прежнему размахивал лапами, только теперь его мощные удары не достигали цели.

Мое тело вплотную прикикло к нему. Я изловчился и ударил ножом ему между ребер. Лезвие по рукоятку проникло во внутренности зверя – он зарычал от боли. Я ударил еще раз – он заревел. Вся его туша содрогалась от рева. Я это чувствовал, прижавшись израненным

виском к его кровоточащему животу. И тут он переменял тактику, перестав бесцельно махать лапами. Его страшные когти начали бороздить мою спину снизу-вверх, причиняя мне невыносимые страдания. Вместе с клоками оленьей куртки они вырывали со спины клочья кожи. Мои жалобные крики заглушали остервенелый рык медведя. Он в ярости продолжал терзать мою спину, а я раз за разом вгонял лезвие в его смрадное нутро. Потoki горячей крови заливали мне глаза, руки, плечи. Я попытался вонзить ему нож в сердце, но лезвие уперлось в грудную кость. Я кричал от боли, чувствуя, как его когти цепляют мои ребра. Я уже терял сознание. Необходимо было на что-то решиться.

И я сделал это, отстранившись от гризли и вогнав нож ему в сердце. Вновь прижаться к нему мне было не суждено. Его клыки вонзились в мое истерзанное плечо. Хватка была бульдожьей. Он мотал головой, а я трепыхался как заяц в зубах беспощадного волка. В полубессознательном состоянии я видел свой нож, вбитый в сердце зверя по рукоятку.

«Когда же придет конец этому чудовищу?» – промелькнуло в голове.

Гризли был жив. Он снова схватил меня, теперь – за ногу. Я был беззащитен, на грани смерти. Он ожесточенно терзал меня, потом бросил на землю во второй раз. При падении моя нога сломалась. Этой боли я не выдержал. Я больше ничего не чувствовал и не помнил. Сознание покинуло меня.

Я очнулся от резкого клекота. Попытался открыть глаза, но впустую. Еще раз – и опять безрезультатно.

Я лежал и думал о том, что со мной, где я? Сознание работало со скрипом.

Я купался в ручье... Пил его студеною воду. О! Неожиданное появление гризли!

Я вспомнил ту схватку. Это было кошмаром! Если я остался жив, то только чудом. Почему я не могу открыть глаза? Я сделал невероятное усилие, и слипшиеся от затвердевшей крови ресницы разомкнулись, позволив мне увидеть синее небо.

Я пошевелил головой. Послышалось жужжание. Крупные зеленые мухи поднялись в воздух. В нескольких футах от себя я заметил тонкошеих стервятников, издававших резкий противный клекот.

Чуть поодаль лежал гризли. Рукоятка моего ножа по-прежнему виднелась в его груди. Он был мертв, весь покрыт мухами.

«Исчадие ада!» – проплыло в моем мозгу.

Я попытался подняться. Пронзительная молниеносная боль уложила меня на место. Я отдышался и начал обследовать себя. Правая рука была в целости и сохранности. Левой я мог едва двигать: плечо было изуродовано. Левая нога распухла и болела от перелома и укусов. Спина была изрыта когтями. Боль из нее не уходила ни на секунду. Здоровой правой рукой я провел по левому виску. Он покрылся тонкой коркой начавшей заживать раны.

Разгневанный медведь сделал из меня инвалида!

Я захотел пить. Вода была рядом. Превозмогая боль, я пополз к ручью. Каждое движение стоило мне огромных усилий. Но я стонал и полз. Уткнувшись, наконец, лицом в прохладную воду я пил ее с наслаждением и истомой. Утолив жажду, я полностью погрузился в воду. Лохмотья кожаной куртки, промокнув в воде, один за другим отставали от спины и плечей. Это облегчило мои страдания. Когда я полз к ручью, прилипшие к ранам лохмотья натягивались, причиняя невыносимые муки.

Лежа в ручье, я посмотрел на небо. Солнце стояло в зените. Значит, я почти целые сутки провалялся без сознания. Я выбрался из воды и пополз к сумке с едой, влача за собой сломанную ногу. Пара койотов, завидев мое приближение, отбежала от туши медведя. Стервятники, неуклюже подпрыгнув, взмыли в небо.

Ни птицы, ни звери не тронули моих припасов. У них был богатый стол в виде поверженного властелина Скалистых гор. Отведав пеммикана, я лег на живот, повернув голову в сторону гризли. Койоты были возле него. Стервятники ждали своей очереди в стороне.

«Если полку койотов прибудет, они осмелеют и нападут на меня!» – подумалось мне.

Я вспомнил о «спенсере», улетевшем от удара медведя в кусты. Я пополз туда и нашел его в отличном состоянии. Мое настроение поднялось. Теперь я мог защитить себя от любых хищников.

Меня волновало неприятное ощущение слабости, появившееся в моем теле после всех усилий. Добравшись до сумки со съестным, я положил на нее голову и потрогал лоб рукой. Он горел. Не удивительно, что с такими ранами я чувствовал себя плохо.

Остаток дня и всю ночь я был в бреду. Временами жар отступал, и я находился в сознании, но скоро мрак снова окутывал разум.

Во второй половине следующего дня я почувствовал себя лучше. Голова перестала кружиться, ощущение слабости таяло, лоб лишился жара. Я уделил внимание ранам. Они покрывались тонкой коркой. Это порадовало меня.

Я достал из сумки пеммикана и съел немного, наблюдая, как койоты и утратившие боязнь стервятники вместе потрошат тушу гризли. Лишь изредка какой-нибудь койот огрызался на наглого пернатого падальщика.

Я начал думать о своем положении, напившись воды и устроясь на отдых в тени кустов диких слив.

До Паудер-Ривер было безумно далеко. Со сломанной ногой придется добираться до нее вечно. Сто миль – чепуха для здорового, полного сил человека, для калеки они – бесконечный путь. Остаться здесь было подобно самоубийству: в высокие предгорья зимняя стужа приходит рано.

Я должен был убираться отсюда, не теряя времени. Пусть даже ползком или прыгая на одной ноге.

Я посмотрел на левую ногу. Она сильно распухла и посинела в месте перелома. Я осторожно прощупал его, невзирая на боль.

– Берцовая кость неправильно срастется, если я не сумею вправить ее, – беспокоился я вслух, принявшись разглядывать местность в поисках чего-то такого, что помогло бы мне управиться с переломом.

Мне на глаза попались два валуна, бок о бок торчавших из земли. Это было то, что надо. Я притаился к валунам и просунул между ними сломанную ногу. Ухватившись за ствол стоявшей рядом осины, я резко дернулся назад и на несколько мгновений потерял сознание от сильнейшей боли. Переведя дух, я проверил работу. Нужна была еще одна попытка. Обливаясь потом, я снова повторил рывок. Даже теряя сознание, я почувствовал, что кость встала на место.

Приходя в себя, я лежал на земле и слушал, как ссорятся хищники.

Следующей задачей было наложение шин. Мне требовался нож. и я пополз к гризли или, вернее, к тому, что осталось от него, прихватив «спенсер». Но трусливые койоты тут же ретировались, а падальщики взмыли в воздух.

Вытащив нож, я оглядел медвежьи останки. Хищники потрудились на славу: его внутренности были съедены, бока истерзаны, глаза выклеваны.

Мой взгляд упал на длинные коричневые когти, причинившие мне столько страданий.

– Будет память об этой великой схватке, – пробормотал я, отрезая когти. – Получится неплохое ожерелье.

Положив когти в парфлеш, я подполз к осине, срезал с нее кучу твердых прямых веток, обложил ими ногу и перевязал полосками из куска медвежьей шкуры, который был вырезан заранее.

Шины были готовы.

– Еще бы костыли!.. Ну, хотя бы их подобие.

Я внимательно осмотрел осину и увидел на ней две толстые ветви, изогнутые у основания.

– Есть! – воскликнул я радостно.

Но для того, чтобы добраться до них, мне нужно было подниматься. Держась правой рукой за ствол, я кое-как встал на здоровую ногу. Справившись с головокружением, я не сразу, но все же срубил ветви томагавком.

Опустившись и передохнув, я удалил с веток отростки, зачистил более тонкие концы. Толстые же, изогнутые как револьверная рукоятка, сами просились в подмышки. Затем я попробовал встать на костыли. Они были нужной длины и достаточно крепки. Я помолился и сделал первый робкий шаг, вслух поздравив себя. Только израненные плечо и спина от напряжения зажглись болью. И тогда, сунув нож в ножны, заткнув за пояс томагавк и повесив на шею сумку с карабином, я отправился в самое долгое в жизни путешествие.

Оно было жутким. Каждый шаг вымучивался мной. Все тело горело огнем. По временам я ложился на правый бок и полз, чтобы дать отдых уставшей опорной ноге. Уставала правая рука – я просто останавливался и забывался сном.

Но мне необходимо было двигаться. Набрав сил, я продолжал мучительный путь. Иногда мне казалось, что это не я ползу в дикой глуши – изувеченный, одинокий. Казалось, что это дурной сон, который вот-вот кончится.

Часто, отдыхая в какой-нибудь рощице, я думал о Лауре. Господи, могла ли она представить, какие на мою долю выпали испытания? Может, и нет. Но я знал наверняка, что мысленно она со мной, что молится за мое спасение, ждет меня. Это давало мне силы. Я был еще жив, хоть в зловещем положении, но жив. Я вышел победителем в гонке и в схватке с гризли не за тем, чтобы мои кости белели на солнце предгорий.

Мои передышки становились все продолжительней, раны заживали, но очень медленно. Когда выпадали жаркие дни, идти или ползти было не вмоготу, и я забирался в тенистые места в ожидании пролады. А ближе к сумеркам снова отправлялся дальше.

Я все время держался притока Танг-Ривер. Вода была под боком и жажды я не испытывал. Без влаги мое путешествие, наверное, превратилось бы в ад.

Порой на пути попадались хищники, но они ни разу не осмелились напасть на меня. Вид моего спенсера отгонял их прочь. Карабин оттягивал мне плечи и шею, но расстаться с ним было бы равносильно смертному приговору.

В один из дней моего изнурительного пути, отдыхая в зарослях диких слив, я услышал отдаленный конский топот, приближавшийся с северо-запада.

Может быть, табун мустангов скакал к водопою? А если это военный отряд?..

Я прижался к земле, сосредоточив взгляд на левом берегу ручья. Стук копыт становился все ближе, и вскоре я разглядел около тридцати индейских всадников. Обнаженные до набедренных повязок, расписанные боевой раскраской, со щитами, копьями и ружьями, они находились на Тропе Войны. Высокие черные мокасины воинов, их торчавшие вверх чубы, вымазанные белой и красной глиной, совиные перья в прическах, а также особые головные уборы с жестко установленными перьями, подсказали мне из какого они племени. Черноногие или сиксики, приостановив бег коней, переправлялись у меня на глазах на южный берег ручья. Можно было не сомневаться в том, что они вышли в боевой поход против своих злейших врагов, кроу.

Я не рискнул их окликнуть. В лучшем случае, они сняли бы с меня скальп, в худшем – прикончили. Поэтому я тихо лежал в кустах, пока они не скрылись в южном направлении.

С этого момента я решил двигаться только по ночам, чтобы не нарваться на очередной военный отряд краснокожих. Днем я спал, набираясь сил, а ночью или ковылял на одной ноге, или полз, обливаясь потом.

Скоро я потерял счет дням и ночам. Припасы кончились, и приходилось питаться, что называется, подножным кормом – кореньями, иногда – дикими плодами. О мясе нечего было и мечтать: выстрелы из «спенсера» могли услышать.

Но время шло. Раны уже не болели так, как в первые дни после схватки с гризли. Я начал пробовать наступать на сломанную ногу, опухоль с которой постепенно сошла на нет. Борозды от когтей на голове, плече и спине покрылись толстой заживляющей коркой. Они чесались, и кое-где по краям корка стала отслаиваться.

Наконец в одну из ночей я увидел перед собой блестящую под луной поверхность Танг-Ривер, и не смог сдержать радостного восклицания.

Первая, самая страшная часть моей одиссеи была на исходе!

Через реку нужно было как-то перебраться, и я заковылял по западному берегу на юг в надежде отыскать удобный брод. Я покрыл не менее двух миль, когда наткнулся на небольшой индейский лагерь. В нем насчитывалось пятнадцать типи. Но они не были жилищами тетонов, шайенов или арапахов. В свете ночных костров, вокруг которых сидели мужчины, разговаривая и покуривая трубки, я ясно различил на крышах типи цветные символы племени кроу.

Просить помощи у кроу я не собирался, хотя и слышал, что они дружелюбно относятся к белым. Кто мог поручиться за то, что они не причинят мне зла? Одиноким человек, скорее похожий на индейца, чем на бледнолицего, имел все шансы закончить свой жизненный путь у столба пыток.

Я хотел было обойти лагерь стороной, но пришедшая на ум мысль изменила планы. Если эти окрестности Танг-Ривер являлись местом стоянок различных кланов горных кроу (а это была их племенная территория), то небезосновательно было рассчитывать на то, что в прибрежных кустах обнаружатся лодки из бизоньей шкуры, на которых индейцы переправлялись на другой берег. А попади мне в руки лодка, я станцевал бы Танец Победы на одной ноге!

Подгоняемый этим предположением, я осторожно стал пробираться вдоль берега. Хотя жилища и стояли вдали от него, нужно было быть осмотрительным.

Искать пришлось недолго. Не что-нибудь, а каноэ попало мне на глаза. Аккуратное, с тонким резным веслом, оно лежало на берегу рядом с водой. Великое приобретение! Я радовался, как ребенок, который нашел в пыли перочинный ножик.

Спустя минуту, положив костыли и карабин на днище, я тихо отчалил от берега, послав благодарный салют в сторону индейского лагеря.

Глава 15

После мучительного перехода по суше, оказавшись в легком челноке, я скользил вниз по Танг-Ривер в приподнятом настроении. Мой дальнейший путь был хорошо продуман: вниз по этой реке до ее впадения в Йелоустон, а по быстрым водам его – к устью Паудер-Ривер.

Добравшись до этого водного потока, самый звук имени которого согревал сердце, я мог бы встретить какую-нибудь кочующую группу тетонов или северных шайенов. А это ли не будет концом всех моих жестоких мытарств?!

Танг-Ривер была извилистой, не очень глубокой речкой с высоким правым берегом, покрытым изобильным лесом. Я плыл по ночам, держась, в целях безопасности, середины русла. С наступлением же утра, направлял каноэ в любую подходящую заводь и ловил себе на еду рыбу незамысловатыми индейскими снастями, припрятанными на днище. Могу смело сказать, что голода я не ощущал. В мой рот рыба отправлялась сырой, но она здорово насыщала меня.

Вскоре быстрое течение Танг-Ривер донесло мой челнок до более широкой глади Йелоустона. Не проплыв по нему и двух суток, я увидел благословенное устье Паудер-Ривер!

Я был счастлив, что, наконец, добрался до тех мест, где мог чувствовать себя в безопасности. Позади были все тяготы пути, впереди – надежда на встречу с дружественными краснокожими.

Плыть против течения было очень трудно, и я оставил спасительное каноэ, выбравшись на правый берег Паудер.

Теперь я был не тот истерзанный калека, что сделал первый шаг в предгорьях Биг-Хорнс. Я уже мог наступать на левую ногу, используя оставшийся костыль вместо трости. Конечно, говорить о скором и полном выздоровлении было бы глупо. Когти и клыки гризли нанесли мне такие раны, что помощь индейских врачей была для меня крайне необходима.

Пройдя на юг по правому берегу Паудер не более десяти миль, я обнаружил стоянку тетонов.

Я находился от нее довольно далеко, но меня тут же заметили. Пятеро индейских всадников поскакали мне навстречу. Увидев на моей груди карабин, они остановились. Чтобы успокоить их, я положил «спенсер» под ноги и, вытянув вперед правую руку ладонью наружу, громко крикнул на языке лакота:

– Шайеласка!.. Кола!.. (Белый Шайен!.. Друг!..)

Воины посоветовались и осторожно приблизились ко мне. Я увидел, что они с подозрением смотрят на мою одежду, на которой еще сохранялись отличительные знаки племени пауни. Почти не зная языка, я стал объяснять им на языке жестов:

– Я живу с шайенами. Мое имя Отважный Медведь. Я друг Римского Носа и знакомый Ташунки Витко. Я был в плену у пауни.

Воины поняли меня. Выражение их лиц смягчилось. Один из них, используя тот же язык, «проговорил» с улыбкой на губах;

– Хо-хе-хи!.. Добро пожаловать к палаткам черноногих – сиу вождя Уанбли Кте, Убей Орла.

Вот так и закончились испытания. Я попал к дружественным черноногим – сиу, входивших в состав тетонских кланов. Они кочевали по северо-западным охотничьим угодьям, и нет ничего удивительного, что я наткнулся именно на их лагерь. Это была родная земля черноногих – сиу.

Спустя неделю, в конце Месяца Падающих Листьев – октябре, небольшой отряд из черноногих – сиу доставил меня в объединенный лагерь тетонов, шайенов и арапахов на Паудер-Ривер.

Что мне сказать о том, как я был встречен? Римский Нос, братья Бенты и другие восприняли мое появление, как возвращение с того света. Их изумлению, а потом и радости, не было конца. Римский Нос в честь этого устроил пир. На нем были многие известные вожди и воины. Всегда невозмутимые и уравновешенные, они слушали мой рассказ с необыкновенным вниманием, раскрыв рты.

Да что сказать, могли ли кого-нибудь оставить равнодушным мой бег по каменистой прерии на босу ногу со сворой пауни на хвосте и великий бой с грозой Скалистых гор – гризли (на пиру я сидел в ожерелье из медвежьих когтей)? Навряд ли. Я закончил рассказ, меня попросили начать снова. И исполнил просьбу только для того, чтобы вновь и вновь рассказывать о том или ином эпизоде моей одиссеи.

Потом настал мой черед слушать. Вожди вспоминали о событиях, произошедших в прериях за время моего отсутствия.

Весь сентябрь объединенные силы индейцев вели бои с солдатами генералов Коула и Уокера, которым была поставлена задача, пройти через земли тетонов, шайенов и арапахов навстречу с колонной Коннора на Роузбад-Ривер для ведения боевых дальнейших действий.

Индейцы не давали покоя двум генералам, нанося им чувствительные удары. Лидерами в битвах были: от тетонов – Красное Облако, Сидящий Бык, Американский Конь, Проворный

Медведь, Красный Лист, Черная Луна и Галл; от шайенов – Две Луны, Стоящий Лось, Римский Нос, Высокий Бизон, Тупой Нож и Маленький Волк; от арапахов – Гнедая Лошадь, Дикий Мустанг и Много Медведей.

Сидевшие на пиру индейцы сходились на том, что если бы у них было достаточно оружия и боеприпасов, то генералы Коул и Уокер никогда бы не встретились с колонной Коннора. Спасенные от голода и индейских стрел подоспевшими солдатами Коннора, они благополучно добрались до виденного мной нового форта, а оттуда спустились к форту Ларами.

Таким образом, война 65 – го года фактически закончилась. Для Длинных Ножей она вряд ли была успешной. Единственным их достижением стал разгром деревни арапахов Черного Медведя. Потеряв в этой компании в два раза больше людей, чем индейцы, войска ушли на зимние квартиры не в самом лучшем расположении духа. Свободным племенам можно было спокойно рассредоточиться по зимним кочевьям, чтобы весной нового, 1866 года, отстаивать свои земли от солдатского вторжения.

По завершению пиршества, устраиваясь в своей палатке на ночлег, я попросил Чарли рассказать о том, как ему удалось скрыться.

– Ну что сказать?.. Удалось мне уйти живым и целехоньким благодаря тебе, Джо. Пауни на мгновение задержались возле тебя, а когда ринулись вперед, я уже настегивал своего гнедого с поводом Маркиза в руках...

– Что?! Мой Маркиз!..

– Да, с твоим конем я помчался на юг быстрее ветра. Пауни пустили мне вслед несколько пуль и на том успокоились. Я поскакал дальше и остановился, когда услышал, как солдаты и пауни-следопыты преследуют арапахов той же дорогой. Я спрятался. Арапахи отстреливались, гоня впереди свой табун. Четверо пауни оказались без лошадей, и когда погоня скрылась из глаз, я появился поприветствовать их из своего винчестера. – На лице метиса проскользнула жестокая ухмылка. – Они умерли в две секунды, эти убийцы женщин! Вон, полюбуйся на их скальпы!

Чарли указал на волосяные трофеи, висевшие на ивовых обручах на стенке жилища.

– Я отомстил за смерть матери, Джо, и очень доволен, что ты прикончил шестерых из этого предательского племени.

– Я защищал свою жизнь, Чарли, но считай, что мне удалось выполнить обещания.

– Какие?

– Я говорил, что помогу тебе в мести, когда уходил из лагеря за Лаурой... Как она теперь? Где этот ублюдок Блэкберн?

– Ты знаешь, Джо, – сказал Джордж. – О том, где он теперь не знает никто. Ташунка Витко следовал за Коннором до самой Роузбад, но Блэкберн по дороге куда-то исчез... Не отчаивайся, дружище, где-нибудь, но он объявится.

– Надеюсь, наша с ним очередная встреча станет для него последней, – хмуро проговорил я, накрываясь теплой бизоньей шкурой.

– А ты знаешь, кем стал Бешеный Конь? – спросил вдруг Чарли.

– Кем же? – Я аж присел от любопытства.

– Носителем Рубахи!

Я слышал, что у лакота издавна был обычай выбирать из числа молодых и уважаемых мужчин несколько пожизненных советников для семерки Больших Животов – верховных вождей племени. Эти люди посвящали себя служению народу, им предписывалось быть чистыми в помыслах и делах, уравновешенными, благоразумными. Конечно, не каждый удостоивался этой чести, и мне было приятно узнать, что друг Римского Носа и мой знакомый оглала поднялся на такую высоту.

– Кто же еще стал Носителем Рубахи?

– Молодой-Человек-Боящийся-Своих-Лошадей, также от хункпатилов, сын вождя ойюк-хпе Отважного Медведя, Сабля и сын вождя истинных оглала Сидящего Медведя, Американский Конь.

– Неплохая компания.

– Потомок знахарей и трое наследственных вождей!

Через несколько дней огромный объединенный лагерь начал распадаться на множество кочующих групп. Основная масса индейцев направилась к излюбленным зимним кочевьям в Черных Холмах. Римский Нос решил туда же повести южных шайенов. В Черных Холмах было много дичи, а под их сенью не страшны были зимние выюги и бураны. Меня он порадовал тем, что там я буду под присмотром старого знахаря северных шайенов, который постоянно жил в священных горах и славился своими врачевательскими способностями.

Шайены путешествовали испокон века заведенным образом: первыми ехали четверо вождей-стариков и их советники, которые выбирали места стоянок. Позади них двигались остальные вожди и некоторые члены военного общества, ответственного за поддержание порядка. Следом ехала основная масса людей – стариков, женщин, детей – с лошадьми, везшими домашний скот на волокушках-травуа. Потом шел весь большой табун. И везде – спереди, сзади и по флангам походной колонны сновали вооруженные воины, готовые ко всему.

Здесь с удовольствием скажу, что путешествие к Черным Холмам я совершил на крепкой спине вороного жеребца, который встретил своего хозяина радостным лошадиным ржанием! Мне было лестно узнать, что он, словно предчувствуя мое возвращение, ходил в табуне и не допустил к себе ни одного наездника. Верный, славный конь!

Лагерь шайенов у Черных Холмов выглядел также как и всегда – семьи, родственники и кланы старались ставить типи на тех же самых местах по отношению друг к другу.

Я полюбил Черные Холмы с первого взгляда. Природе, видно, хотелось удивить краснокожего человека, когда она создавала в центре высоких прерий эти могучие скалы и холмы, сплошь поросшие вечнозелеными и лиственными лесами. Они высились на ровной травянистой равнине, словно полуразрушенные средневековые замки с красноватыми гранитными пиками, вместо замковых шпилей.

Эти горы были священными для северных племен. Даже я проникся каким-то необъяснимым благовеиным отношением к Черным Холмам, проведя в них зиму. Индейцы верили в то, что сам Вакантанка создал эти полные тайны Холмы для своих краснокожих детей, чтобы они проводили в них холодные сезоны и возносили ему молитвы.

По прибытии туда Римский Нос лично отыскал Черного Оленя, старого лекаря шайенов, и привел его ко мне в жилище. Этот дряхлый старик с коричневым лицом, испещренным бесчисленными глубокими морщинами и похожим на источенный червями кусок красного дерева, при осмотре моих ран не смог скрыть удивления.

– Такие «царапины» я вижу впервые, хотя мои глаза видели, как снег сотню раз покрывал Черные Холмы, – прошамкал заскорузлый долгожитель, прижав ко лбу правую ладонь в знаке индейского почтения.

– Я не ушел к праотцам только потому, дедушка, что собираюсь прожить, подобно тебе, никак не меньше ста лет, – с улыбкой сказал я, сразу пытаюсь найти общий язык с тем, кто поможет мне встать в строй.

Старик согласно кивнул убеленной сединами головой.

– Если остался в живых после такого, то долгий век тебе обеспечен, юноша. Однажды в юности я дрался с двумя пумами сразу и вышел победителем. Но гриззли отделал тебя так, как не сможет этого сделать и десять горных кошек.

Черный Олень со знанием дела отнесся к своим обязанностям. Используя чудодейственные травы, которые были известны только ему, он колдовал надо мной всю зиму, и результаты

не заставили себя ждать. Мое состояние улучшалось, раны затягивались, превращаясь постепенно в широкие розовые рубцы.

Старик оказался не только отличным лекарем, но и превосходным знатоком прошлого индейцев прерий. Он сам был живой историей народа шайенов, и я не мог не воспользоваться случаем пополнить свои довольно-таки скудные знания о прошлом Великих Равнин. Он родился в те далекие времена, когда шайены, покинув леса Висконсина совершали свой памятный переход в прерии. И когда в один из февральских метельных дней я попросил его рассказать об истории заселения Великих Равнин, о межплеменных войнах, он откликнулся на мою просьбу с добрым сердцем.

Буран завывал за пологом жилища, иногда заглушая Черного Оленя, сидевшего перед очагом и раскуривавшего старинную каменную трубку. Он говорил дрожащим, старческим голосом, но, вспоминая былое, дни своей молодости, лекарь, казалось, становился моложе.

– Шайены и арапахи пришли в прерии сто снегов назад. Раньше они жили оседлыми деревнями на берегах Верхнего Озера, охотясь в лесах и занимаясь сбором дикого риса и кленового сока. В те времена у них было много врагов, зарившихся на их земли. Оджибвеи, кри, иллинойсы, дакоты – все они ходили на них войной. Но самое страшное то, что арапахи и шайены сами враждовали между собой...

– Неужели? – Я вскинул брови, впервые услышав об этом.

– Да, так было, – продолжал Черный Олень. – Тебе не верится, юноша, а когда-то наши племена воевали, забыв и о родстве и об общем происхождении. Мир был заключен в прериях, когда оджибвеи уже изжили нас из родных лесов Висконсина.

Дойдя до берегов Миссури, мы повстречали на своем пути манданов, хидатсов и арикаров. Они оказали гостеприимство, научив нас строить такие же как у них земляные жилища и выращивать некоторые овощи. Мы жили с ними в дружбе все это время.

– Скажи, дедушка, а какие племена кочевали тогда в прериях?

Старик попыттел трубкой.

– Для того чтобы индеец кочевал, ему необходима лошадь. В те давние времена только апачей можно было встретить в высоких прериях, и они были единственными людьми, имевшими лошадей. Уже потом лошади появились у команчей. Но эти племена жили южнее, а на севере были лишь манданы, хидатсы и арикары, которые изредка пешими охотились на бизонов, а в основном занимались земледелием. Точно так же жили пауни на берегах Платт-Ривер, уичиты на Арканзасе и его притоках, и многочисленные племена кэддо.

У апачей прерий было несколько кланов. Палома – апачи кочевали по соседству с пауни и вели с ними постоянную войну. Севернее, у предгорий Черных Холмов кочевали гатаки-апачи, которые враждовали с пауни, но были приятелями их родственников – арикаров.

Когда кайова покинули свою родину (на севере Скалистых гор) и пришли в прерии, они вскоре заключили союз с гатаками. С тех пор гатаки стали называться кайова-апачами, потому что часть племени кайова влилась в состав этих апачей. В прериях западного Канзаса кочевали разные группы картелехо-апачей, однако они были менее воинственны, чем все другие апачи и им суждено было раньше уйти из прерий.

Апачи многие годы были повелителями Великих Равнин. Но после того как пауни получили от белых огнестрельное оружие, апачи стали проигрывать одно сражение за другим. Когда же с Западных гор в прерии хлынули команчи, юты и шошоны, им оставалось либо уйти, либо погибнуть. Апачи выбрали первое. Под нажимом враждебных переселенцев с гор они уходили все дальше на юго-запад, пока не оказались там, где и живут сейчас – в южных отрогах Скалистых гор.

– О каких шошонах ты говорил? – спросил я, зная о том, что это было общее название многих племен горных индейцев.

– Охотники – французы дали им имя змеиных людей, снейк – по-английски. Они делятся на два клана: едоков овец и едоков лососей. Последних ныне возглавляет Вашики, не менее знаменитый вождь, чем Уолкара у ютов.

У этих шошонов уже были лошади, так же как у команчей и ютов, и на них они быстро распространились по прериям, изгнав апачей. В северных равнинах сумели удержаться только гатаки или кайова-апачи и еще одно апачское племя – сарси, которое и сейчас кочует севернее черноногих.

– Как им удалось удержаться в прериях?

– Это интересный вопрос, юноша. Мой отец, Голубая Стрела, ответил мне на него примерно так: в старинное время все апачи были кочевыми людьми, даже тогда, когда у них не было лошадей. Но позже, получив лошадей, они почему-то стали менее воинственны и подвижны. Они потихоньку осели в полуоседлых деревнях, предпочитая земледелие охоте на бизонов. Тогда апачи стали уязвимы перед молниеносными атаками верховых команчей, ютов и шошонов.

А гатаки и сарси никогда не садились на землю, да вдобавок еще приобрели себе надежных друзей – кочевников. Первые смешались с частью кайова и стали независимым народом кайова-апачей. Другие заключили военный союз с самым многочисленным народом северных равнин – черноногими.

– А наши союзники тетоны, когда они появились в прериях?

– Мне, наверное, было десять зим, когда я впервые увидел этих индейцев. Их было сначала мало, и у них не имелось лошадей. Но после того, как у этих тетонов появились первые лошади, в прерии хлынули и другие их родственники. Почти с самого начала и шайены, и арапахи жили с ними в дружбе. Тетоны – сиу были самым сильным народом, таким они и остались. В союзе с ними мы прогнали из прерий всех повстречавшихся нам на пути индейцев. Ютов, шошонов и кроу мы загнали в Скалистые горы, а команчей, кайова и кайова-апачей вытеснили за реку Арканзас. Тетоны последними пришли в прерии, но именно они вскоре стали самыми грозными кочевниками и именно они помогли шайенам и арапахам завоевать новую родину. Это добрые друзья и могущественные союзники.

– Ты говорил, что шайены и арапахи построили себе деревни, как у манданов. И как долго они жили в них?

– Совсем недолго. Как только лошади стали доступны нам, мы оставили землянки. Первые лошади появились у шайенов, когда мне было восемнадцать зим. Мы выкрали их у команчей. Потом, торгуя с южными племенами, отпала необходимость ютиться, словно луговые собачки, в земляных жилищах. С тех пор шайены кочуют по необъятным просторам прерий вслед за бизонами и живут в просторных и удобных палатках, как подобает любому свободному племени.

– Мне интересно, с кем враждовали шайены и арапахи, появившись на равнинах?

– Тебе, наверное, известно, Ниго Хайез, что наши два племени никогда не насчитывали больше семи тысяч человек, включая численность родственных нам сутайев. Нам было далеко до пауни, у которых одних только воинов насчитывалось не менее восьми тысяч, или тетонов, общее число которых переваливало за двадцать тысяч. Но мы всегда являлись храбрыми людьми, и наши поражения я могу пересчитать по пальцам. Нашими злейшими врагами были пауни, а у арапахов – юты. Вместе мы громили кроу, команчей, кайова, шошонов и многих других.

– Я никогда не думал, что пауни когда-то могли выставить восемь тысяч воинов! – мое недоумение было понятным, ибо я знал, что пауни сейчас не такое уж многочисленное племя.

Старик ответил с обычной последовательностью, и мне приходилось лишь удивляться его осведомленности.

– Эти предатели прерий (он имел в виду службу пауни в американской армии), которые знакомы теперь и тебе, Ниго Хайез, были самым большим народом в центре прерий. В лучшие времена их насчитывалось двадцать пять тысяч, и они заслуженно похвалялись своим числом и огромной охотничьей территорией. Когда шайены впервые столкнулись с пауни, те держали под контролем земли от реки Найобрэра на севере до Арканзаса на юге, и от Миссури на востоке до истоков Луп-Ривер на западе. Пауни были настолько сильны тогда, что могли позволить себе собирать урожаи маиса, тыквы и кабачков два раза в год, ничуть не боясь, что кто-то осмелится помешать им в этом. Кочевали они с большой неохотой, и только поиски новых пастбищ для огромного табуна из восьми тысяч лошадей заставляли их менять места стоянок. Пауни состоят из четырех племен. В самом известном племени, скиди, больше людей, чем у чауи, киткехаки и питахерат вместе взятых. Подобно шайенам и арапахам, пауни враждовали между собой когда-то, но это было так давно, что вражда у них осталась лишь в легендах.

Шайены, арапахи и лакота сражались с ними постоянно. Пауни, конечно, несли потери, однако их численность почти не уменьшалась. Ее сократили белые люди, которым они так усердно служат. Тридцать пять зим назад белые одарили пауни оспой, и половина народа была уничтожена этой страшной болезнью. Оспа косила пауни и дальше. Теперь их не больше пяти тысяч.

Черный Олень удовлетворил мое любопытство сполна. Он поделился со мной воспоминаниями о сражениях, в которых сам принимал участие. Рассказал о том, как единое племя шайенов разделилось в 30-х годах на две ветви – северных и южных, поведал о 1830 году, когда в битве против пауни на Платт-Ривер шайены потеряли свой священный племенной амулет – четыре магических стрелы – и потерпели сокрушительно поражение.

За зиму у нас с ним было много интересных и познавательных бесед. Часто его приходили послушать и вожди, и простые воины. Я видел, что общение с древним старцем доставляло им глубокое удовлетворение.

Между тем, незаметно, зима сдавала свои позиции. Холодные и метельные дни все реже выпадали в предгорьях Черных Холмов. Солнечные лучи становились теплее, и вскоре по горным склонам заструились первые ручьи, спеша пополнить своей ледяной водой мутный поток Шайен-Ривер. Наступала ранняя весна 1866 года.

Глава 16

В начале марта, когда я уже чувствовал себя вполне сносно, в лагерь индейцев у подножия Черных Холмов зачастили посланцы от военных властей форта Ларами. Совершенно неожиданно, они стали упрашивать вождей посетить форт для подписания мирного договора. Такой поворот событий явно озадачил индейцев. Еще осенью мало кто мог предположить, что Длинные Ножи одумаются и прекратят посылать войска против Союза Свободных Племен.

Вожди колебались. Одни из них склонялись к тому, что, может быть, и нужно поехать на переговоры, другие просто выжидали.

Вскоре распространились известия об уходе к форту двух групп брюле вождей Стоящего Лося и Проворного Медведя, которым пообещали выдать множество товаров и огнестрельное оружие для охоты.

Красное Облако, Две Луны, Римский Нос по-прежнему держали своих людей на зимних стоянках, игнорируя призывы посланцев.

Положение изменилось, когда один из самых влиятельных вождей тетонов, Крапчатый Хвост, согласился поехать в форт Ларами. Это заставило Красное Облако и других лидеров отправиться вслед за брюле. Они решили узнать, что замыслили военные и какие выгоды сулит им новый мирный договор.

Южные и северные шайены остались у Черных Холмов.

Одним похожим мартовским вечером в нашу палатку заглянул Римский Нос. Поприветствовав Бентов и меня, он устроился у очага, давая этим знать, что намерен побеседовать.

– Вокуини голоден? – спросил у него Чарли. У краснокожих был прекрасный обычай угощать вошедшего в жилище гостя всем, что было в наличии.

Римский Нос отказался, поблагодарив за гостеприимство.

– Как здоровье. Ниго Хайез? – обратился он ко мне.

– Быстро идет на поправку, Вокуини, – ответил я.

– Черный Олень – великий врачеватель!

– Пусть Отец-Солнце продлит его дни!

Римский Нос не спеша раскурил свою трубку. Мы последовали его примеру, достав свои трубки.

– Ночью я видел сон, – после долгой паузы проговорил Римский Нос. – В нем я видел нашу родину, долины Смокки-Хилл и Рипабликэн.

– Это добрый сон, – сказал Чарли Бент. – Мне тоже снится наша родина.

– Во сне я слышал голос духов-покровителей, – продолжил Вокуини. – Они советовали мне вернуться на юг и сражаться за свою землю... Сегодня, прежде чем зайти в вашу палатку, я побывал у многих южных шайенов. Я узнал, что их сердца также тоскуют по родным местам. Они сказали мне, что слишком долго были на севере, сражаясь за свободу наших родичей, северных шайенов... Что скажете вы, братья и ты, Ниго Хайез?

– Я буду рад вернуться на родину, – сказал Джордж Бент.

– Мое место среди южных шайенов, куда бы они ни пошли, – произнес Чарли. – Тем более туда, где я вырос.

Оставалось ответить мне. Однако я задержался с ответом. Шайены стали моим приемным народом, и их пути были моими путями. Я давал клятву, вступая в члены племени. Но была Лаура, в моей груди горело пламя любви.

– Я думаю о твоей племяннице, Вокуини, – наконец ответил я, – которую очень люблю. Койот Кайова повез ее на север, а шайены собираются на юг. Наши дороги расходятся.

В палатке воцарилось молчание. Его прервал Римский Нос взвешенным и продуманным доводом:

– Койоты, где бы они ни охотились, всегда возвращаются в свое логово. След Койота Кайова затерялся у Роузбад, но он скоро обнаружится там, где у торговца проходили сделки с южными племенами. Там его логово.

Я пораскинул мозгами. Первоначальная решимость остаться на севере подверглась пересмотру. Где мне искать Лауру? Сколько предстоит сделать, чтобы только напасть на ее следы? Кажется, Римский Нос высказал здравомыслие. Мне нужно было отправляться на юг и ждать того времени, когда Блэкберн вернется к местам своих прибыльных торжищ с южными индейцами.

– Я не знаю, что заставило Койота Кайова пойти на север, – после продолжительного раздумья сказал я. – Но он должен объявиться на юге. Ниго Хайез будет ждать его там.

Гонимые тоской по родине, почти все южные шайены снялись с лагеря у Черных Холмов и, не дожидаясь конца переговоров в Ларами, устремились к местам исконных кочевий. Многие, в том числе Римский Нос и Высокий Бизон, больше никогда не увидят земель тетонов. Они возвращались на юг, чтобы остаться там навеки.

По прибытии в долину Смокки-Хилл, мы застали печальное для индейского глаза зрелище. В центре лучших охотничьих угодий южных шайенов, пока они сражались на севере, выросли десятки ферм и пристанционных поселков.

Я помню, как Римский Нос, обычно такой невозмутимый и сдержанный, разразился яростной речью в адрес упрямых бледнолицых, которые, словно саранча, пожирали индейские пространства. Его настроение ухудшилось и вовсе, когда повстречавшийся на пути отряд

молодых шайенов из лагеря Черного Котла «обрадовал» его новостями о том, что Мотовато и Маленький Ворон из арапахов подписали мирный договор, по которому у двух племен не осталось места в долинах Смокки-Хилл и Рипабликэн.

– Они выжили из ума! – с досадой выдавил он. – Мотовато продает нашу землю, словно бизоньи шкуры! Вокуини не признает договора!

Молва о возвращении великого воина шайенов пронеслась по прериям, как подгоняемый ветром степной пожар.

Молодые шайены и арапахи, удерживаемые в узде стариками-миролюбцами, теперь махнули на них рукой, стекаясь отовсюду под знамена самого воинственного и уважаемого из шайенов. И спокойным дням в прериях Канзаса пришел конец.

За относительно небольшой промежуток времени белые сумели протянуть щупальца канзасской железной дороги далеко на запад, распугав тем самым и без того поредевшие бизоньи стада. Техасские ковбои, воспользовавшись отсутствием непримиримых Собак Высокого Бизона и последователей Римского Носа, осмелели настолько, что без всяких опасений перегоняли скот из Техаса по новому Чисхольмскому тракту в пограничные городки Канзаса. Вся эта активность быстро улетучилась, когда снова в прериях зазвучал неистовый боевой клич шайенов.

Работы по строительству «Канзас-Пасифик» были приостановлены из-за участвовавших индейских налетов. Техасские ковбои поворачивали свои стада назад, не отваживаясь рисковать. Переселенческие караваны застряли в восточных городах. Только дилижансы продолжали пересекать высокие прерии.

Правительство забило тревогу. В начале лета в городке Рили – конечной железнодорожной станции – появился подполковник Джордж Армстронг Кастер с задачей сформировать полк, которому предписывалось защищать строителей «Канзас-Пасифик» от немирных краснокожих.

Я кое-что слышал об этом офицере. Во время Гражданской он был самым юным генералом армии. Правда, чин этот являлся временным. Тогда мне трудно было предположить, что в будущем он станет жестоким истребителем индейцев и моим знакомцем вплоть до трагической развязки на берегах Литтл-Биг-Хорн.

В то время, как возглавляемые Римским Носом шайены сражались с его отрядами, я скитался по южным прериям в надежде обнаружить след Койота Кайова.

Иногда возвращался в лагерь Вокуини, чтобы набраться сил для дальнейших поисков. Именно в один из таких приездов мне выпала возможность познакомиться с Кастером. Римский Нос и Высокий Бизон взяли меня на переговоры с ним и с агентом трансконтинентальной почтовой компании Сэмюэлем Торнтоном.

Опасаясь предательства, вожди прибыли к форту Уоллес в окружении многочисленной свиты из своих приверженцев.

Группа военных во главе с подполковником, а также служащие почтовой компании расположились под окнами агентства и с настороженным любопытством взирали на высоких мускулистых шайенов, облаченных по случаю переговоров в великолепные праздничные одежды. На многих были длинные, до колен, традиционные желтые военные куртки с нарисованными Птицами Грома, стрекозами и другими крылатыми созданиями и легины со свисающими от икр до земли отворотами, на зеленой бахроме которых крепились раковины, заклепки и оленьи копытца. Римский Нос был бы настоящей находкой для художника, интересующегося индейскими типами. Его знаменитый пышный головной убор из орлиных перьев с бизоньим рогом в налобной повязке чем-то походил на королевскую мантию. Куртка и легины, сплошь покрытые узорами и бахромой, плотно облегли стройную фигуру, делая ее еще более величественной. На полых костяшках нагрудника покоились несколько ниток ожерелий из лосиных и оленьих зубов, мощную шею украшал чокер, а с ушей свисали бисерные и раковинные серьги.

Когда мы спешили, от группы военных отделился высокий синеглазый офицер со светлыми волосами и усами. Это был Кастер.

Поприветствовав вождей, он пригласил их в кабинет почтового агентства. Видя, что я присоединился к ним, он нахмурил брови.

– Я хотел побеседовать с Римским Носом и Высоким Бизоном... Остуд! – обратился он к переводчику. – Переведи это.

– Лишнее, подполковник, – спокойно сказал я. – Дело в том, что я буду переводить вождям на переговорах.

Синие глаза Кастера скользнули по моей физиономии.

– Я хочу знать твое имя.

– Ниго Хайез, что на языке шайенов означает Отважный Медведь.

Глаза Кастера сузились, под скулами заходили желваки.

– Я сразу заметил, что у тебя слишком правильные черты лица для индейца, Кэтлин... Надеюсь встретить тебя после переговоров, убийца лейтенанта Скотта.

– Если бы подполковник знал, за что я прикончил Скотта, он бы не очень печалился его преждевременной кончине, – сказал я, выдержав взгляд военного.

Кастер презрительно фыркнул и, повернувшись, зашагал к зданию. Мы последовали за ним и вошли в обширную комнату с широкими окнами, оклеенную обоями. Посередине стоял массивный стол, вокруг него – несколько крепких стульев с высокими спинками. Агент с подполковником усадились по одну сторону стола, мы – по другую.

Приглашение на переговоры исходило от Кастера, и он взял слово первым:

– Я пригласил вас, вожди, по собственной инициативе... Неофициально, так скажем. Но это совсем не значит, что всему здесь сказанному надо относиться с недоверием. Я полагаю, это понятно.

Он кивнул мне, и я перевел вступление вождям.

– В прериях я недавно, – продолжал Кастер. – Но за это время успел уяснить одно: в Канзасе не будет мира, пока шайены не уйдут за Арканзас, к своему верховному вождю Черному Котлу, который оставил Тропу Войны и теперь счастливо живет в указанном ему месте. По прошлогоднему договору все шайены и арапахи должны были покинуть прерии Канзаса, однако этого не произошло.

Я перевел. Римский Нос переглянулся с Высоким Бизоном и заговорил:

– Хорошо, что молодой Длинный Нож пытается мирно беседовать с шайенами. Может быть, мы пойдем друг друга и станем друзьями. Когда приезжают посланцы Великого Белого Отца, они с улыбкой подсовывают индейцу говорящую бумагу, чтобы тот поставил на ней свой знак. А затем, размахивая этой бумагой, они приказывают индейцу убираться с его родной земли. Вокуини приятно, что здесь нет никаких говорящих бумаг... Но Вокуини услышал слова молодого Длинного Ножа, и его сердце опечалилось. В Канзасе был мир, пока не пришли бледнолицые. Мнение Вокуини таково: мирные дни наступят только с уходом бледнолицых. Зачем уходить из Канзаса краснокожим? Это их земля... Вокуини заверяет молодого Длинного Ножа: ни один шайен, вернувшийся с севера, не уйдет из долины Смокки-Хилл. Черный Котел подписал говорящую бумагу без согласия Вокуини, и он отказывается чтить этот договор.

Когда я перевел ответ Римского Носа, на лбу Кастера пролегли глубокие морщины. Он покачал головой и, встав на ноги, подошел к окну. В течение минуты, заложив руки за спину, он мерно переступал с носков на пятки. Слышалось лишь поскрипывание половиц внутри и ржание лошадей снаружи. Наконец, он вернулся к столу.

– То же самое Римскому Носу и Высокому Бизону будут говорить уполномоченные люди из Вашингтона, – взвешивая каждое слово, произнес он. – Они будут требовать, чтобы индейцы ушли за Арканзас. Но за их спинами уже будет не один кавалерийский полк, как у меня, а

тысячи солдат... Во избежание кровавой ненужной войны я прошу вождей прислушаться ко мне сейчас. В недавних стычках мы проверили свою храбрость. Может, хватит?

Я перевел, и слово взял Тонкахаска.

– Шайены и мои Собаки с радостью уйдут с Тропы Войны, если белые прекратят строить на нашей земле железный путь и поселки.

Высокий Бизон своими словами задел Кастера за живое. Его голос зазвучал раздраженно:

– Высокий Бизон захотел остановить прогресс? Этому не бывать! Он мешает прогрессу и именно он должен убраться с его пути!.. Я здесь за тем, чтобы железная дорога, не смотря ни на что, пересекла прерии. Она будет проложена, даже если мне придется сражаться всю жизнь!

– Шайены будут сражаться за то, чтобы прерии не слышали рева Железного Коня, от которого уходят из нашей страны бизоны, – твердо сказал Римский Нос. – Вокуини будет карать тех, кто попирает священный прах предков. Когда на его родине не было бледнолицых, она процветала. Болезни редко посещали становища шайенов, бизонов было столько, что одному стаду требовалось несколько суток, чтобы переправиться через Смокки-Хилл. С появлением бледнолицых все изменилось в худшую сторону. Теперь мы часто голодаем, потому что бизоны обходят нашу землю. Наши дети стали болеть неизлечимыми болезнями. Сердце Вокуини обливается кровью, когда он видит такие перемены. И сейчас Длинный Нож требует, чтобы шайены покинули родину и ушли за Арканзас, где можно проскакать много дней и не встретить ни одного бизона?.. Нет, шайены остаются здесь! Я сказал!

Кастер выслушал Римского Носа с хмурым выражением лица.

– Мне жаль, что мы не поняли друг друга, – устало произнес он. – Видно, этого никогда не произойдет, пока войска не проучат шайенов как следует.

Сэмюэль Торнтон, испуганно глаза на индейцев, впервые подал голос:

– Скажите им, подполковник, чтобы они прекратили нападать на почтовые дилижансы. Ведь это, в конце концов, ни на что не похоже. Погибают возницы, почта месяцами лежит грудями... Скажите им, сэр.

Кастер посмотрел на вспотевшего от напряжения Торнтон.

– Им нет никакого дела до того, что письма и посылки не доходят до адресата. Им наплевать на это, Торнтон?.. Не правда ли, Отважный Медведь?

– Совершенно верно, – откликнулся я. – В прериях идет война, и даже почтовые дилижансы не застрахованы от нападений.

Кастер резко встал и, опершись ладонями о край стола, отчетливо проговорил:

– Мы расстанемся врагами.

– Вокуини согласен с этим, – сказал Римский Нос, тронувшись к выходу. Кожаные концы его головного убора зашуршали по полу, а раковины и копытца на отворотах легин издали негромкий перестук. Мы с Тонкахаской двинулись следом.

– Видите ли, Торнтон, – услышал я за своей спиной Кастера. – У этих язычников дубовые головы и кровожадная натура. Они прирожденные головорезы.

Это утверждение было вопиюще несправедливым, и я обернулся.

– Есть дикари в военной форме. Они хуже язычников...

– Ты кого имеешь в виду, парень? – в глазах подполковника сверкнула угроза.

– Того же Скотта, который был настоящим ублюдком, и ему подобных.

– Честное слово, Торнтон, этот белый индеец когда-нибудь да попадется мне в руки...

Кастер сказал еще что-то, но я его уже не слышал. Мы спустились с веранды, прыгнули на лошадей и в сопровождении шайенских бойцов выехали за пределы форта Уоллес.

Целый год шайены сражались с солдатами Кастера, проявляя безграничную отвагу. Длинным Нолям не удалось одержать ни одной, сколько-нибудь значимой победы. Индейцы бились за свою землю отчаянно, смело, и весной на подмогу Кастеру прибыло полторы тысячи кавалеристов во главе с генералом Хэнкоком.

С осени 66 – го года наша палатка лишилась одного жильца. Вернувшись на юг, Джордж Бент часто ездил за Арканзас к племяннице Черного Котла, Мэгпи. И кончилось это тем, что он женился, заявив о своем желании оставить Тропу Войны и мирно жить в лагере старого вождя.

Многие осудили его за это, в первую очередь брат Чарли. Я же пожелал Джорджу счастливой супружеской жизни, сказав, что искренне ему завидую.

Все это время я не оставлял попыток найти Блэкберна. Но мои путешествия к Мустанг Крик ничего не дали. Ни его, ни Сайкса не было на юге. О его местонахождении не знал даже один из его приспешников, Томпсон, которого однажды я прижал к стенке.

«Босс и Черный Тони уехали по своим делам, – говорил он. – Я не знаю куда».

Итак, я продолжал кочевать с шайенами, упоая на то, что Блэкберн все же объявится на юге. И еще я надеялся, что сама Лаура как-нибудь сумеет дать весточку о себе.

Генерал Хэнкок, прибыв в форт Ларнед, не стал, однако, сразу бросаться в бой. Он решил провести с шайенами переговоры.

Римский Нос наотрез отказался ехать в форт Ларнед.

– Я услышу от генерала то же, что от Кастера, – прямо заявил он. – Мне нечего делать в форте.

На переговоры с Хэнкоком поехали Высокий Бизон, Бизоний Вождь и я в качестве переводчика и белого человека, который мог понять намерения людей своей расы. За собственную безопасность я мог быть спокоен: генерал клятвенно обещал неприкосновенность тем, кто откликнется на его зов.

Мы прибыли в форт Ларнед 11 апреля. Он был буквально переполнен вооруженными до зубов солдатами. В комнате агента по индейским делам нас приняли Хэнкок и Кастер. Вожди питали некоторые надежды на доброту и уравновешенность нового генерала. Они исчезли с его первыми словами.

– Почему я не вижу здесь Римского Носа, отъявленного злодея и головореза, – поджав губы, надменно спросил он.

Я не стал переводить вождям эти слова и на его вопрос ответил сам:

– Генерал, вы не успели поприветствовать известных вождей, а уже вешаете такие оскорбительные ярлыки на лучшего из шайенов.

Военный явно не ожидал подобных речей. Его глаза округлились, тонкие бескровные губы заметно дрогнули. Кастер наклонился к его уху и, кивая на меня, что-то проговорил. Глаза Хэнкока расширились еще больше.

– Вот, значит, каков убийца лейтенанта Скотта!.. Что ж, остается только пожалеть, что я не могу поступиться честью в отношении неприкосновенности послов. Но, полагаю, мы еще побеседуем с тобой, когда ты будешь в путях... Ну, если ты начал говорить, говори до конца: почему тут нет Римского Носа? По-че-му?

– Римский Нос лишь воин, генерал, – спокойно сказал я. – А вы требовали сюда вождей.

– Не надо мне пудрить мозги, – скривился Хэнкок. – Римский Нос стоит за всеми этими бесчинствами на границе, и я хотел видеть его.

– Перед вами достойные вожди. Вы обидите их, если не станете говорить с ними.

Генерал посоветовался с Кастером и начал:

– Давайте определимся сразу. Шайены должны уйти из Канзаса. Это первое и самое главное условие. Если вы будете упорствовать и не сложите оружия, мои солдаты постараются выбить его из ваших рук, и тогда прольется большая индейская кровь. Строительство желез-

ной дороги будет продолжено. И я не потерплю на Западе бесчинств в отношении строителей, переселенцев и почтовых служащих. Вам лучше прислушаться ко мне.

Я перевел, и слово взял Высокий Бизон. Он сказал генералу:

– Когда я услышал твой зов, я пришел к тебе. Я думал услышать от тебя что-то хорошее, но ошибся. Мне не понравились твои слова, не понравятся они и Римскому Носу.

Бизоний Вождь печально покачал головой.

– Мои уши были открыты. Я услышал горькие слова и мне хочется уйти отсюда.

Узкое лицо Хэнкока напряглось от раздражения.

– Убирайтесь! – рявкнул он. – Убирайтесь в свой поганый лагерь. Завтра я буду в нем со всеми солдатами. Мне нужно встретиться с Римским Носом.

Назавтра Римский Нос, собрав шайенов и южных оглала Убийцы Пауни, которые стояли лагерем рядом, выехал навстречу солдатам.

Я ехал позади Вокуини, крепко держа одной рукой узду, другой – карабин. Лидер южных шайенов облачился в свои боевые красивейшие одежды. Концы его пышного головного убора ниспадали с боков лошади до самой земли.

Завидев на вершине холма кавалеристов Кастера, он отдал приказ не стрелять и поскакал к ним. Концы его головного убора взвились в воздух, затрепетав на ветру, как крылья у птицы. Обернувшись, он позвал за собой меня. Я пришпорил Маркиза и догнал его.

Через пять минут состоялся разговор Хэнкока с Римским Носом, которого он так страстно желал видеть. Он проходил на открытой равнине.

– Почему ты не приехал в форт Ларнед? – слетел с губ генерала все тот же вопрос.

Я перевел Римскому Носу.

– Я не знал, что на уме у белого командира, – ответил тот.

– С тобой нет женщин и детей. Где они?

– Я их посадил на коней. Они далеко отсюда. Им страшны громкие ружья на колесах.

Перед тем как выехать в прерию, Римский Нос отослал всех женщин, детей и стариков на север, подальше от ненавистных Длинных Ножей.

– Ты обязан вернуть их назад, – жестко потребовал Хэнкок. – Я хочу, чтобы здесь собралось все племя. Я требую этого. В это же время завтра я должен увидеть здесь всех твоих людей.

Генерал брезгливо потряс кистью правой руки, давая этим знать, что разговор окончен.

Я посмотрел на Кастера. Он поймал мой взгляд и крикнул:

– Помоги Римскому Носу собрать людей, Кэтлин. Иначе я пригоню их под дулами ружей.

– Женщин и детей? – укоризненно произнес я. – Не сомневаюсь, что прославленному ветерану Гражданской войны это по плечу.

– Проклятье! – поморщился Кастер. – Ты ехидный парень, Кэтлин. У меня на таких, как ты хорошая память.

– Отличной тебе памяти, подполковник! – опять съязвил я и поскакал вместе с Римским Носом к шайенам.

Вернувшись в лагерь, мы оставили его стоять как есть, и направили лошадей в северную сторону, где находились женщины и дети. Не за тем, естественно, чтобы привезти их к Хэнкоку, нет. Белые хотели захватить их в заложники. Это было ясным, как день.

Спустя трое суток мы узнали, что Хэнкок, придя в ярость, приказал спалить два индейских лагеря дотла. Собрав в огромную кучу жилища, шкуры, домашние принадлежности шайенов и оглала, солдаты устроили из всего этого величайший из костров.

Если Хэнкок хотел мира, то своими глупыми действиями он только подбросил дров в топку нескончаемой войны в прериях. Его высокомерие и презрительное отношение к индейцам отторгли от него даже миролюбивых, колеблющихся вождей.

Мобильные военные отряды краснокожих вновь взялись за дело. В прериях воцарилась паника. Война, которую мог предотвратить генерал Хэнкок, вспыхнула с новой силой. Потом

он спохватился и попытался провести очередные переговоры. Но Римский Нос категорично заявил, что пока Хэнкок остается на западе, ни о каких переговорах не может идти и речи. Лишь осенью забрезжила надежда на то, что война будет приостановлена.

Обнадеживающие вести принес мой приятель, Джордж Бент, приехав в наш лагерь с юга, от Черного Котла.

Он сказал собравшимся в палатке Совета шайенам:

– Я послан к вам индейским агентом. Большая делегация из Вашингтона от Великого Белого Отца ждет шайенов на берегу Мэдисин-Лодж-Крик для подписания мирного договора. Там будут Черный Котел, Маленький Ворон, команчи, кайова и апачи прерий.

– И там будет Хэнкок, – усмехнулся Римский Нос.

– Пусть Вокуини не беспокоится. Генерала уже нет на западе. Его отозвали на восток.

– Это добрая новость.

– Да, белые привезли много даров для вождей и обещают справедливый мирный договор.

– Кто станет говорить о мире с шайенами? – спросил Тонкахаска.

– Генералы Шерман, Сэнборн, Терри и еще много важных лиц из Вашингтона.

– Шерман собирается говорить о мире с шайенами?! – воскликнул Римский Нос. – Это такой же истребитель индейцев, как Хэнкок, если не хуже!

– И все-таки он хочет видеть Римского Носа, – сказал Джордж.

Вокуини подумал и отчетливо произнес:

– Передай ему, сын Маленькой Шляпы, что Вокуини не трус, чтобы бежать на зов того, кто посылает против шайенов Длинных Ножей.

Римский Нос был верен своему слову. Он до тех пор отказывался от участия в переговорах, пока не узнал, что Шермана не будет на них. Наверное, комиссионеры поняли, что отсутствие боевого лидера южных шайенов восполнить ничем нельзя. Любой договор без его подписи превращался в жалкий клочок бумаги.

Переговоры начались 16 октября и продолжались в течение десяти дней.

Берега Мэдисин-Лодж-Крик никогда не видели столь впечатляющего числа индейцев. Их там было не менее четырех тысяч.

Согласившись ехать на юг, Римский Нос, однако, был осторожен. Он разбил свой лагерь в шестидесяти милях от ручья, заявив, что у него нет особой склонности доверять белым. Чарли Бенту, мне и еще нескольким молодым воинам было поручено стать курьерами между нашей стоянкой и лагерем Черного Котла.

Когда я увидел старого верховного вождя южных шайенов, то не мог не признать, что это был действительно великий человек. Нет, ни внешность, ни осанка не произвели на меня впечатления. Его глубокие, полные какой-то неизбывной мудрости и доброты, глаза – вот что запало мне в душу. Это были глаза умудренного опытом индейца, который ведал или догадывался обо всем на свете.

Приняв меня с Чарли в своей палатке, где сидели два его старинных друга, Маленькая Шкура и Маленький Ворон, он угостил нас едой и пустил трубку по кругу. Потом положил трубку в чехол и вежливо узнал мое имя.

Я ответил.

– Ниго Хайез пришел к шайенам в суровый час, – покачал головой он. – И как долго он собирается жить с ними?

– Пока они свободны и сражаются, – самоуверенно ответил я.

Черный Котел вздохнул и, улыбувшись, сказал:

– Храбрая речь для молодого белого воина... Да, храбрая, и ей трудно что-либо противопоставить. – Его глаза поднялись на Чарли. – Ну, сын Маленькой Шляпы, говори, мы слушаем.

– Мотовато, – сказал Бент. – Римский Нос и вожди Собак не хотят, чтобы ты прикасался к говорящей бумаге без их ведома.

– Я уже не тот вождь, что был раньше. Я не могу отвечать за весь народ. Они должны знать это.

– Они знают и о том, что ты уже подписывал договор без их согласия.

– Я хотел добра шайенам.

– Вожди так не считают.

Старик пожал плечами.

– Я сам был когда-то молодым, и мудрость старейшин не касалась моей головы... Хорошо, я не стану ставить свой знак на бумаге белых... Но я сделаю это, если их требования будут достойными внимания. Ради тех, кто кочует со мной.

– Тогда белые могут воспользоваться твоей подписью для давления на остальных шайенов, – возразил Бент.

В разговор вступил Маленькая Шкура:

– Я поставлю свой знак вслед за Мотовато, если он это потребует.

– Мои арапахи всегда дружили с шайенами Мотовато, – поддержал его Маленький Ворон. – Я поставлю свой символ вслед за ним.

Я видел, что эти слова раздражали Чарли и не удивился, когда он резко встал на ноги и бросил в лицо вождям:

– Вы старые люди и как всем старикам вам хочется покоя. У моего брата уже размякло сердце от ваших трусливых речей, но для меня они – пустой звук!

– Да, я стар, – согласился с ним Черный Котел. – Но и мудр. Очень плохо, что голос мудрости тонет в призывах к войне... Иди, сын Маленькой Шляпы. Я дышу твоей ненавистью.

Всю обратную дорогу до нашего лагеря Чарли кипел от негодования, обзывая вождей то трусами, то старыми, ни на что не годными индюками.

В конце октября после длительных дебатов и разногласий мирный договор был достигнут. Подписавшиеся под ним вожди обязались увести своих людей за Арканзас и никогда, ни под каким предлогом, не покидать резервации. Иными словами, не возвращаться в долины Смокки-Хилл и Рипабликэн, чтобы не мешать прокладке железной дороги «Канзас-Пасифик».

Может быть, эти договоренности и отвечали насущным интересам организаторов переговоров, но полного удовлетворения они вряд ли получили. Почему? Очень просто. По своим соображениям такие влиятельные лидеры южных шайенов, как Римский Нос, Черный Волк и другие не сочли нужным поставить символы под условиями договора. А это означало одно: самая боевая часть шайенов осталась на Тропе Войны. Римский Нос отказался отречься от своей родины, и триста его последователей поддержали его, вернувшись в долину Смокки-Хилл.

Всю зиму и большую часть весны 68 – го года я провел в лагере Римского Носа на пологих берегах истоков Смокки-Хилл. Военные нас не беспокоили, пищи и топлива было вдоволь. Уже в феврале к нам начали прибывать первые шайены и арапахи, которым опротивела полуголодная жизнь за Арканзасом. Белые снова обманули индейцев. Обещанные по договору продукты, оружие для охоты, одежда поступали в индейские лагеря в мизерных количествах, нерегулярно. И никакие увещевания старых вождей не могли остановить молодых воинов. Те шли на север, к Римскому Носу, грабя пристанционные поселки, увозя скот с ферм и захватывая в плен или уничтожая бледнолицых, какие попадались на пути.

Одна такая группа молодых шайенов в начале мая приехала в наш лагерь с белым пленником. Привыкнув за это время к тому, что индейцы привозили с собой американцев, которых обменивали потом на плененных армией воинов, я без особого интереса наблюдал за их приближением, сидя с Чарли Бентом возле палатки.

– Еще один неудачник, – заметил Бент.

– Почему же неудачник? – возразил я. – Он жив и пойдет в обмен в отличие от тех, кого приканчивают сразу... Ого! – вырвалось у меня, когда американец приблизился. – Да он еще и не связан!

Действительно, белый сам управлял лошадьё, чего не позволялось другим пленникам.

Я напряг зрение, рассматривая внешность плечистого всадника.

– Бог ты мой! – воскликнул я, вскакивая на ноги. – Так это же Черный Тони!

Мне трудно было ошибиться. Такого крупного лица, утопавшего в жгучей черной бороде, больше не существовало на свете.

Я подбежал к Сайкзу и буквально стащил его с лошади, заключив в объятия.

– Полегче, Кэтлин! – зарокотал он. – Ты сломаешь мне ребра!

Почти три года я томился в неведении относительно пропавшей Лауры. Я страдал, как никто из влюбленных, и вот, кажется, настал конец неопределенности. Можно было от чего потерять голову.

– Рассказывай, черт побери, где Лаура? – тряся плечи Сайкза, прокричал я.

– Да жива она, жива, Кэтлин, – вырвавшись из моих тисков, сказал он. – Жива, здорова, стала взрослей и по-прежнему любит тебя одного.

– Где она?

– Пока ты мне не дашь напиться воды и поесть, я не скажу тебе ни слова.

– Хорошо, только скажи, как ты вообще тут оказался?

– Как я оказался здесь? – проговорил он, когда мы тронулись к палатке. – Получилось так, что по пути в резервацию мескаlero я напоролся на твоих индейцев. Они застали меня врасплох. Поняв, что это шайены, я откинул винчестер в сторону и показал им на языке знаков, что ищу тебя, Кэтлин. – Сайкз широко улыбнулся. – Это конечно неправда, но мне нужно было как-то выкручиваться. В общем, мне поверили, и вот я здесь.

В палатке Сайкза угостили супом из бизоньего мяса и поджаренным на углях языком. Когда он достал из кармана сигару и раскурил ее, я снова спросил его о местонахождении Лауры.

– Слушай, Кэтлин, – остановил он меня. – Тебе не интересно узнать, где была она все эти годы, что происходило с нами?.. Ведь не убегу я отсюда прямо сейчас!

– Ну, хорошо, черт возьми! – сдался я. – Рассказывай!

– Открой уши пошире, это будет занимательная повесть. – предупредил он.

Сайкз не преувеличивал. Мы с Чарли слушали его, забыв обо всем на свете.

Глава 18

(Рассказ Сайкза.)

Конец лета 65 – го года мы провели в Канзас-Сити. После удачной торговли с южными племенами у нас хватало денег, чтобы кутить и веселиться напропалую. Самые роскошные апартаменты центрального отеля были в нашем распоряжении.

Лауру Стив держал взаперти в отдельном номере, который охранялся денно и ночью нашими пауни. Лучших цепных псов было не сыскать, и, по правде говоря, я не завидовал девушке. Не скрою, иногда мне на ум приходили мысли как-нибудь вызволить ее из беды, но это были только мысли. Пауни слышали приказ Блэкберна не спускать с пленницы глаз и скальпировали бы любого, кто осмелился бы противостоять им. Даже меня.

Днями и вечерами мы торчали в салуне Майкла Брэккетта, а ближе к полуночи разбредались кто куда в поясах наслаждений. Стив любил Лауру, боготворил ее, но это не мешало ему веселиться с другими женщинами. То, что он не мог никак получить от Лауры, ему легко доставалось от них.

Я обычно ночевал у хорошенькой доступной вдовушки, жившей по соседству с салуном «Желтый Орел». Она была очаровательной крошкой, это следует признать.

По утрам, возвращаясь от нее в отель, я почти всегда заглядывал в «Желтый Орел», чтобы пропустить холодного лимонада и опохмелиться. Это питейное заведение, как ты знаешь, Джо, стояло на отшибе, посетители не жаловали его своим присутствием. Лишь один странный тип, когда бы я туда ни зашел, вечно сидел в облюбованном им уголке. Не смотря на преждевременную седину, он был средних лет, высок, широкоплеч. Из-за ужасающей худобы видевшее лучшие времена платье висело на нем как на вешалке. Увидев его в первый раз, я сразу понял, что с ним не все в порядке. Он был одним из тех, кто еще не совсем сошел с ума, но порядком тронулся. Его отсутствующий взгляд явно говорил об этом.

Мне было жаль беднягу. И я всегда давал ему мелочь на еду и выпивку. Он брал деньги, улыбался мне какой-то дебильной улыбкой, и уходил завтракать в свой уголок.

– Что это за бедолага? – спросил я как-то у бармена.

– Том Портер, – ответил тот. – Я его давно знаю. Он работал клерком в одной конторе, а года два назад уехал вместе с братом искать золото в Монтане. Вернулся недавно без брата, без гроша в кармане и, кажется, оставил где-то значительную часть своих мозгов. Спит на соседней конюшне, а днями торчит здесь. Я ничего не имею против. Жалко мне его, богом обиженного. Кроме меня да вас, мистер Сайкз, ему некому помочь.

– Отчего это он свихнулся?

– Да я его спрашивал, только какой толк? Бормочет что-то насчет бандитов в Монтане и кровожадных индейцев, показывая мне пальцы без ногтей и грудные шрамы.

– Наверное, побывал в плену и у тех, и у других.

– Все может быть, мистер Сайкз.

Я продолжал наведываться в «Желтый Орел» и ни разу не случилось такого, чтобы Портера там не было. Но однажды я его не застал в салуне.

– Что это стряслось с твоим верным посетителем? – поинтересовался я у бармена.

– В больнице он, мистер Сайкз.

– Совсем свихнулся?

– Этого не могу сказать, но на конюшне, где он спит, его лягнула лошадь. Прямо в голову.

– Ну, если выйдет из больницы, то полным идиотом.

– Скорее всего, – согласился бармен.

Недели две меня не было в «Желтом Орле», а когда зашел туда, то глазам своим не поверил. На самом видном месте в новом твидовом костюме и щегольской широкополой шляпе сидел наш Портер и потягивал дорогое шампанское. Ну, прямо обеспеченный, уважающий себя джентльмен, живущий в свое удовольствие.

– Похоже, мы поторопились записать его в идиоты, – говорю я бармену.

– Точно, мистер Сайкз, – отвечает тот. – Прямо чудо! Он, вроде, выздоровел и где-то, надо сказать, неплохо разжился.

– Ты не говорил с ним?

– Конечно, говорил. Но он предпочитает отмалчиваться. Узнав, что я каждый день кормил его, он поблагодарил меня и заплатил за все обеды сразу. Я ему сказал отблагодарить и вас, мистер Сайкз, коль он в здравом уме и при деньгах. Кстати, он долго расспрашивал о вас и хотел с вами побеседовать... Эй, Портер, вот и мистер Сайкз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.